

# Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 3 • 2009 • ИЮЛЬ—СЕНТЯБРЬ

Выходит один раз в три месяца

## Содержание

### *История перевода и переводческих учений*

- Гарбовский Н.К., Костикова О.И.* Исповедь великого переводчика, или Первый европейский трактат о переводе . . . . . 3
- Королева М.Н.* О переводе и языке *Foirm na n-urruidheadn* . . . . . 37

### *Методология перевода*

- Богатикова Ю.А.* Прием художественного «гипертекста» и проблема переводческого комментария в романе В.В. Набокова «Бледное пламя» . . . . . 50
- Дашинимаева П.П.* От онтологии речи к моделированию перевода (послесловие к лекциям Е.Ф. Тарасова). . . . . 62

### *Лингвистические и культурологические аспекты перевода*

- Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А.* Городское пространство в языковой картине мира европейцев: стратегии адекватного перевода . . . . . 73
- Горохова Т.Н.* Проблемы адекватности перевода японских «айдзути» на русский язык . . . . . 89
- Хунтхужева И.Х.* Структурно-семантические аспекты перевода концептосферы «язык» в разносистемных языках. . . . . 100

### *Вопросы терминологии*

- Алексеева М.О.* Своеобразие пространства смыслов в терминологии русского православия. . . . . 111

### *Хроника научной жизни*

- Костикова О.И.* Наука о переводе сегодня: итоги и перспективы совместной научной работы в области теории, истории и методологии перевода . . . . . 123

## **Contents**

### ***History of translation and translation studies***

- Garbovskiy N., Kostikova O.* Concession of the Great Translator or the First European Treaty of Translation . . . . . 3
- Koroleva M.* The Translation and Language of Foirm na n-Urrnuidheadh . . . 37

### ***Translation Methodology***

- Bogatikova U.* Hypertext as a Literary Devise and the Problem of Translation with Commentaries in the Novels by V.V. Nabokov . . . . . 50
- Dashanimaeva P.* From speech anthology towards translation modeling (after word to Ye.F. Tarasov's lectures) . . . . . 62

### ***Linguistic and culturological aspects of translation***

- Buligina E., Tripolskaya T.* Urban Space in the European Language Picture of the World: Strategy of the Appropriate Translation . . . . . 73
- Gorohova T.* Adequacy Issues of Translating Japanese Backchannels into Russian . . . . . 89
- Khunkhugeva I.* The Structural-semantic Aspects of Translating the Conceptosphere "Language" in Languages with Differing Systems . . . . . 100

### ***Terminology Studies***

- Alekseeva M.* The Peculiarities of the Space of Sense in the Russian Orthodox Terminology . . . . . 111

### ***Chronicle of Scientific Life***

- Kostikova O.* Science of Translation Today: Results and Perspectives of Joint Scientific Work in the Field of Translation Theory, History, and Methodology . . . . . 123

## ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

**Н.К. Гарбовский,**

доктор филологических наук, профессор, декан Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова

**О.И. Костикова,**

доцент, зам. декана по научной работе и международным связям высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова

### ИСПОВЕДЬ ВЕЛИКОГО ПЕРЕВОДЧИКА, ИЛИ ПЕРВЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ТРАКТАТ О ПЕРЕВОДЕ

Статья посвящена трактату св. Иеронима «О наилучшем способе перевода». Данная публикация открывает серию оригинальных материалов, представляющих собой значительные вехи в истории перевода и их переводы на русский язык.

**Ключевые слова:** история перевода, трактат «О наилучшем способе перевода», бл. Иероним.

**Nikolay K. Garbovskiy,**

PhD, Professor, Dean of the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University

**Olga I. Kostikova,**

Associate Professor. Vice-dean the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University

#### **Confession of the Great Translator or the First European Treaty on Translation**

The article deals with St. Jerome's treaty "On the best method of translation". It is the first in the series of original materials about the prominent stages in translation history and the translation into Russian.

**Key words:** translation history, treaty "On the best method of translation", St. Jerome.

История перевода знает множество фактов, когда теоретические размышления о переводе рождались из-под пера переводчиков, обвинявшихся современниками в «переводческой несостоятельности».

Даже Марк Туллий Цицерон в известном трактате «О наилучшем типе ораторов» [DE OPTIMO GENERE ORATORVM], фрагмент которого неоднократно приводился во множестве исследований по переводу и давал основания считать Цицерона апологетом вольного перевода, не превозносит величие своего, писательского, метода перевода, а оправдывает его перед современниками. Он писал, что его труд, т.е. перевод речей Эсхина и Демосфена, подвергается критике двоякого рода. Во-первых, его упрекают в том, что его пе-

ревод на латинский язык не столь хорош, как греческий оригинал. «А могли бы сами критики сказать по-латыни лучше?» — парирует оратор. Второй упрёк касался того, что латинский текст нельзя прочитать столь же быстро, как греческий оригинал. По-видимому, Цицерон, стремившийся передать смысл речей аттических ораторов, допускал переводческие перифразы, когда греческие слова не находили в латыни столь же лаконичных эквивалентов.

Но глубокое и яркое высказывание римского оратора никак не может претендовать на статус трактата. Разумеется, Цицерон пишет полемический текст. Но не перевод, не сложности передачи мыслей авторов оригинала оказываются его целью. Оратор Цицерон возмущён тем, что его переложение на латинский язык речей греческих авторов не получило должного признания у современников. Пафос его предисловия: «А что я ещё мог сделать? Попробуйте, сделайте лучше». Естественно, живая полемика, показывающая, что просвещенные римляне, владевшие греческим языком столь же совершенно, как и латинским, болезненно реагировали на все недостатки переводов, чрезвычайно важна для понимания переводческой концепции Цицерона. Каждому переводчику хорошо известно, что критиковать перевод несравненно легче, нежели найти самому нужные и «по весу», и по красоте слога, благозвучию, формы переводящего языка. Но Цицерон лишь закладывает основы дискуссии о переводе, которая продолжается уже два тысячелетия. Анализ переводческих трудностей и переводческих решений мы находим в работе другого римлянина, родившегося на несколько столетий позже Цицерона, но считавшего его своим Учителем, а именно, Иеронима Стридонского.

Иероним Стридонский — один из Отцов церкви, переводчик и богослов, возведенный католической церковью в лик святого<sup>1</sup>. Переводчику Иерониму принадлежит заслуга появления литературного и богословского шедевра — латинской версии Библии, известной под названием «Вульгаты»<sup>2</sup>. Этот факт хорошо известен и подробно описан в литературе как по истории перевода, так и по истории богословия.

Но не только латинская версия Священного Писания сделала Иеронима небесным покровителем переводчиков.

Иероним оказался первым мыслителем, погруженным в практическую переводческую деятельность и имевшим выдающуюся способность размышлять о переводе. Эти два условия позволили ему создать ряд трудов, в которых перевод представал как один из сложнейших и противоречивых видов интеллектуальной деятельности.

---

<sup>1</sup> В православной церкви Иероним Стридонский, как и Августин, епископ гиппонский, определяется как блаженный, что, однако, не уменьшает его лик как святого в понимании католической церкви.

<sup>2</sup> *Biblia sacra vulgatae editionis.*

Для истории перевода и современной науки о переводе переводческий опыт и переводческая философия Иеронима представляют несомненный интерес несмотря на то, что современных исследователей и переводчиков отделяют от их небесного покровителя полторы тысячи лет. Но разве законы физики, механики, геометрии, риторики и языкознания, выведенные античными авторами, утратили актуальность сегодня? Многие из них составляют основу современного научного знания. Подобно этому философские рассуждения древних авторов о переводе никак не противоречат современным взглядам, постоянно уточняясь и дополняясь новыми аргументами, новыми подходами, новым таксономиями и методологическими решениями.

В историческом плане вклад Иеронима в науку о переводе характеризуется особой, первичной, фундаментальностью. В самом деле, в европейском культурном наследии не осталось никаких иных свидетельств тому, что кто-то иной до него столь же глубоко задумывался о том, что представляет собой переводческая деятельность. Ведь, Иероним вошёл в историю перевода не только благодаря объёму созданных им переводных произведений, и в первую очередь перевода текстов Священного Писания, но и основательности и многоплановости его теоретического и методологического наследия, показывающего сомнения, убеждения и внутренние противоречия «человека переводящего».

Личность переводчика оказывается одной из основополагающих категорий в философии перевода французского исследователя Антуана Бермана. В работе «В пользу критики перевода: Джон Донн» Берман развивает тезис о том, что для теории перевода, а точнее, для построения оснований критики перевода необходимо, прежде всего, знать, что представляет собой личность переводчика. «Анализируя перевод, — пишет исследователь, — необходимо чётко представлять себе: кто переводчик? Ведь, размышляя о литературном произведении, мы без конца спрашиваем: кто автор?» [Berman, 1995, p. 73]. Правда, по мнению Бермана, за двумя одинаковыми по форме вопросами стоят разные смыслы. Так, говоря об авторе, нас будут интересовать сведения из его биографии, психологические и экзистенциальные мотивы, способные пролить свет на его произведения. И даже если сторонники структурного и имманентного анализа стремятся ограничить значимость этих аспектов, вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что, не зная все о жизни Дю Белле, Руссо, Гельдерлина или Бальзака, сложно понять их творчество.

«Но вопрос: Кто переводчик? — продолжает Берман, — преследует совершенно иную цель» [Ibid.]. Нельзя не согласиться с Берманом в том, что обычно, за редким исключением, ни биография переводчика, ни его переживания нас не касаются. В самом деле, кого интересовала личность многих переводчиков, принёвших

в русскую культуру Гомера, Шекспира, Вольтера, Хемингуэя и многих других авторов шедевров мировой литературы?

Но интерес исследователя или критика перевода, весьма отличается от интереса читающего потребителя переводной литературы. Для них личность переводчика не может оставаться в тени. Анализируя или критикуя перевод, они непременно задумываются о личности «человека переводящего».

Берман предлагает некую матрицу, которая могла бы помочь раскрыть, разумеется, только при первом приближении, личность переводчика.

В этой своеобразной социологической анкете должны содержаться, по мнению французского исследователя, ответы на следующие вопросы:

1. Каково отношение переводчика к языку перевода и принимающей культуре (является ли для него язык перевода и принимающая культура родными).

2. Каково отношение переводчика к переводу: основная профессия или любительство?

3. Занимается ли переводчик самостоятельным литературным творчеством?

4. С каких языков переводит и насколько он ими владеет?

5. Работает ли переводчик в одном жанре или нет, переводит ли только одного и того же автора или нет?

6. Каковы круг авторов и библиография переведенных произведений?

7. Какова метатекстовая практика переводчика, публикует ли он комментарии о переводимых произведениях и авторах; а также рассуждения о собственной переводческой деятельности и о переводе вообще? [Ibid.]

В отличие от многих других переводчиков, трудившихся на благо развития цивилизаций, Иерониму повезло больше других: его личность, строптивая и противоречивая, довольно хорошо описана во множестве работ биографов и богословов. Его высказывания о переводе и многочисленные жизнеописания позволяют построить схематичный образ Иеронима-переводчика на основе матрицы, предложенной Берманом. Но прежде чем попытаться ответить на эти семь вопросов, обратившись к творчеству и личности переводчика Иеронима, вспомним, что писал о нем Эразм в письме папе Льву X: «Сама учёная Греция едва ли имеет кого-нибудь, с кем могла бы сравнить этого мужа, наделённого столькими исключительными дарами. Сколько в нём римского красноречия, какое знание языков, какая осведомлённость во всём, что касается истории и древностей. Какая верная память, какая счастливая разносторонность, какое совершенное постижение мистических письмен»

(св. Писание). И сверх того, какой пыл, какая изумительная вдохновенность души божественной» [цит. по: Диесперсов, 1916, с. 5].

В этом высказывании уже даётся определённая характеристика личности Иеронима, его аналитических и литературных способностей, его образованности, прежде всего в области истории, его лингвистической и богословской компетентности. В некотором смысле в этой характеристике Иеронима содержится ответ на первый вопрос, предложенный Берманом: *Каково отношение переводчика Иеронима к языку перевода и принимающей культуре (является ли для него язык перевода и принимающая культура родными)? «Сколько в нём римского красноречия!»* — восклицает Эразм.

Это даёт нам основания полагать, что латинским языком, на который Иероним переводил тексты Священного Писания с еврейского и греческого, он владел в совершенстве. Косвенным подтверждением тому является также то, что папа Дамасий именно его выбрал в качестве своего личного секретаря и секретаря Собора. Сложнее понять, была ли принимающая (латинская) культура для него родной, был ли родным, т.е. «материнским», латинский язык. Иероним родился в Стридоне на границе двух провинций римской империи — Паннонии и Далмации. Можно предположить, что в этом районе, населённом разными народностями, в тот период существовала ситуация диглоссии, в которой латинский язык, выполнявший функцию государственного языка римской империи, сосуществовал с языками местных народностей.

Иероним происходил из достаточно богатой семьи и получил хорошее по тем временам домашнее образование. Он был очарован произведениями древних ораторов, писателей и поэтов и в своих литературных опытах стремился подражать им. Уже юношей он отправился в Рим, где продолжил своё образование. В Риме он быстро прославился своим красноречием и остроумием.

Известно, что Иероним имел довольно язвительный характер и нередко бросался в яростную полемику с противниками. Но когда его красноречие, либо содержание его «произведений» подвергались критике, он начинал истинную словесную дуэль и был безжалостен к противнику, забывая о христианской морали всепрощения.

В письме «К Домниону» Иероним высказывается по поводу некоего монаха, пытавшегося опорочить его, исказив смысл его трактовки Писания. Разумеется, анализировать письмо — жанр наиболее обусловленный как социально, так и исторически — дело довольно сомнительное. Но можно попытаться извлечь из письма те места, которые показывают трепетное отношение Иеронима к репутации красноречивейшего римлянина.

В этом письме, согласно законам ораторского искусства, Иероним сначала скромно признаёт, что, возможно, утратил способ-

ность к красноречию. «Чему же удивляться, — восклицает он, если меня, уже давно находящегося в отсутствии и без практики в латинском языке сделавшегося наполовину греком и варваром, одолел этот человек, остроумнейший и сильнейший в латыни?» [Блаженный Иероним Стридонский, 2006, с. 127]. Затем он миролюбиво говорит о том, что можно было бы написать ему об ошибках, если юный монах считал его заблуждавшимся, или попросить разъяснения. При этом он приводит цитату из Писания: *Кто не согрешит в слове, тот человек совершенный* (Иак. 3, 2) [там же, с. 128]. Именно так и поступали его добрые друзья, в частности Паммахий. Иероним вопрошает, кто дал право его противнику судить других, и предлагает ему, взявшись за стиль, беседовать письменно. Ведь это дало бы ему возможность ответить. «Я сам могу кусаться, если захочу, сам могу больно уязвить. И мы грамоте учились» — восклицает он, — тут же, по-христиански, добавляя: «Но я лучше хочу быть учеником Того, Кто сказал: *Я предал хребет Мой бьющим и ланиты Мои поражающим; лица моего не закрывал от поруганий и оплевания* (Ис. 50, 6). *Будучи злословим, Он не злословил взаимно* (1 Пет. 2, 23)» [там же, с. 130]. Но сквозь христианскую мораль всепрощенчества пробивается бурный поток возмущения и обиды. Иероним парирует, говоря, что красноречие соперника хорошо лишь в кругу женщин, что тот испугался его авторитета в Риме. Находясь вдали от Рима, он предлагает ему вступить в письменную полемику. «Тогда он поймет, что иное дело площадь, а иное дело — кабинет, иное дело — рассуждать о догматах Божественного закона среди веретен и корзин девиц, а иное дело — среди ученых мужей» [там же, с. 131]. Иероним абсолютно уверен в превосходстве своего красноречия: «А когда он примется писать, столкнется со мной нога с ногой и будет или сам предлагать нечто от Писаний, или выслушивать, что я буду предлагать, — тогда-то он вспотеет, тогда-то пораздумает. Прочь Эпикур, дальше Аристипп, свинопасы не придут, свинья не захрюкает» [там же].

Всё это позволяет предположить, что Иероним чувствовал свою силу в римском красноречии и не видел перед собой соперников, способных превзойти его в этом. Поэтому можно утверждать, что латинский язык, на который он переводил, и принимающая латинская культура были им полностью ассимилированы, т.е. являлись родными.

На следующий вопрос, предложенный Берманом для оценки личности переводчика, — *Каково было отношение Иеронима к переводу, был ли для него перевод основной профессией или хобби-любительством*, — ответить довольно сложно. По своей формулировке этот вопрос, имеющий явную социальную значимость, скорее может быть отнесён к современным переводчикам, нежели к Иерониму.



В самом деле, что следует иметь в виду под профессией? Основной род занятий, общественно полезный труд, являющийся основным источником доходов, деятельность в соответствии с полученным образованием? Вряд ли эти определения способны охарактеризовать переводческую деятельность блаженного Иеронима и его отношение к переводу. Иероним, разумеется, не был толмачом-переводчиком, но перевод составлял одно из главных дел его жизни. Понятие «профессии» является сугубо социологическим и показывает определённую позицию индивида в сфере общественной занятости.

С другой стороны, вопрос, сформулированный Берманом, высвечивает ещё одну оппозицию, скорее аксиологического характера. Понятия «профессионализма» и «любительства» связаны с оценочными представлениями как самого человека, занимающегося той или иной деятельностью, так и общества, оценивающего результаты труда, а иногда и сам процесс производства продукта. Но «профессионализм» — это не только характеристика умения, мастерства в выполнении той или иной социальной функции. Профессионализм переводчика заключается в *знании* закономерностей переводческой деятельности, в *осознанном* преобразовании системы смыслов оригинала, в недопущении случайного, в понимании границ перевода. Именно это отличает переводчика-профессионала от билингва-любителя. Понятие «профессионализма» показывает этическую сторону переводческой деятельности. Оно свидетельствует о рациональной, научно оправданной стратегии переводчика, в отличие от «любительства», основанного на эмпиризме. «Разумеется, — писал Берман, — переводить, значит писать и перелгать. Но это письмо и это переложение приобретают истинный смысл лишь тогда, когда определяются с позиции этики, управляющей ими. В этом смысле перевод оказывается ближе к науке, нежели к искусству, во всяком случае, если говорить об этической безответственности искусства» [Berman, 1984, p. 17]. В этом смысле отношение Иеронима к переводу было профессиональным, как с точки зрения онтологии, так и с точки зрения прагматики.

В отличие от своих именитых предшественников Цицерона и Горация, перевод не рассматривался им как упражнение для развития красноречия, как второстепенное занятие, а имел самостоятельную познавательную ценность, тесно переплетаясь с самостоятельным творчеством. И как переводчик Священного писания, и как переводчик греческой церковной литературы, и как переводчик-историк Иероним, главным образом, обеспечивал потребности, назревшие в общественном сознании.

Из множества хроник и жизнеописаний Иеронима известно, что, находясь на службе у папы Дамасия в качестве его личного

секретаря, библиотекаря и секретаря собора, Иероним по настоянию папы в 382 г. приступил к редактированию и приведению к единству текстов «италийской» версии Священного Писания на латинском языке. К этому моменту «Итала» существовала в нескольких разных вариантах, в которых находили много неточностей, что предоставляло широкие возможности для разных, порой спекулятивных, толкований тех или иных положений.

В 383 г. Иероним представляет папе Дамасию стилистическую и богословскую редакцию Нового Завета и Псалтири, которые принимаются к богослужению.

Уже в Вифлееме Иероним завершает редактирование книг Ветхого Завета. Но, по свидетельству Святого Димитрия Ростовского, сославшегося на самого Иеронима, этот труд «по лукавству одного человека» бесследно пропал [Жития].

Иероним решил сделать новый перевод Библии, опираясь на первоисточник — текст на древнееврейском языке — и версию Семидесяти. Именно эти переводы и стали главным делом его жизни, принесшим ему славу во всем христианском мире. Однако переводческая деятельность Иеронима не ограничивается исключительно переводом книг Нового и Ветхого заветов. Ему принадлежат переводы на латинский язык гомилий Оригена, «Хроник Евсевия Кесарийского» и др.

*Занимался ли переводчик Иероним самостоятельным литературным творчеством?* Перевод Священного Писания стал основным делом его жизни, но помимо перевода Иероним оставил богатое наследие литературных произведений в области истории, философии, богословия.

Представляют несомненный интерес для современной науки о переводе его разыскания в области библейской ономастики. Его сочинение «Об еврейских именах» содержит объяснения различных собственных имён, встречающихся в ветхозаветных и новозаветных книгах Священного Писания. «Книга о положении и именах еврейских мест» представляет неоспоримую научную ценность для переводческого осмысления топонимики Священного Писания, понимания топографии Палестины. «Труд Иеронима “Еврейские вопросы на книгу Бытия”», — другое произведение блаженного Иеронима рассматриваемого рода, представляет собой критические замечания на труднейшие места книги Бытия, сделанные на основании сравнительного изучения текстов “италийского”, еврейского и греческого 70 толковников», — отмечал Димитрий Ростовский [там же]. Иероним написал также немало произведений, часто в виде посланий, по нравственно-этическим, историческим и богословским вопросам.

*С каких языков переводил Иероним и насколько он ими владел?*

Каким бы ни было владение Иеронимом языками оригинала, переводящим языком оказывался латинский, которым он владел в совершенстве. Родившись в г. Стридоне в римской провинции, Иероним получил образование в Риме, где он обучался в школе знаменитого римского грамматика Элия Доната, а затем изучал риторику у популярнейшего ритора того времени Марийя Викторина Арфа [Блаж. Иероним]. Это дало ему возможность развить своё ораторское искусство, совершенствоваться и расширить знания латинского языка.

Находясь в Антиохии в начале 370-х гг., он изучает греческий язык. Что касается произведений греческой церковной литературы, их переводы объяснялись насущной потребностью заполнить лакуны пока еще бедной западной церковной литературы лучшими образцами литературы восточной, богатой и разнообразной. А Иероним был одним из немногих на западе знатоков этой литературы.

После посещения Святой земли, удалившись в пустыню Халкис, Иероним приступает к изучению древнееврейского языка. Но если в отношении греческого языка, по свидетельству историков, можно говорить о билингвизме переводчика, то владение древнееврейским языком у Иеронима было скорее пассивным. Иероним изучил этот язык в зрелом возрасте в научных целях, главным образом для того, чтобы прийти к более глубокому пониманию ветхозаветных текстов, читая их в оригинале. Но не следует забывать, что Иероним при осмыслении еврейских текстов не стеснялся постоянно обращаться за помощью к ученым раввинам.

Считают, что Иероним знал и «халдейский» язык (неправильное название западноарамейского наречия), что представляется правдоподобным, так как на этом языке написана часть книг Ветхого Завета, которые также переводил Иероним, в частности «Товит» и «Иудифь». Сама многообразная и весьма впечатляющая по объему переводческая практика Иеронима косвенно свидетельствует о замечательных лингвистических познаниях древнего переводчика.

Известные нам сегодня переводы, выполненные Иеронимом, показывают, что, работая главным образом в области религиозной литературы разных жанров, он переводил и исторические произведения, в частности уже упоминавшиеся «Хроники Евсевия Кесарийского» и другие произведения. Обширность интересов Иеронима, разносторонние знания позволили ему братья за перевод произведений самых разных авторов, среди которых Ориген, Аполлинарий, Дидим и другие.

Эти упоминания о переводческой деятельности Иеронима дают некоторый ответ на вопросы о том, *каковы были круг авторов и библиография переведенных произведений*, а также о том, *в каких жанрах он преимущественно переводил*.

Наконец, последний и самый важный для теории перевода вопрос о том, *какова была метатекстовая практика переводчика, публиковали рассуждения о собственной переводческой деятельности и о переводе вообще?*

На этот вопрос даёт исчерпывающий ответ трактат, написанный Иеронимом в форме послания (Письмо LVII): «К Паммахию. О наилучшем способе перевода» [Hieronymus]. Этот документ раскрывает перед нами не только личность древнего переводчика, но и его взгляды на принципы перевода, на возможности и границы перевода, на критерии «верности» перевода. Трактат, по праву считающийся первым в европейской культуре теоретическим сочинением о переводе, даёт первые представления о том, что в основе перевода лежит интерпретативная деятельность по расшифровке и толкованию средствами переводящего языка системы смыслов оригинального текста. Иероним сравнивает переводчика по выполняемой им функции и по возможностям интерпретации с евангелистами.

История создания трактата вполне обычна. Письмо Паммахию — это исповедь оскорблённого переводчика, обвинявшегося во лжи, в том, что в своих переводах он искажил истинный смысл исходных речевых произведений. Поводом послужила история с письмом папы Епифания епископу Иоанну, в котором содержались упреки в адрес епископа. Некий Евсевий упросил Иеронима перевести это письмо с греческого на латинский исключительно для собственных нужд, но затем перевод получил огласку. Церковные иерархи к тому времени уже простили друг другу прошлые обиды и обвинили Иеронима в искажениях, которые они нашли в переводе, в частности в форме обращений. На самом деле церковные иерархи обрушились на более значительные переводы Иеронима, т.е. переводы книг Священного Писания. Трактат Иеронима — попытка объяснить свои принципы перевода, на которые он опирался в переводе вообще и в переводе Священного Писания в частности.

Мы приводим ниже этот документ полностью на латинском языке и его перевод на русский язык с латыни Н. Холмогоровой под редакцией М. Касьян и Т. Миллер с любезного разрешения автора и редакции журнала «Альфа и Омега», в котором был опубликован этот перевод (1995, № 4 (7), с. 173—187).

1. Paulus Apostolus, praesente Agrippa rege, de criminibus responsurus, quod posset intelligere qui auditurus erat, securus de causae victoria statim in principio sibi gratulatur, dicens: "De omnibus quibus accusor a Judaeis, o rex Agrippa, existimo me beatum, cum apud te sim hodie defendendus, qui praecipue nosti cunctas quae in Judaeis sunt consuetudines et quaestiones" (Act. 26. 13). Legerat enim illud Jesu: "Beatus qui in aures loquitur audientis" (Eccli. 25. 12 secundum LXX); et noverat tantum oratoris verba proficere, quantum iudicis prudentia cognovisset. Unde et ego beatum me in hoc duntaxat negotio iudico, quod apud eruditas aures imperitae linguae responsurus sum: quae objicit mihi vel ignorantiam, vel mendacium; si aut nescivi alienas litteras vere interpretari, aut nolui: quorum alterum error, alterum crimen est. Ac ne forsitan accusator meus facilitate, qua cuncta loquitur, et impunitate, qua sibi licere omnia putat, me quoque apud vos argueret, ut Papam Epiphanium criminatus est, hanc epistolam misi, quae te, et per te alios, qui nos amare dignantur, rei ordinem doceat.

2. Epiphanii litterae ad Joannem Episcopum. Eusebius Cremonensis Graeci sermonis ignarus. Pseudomonachus quid egerit. — Ante hoc ferme biennium miserat Joanni Episcopo supradictus Papa Epiphanius litteras, arguens cum in quibusdam dogmatibus, et postea clementer ad poenitentiam provocans. Harum exemplaria certatim Palaestinae rapiebantur, vel ob auctoris meritum, vel ob elegantiam scriptionis. Erat in monasterio nostro vir apud suos haud ignobilis, Eusebius Cremonensis, qui cum haec Epistola per multorum ora volitaret, et mirarentur eam pro doctrina et puritate sermonis, docti pariter et indocti, coepit a me obnixè petere, ut sibi eam in Latinum verterem, et propter intelligendi facilitatem apertius explicarem: Graeci enim eloquii penitus ignarus erat. Feci quod voluit; accitoque Notario, raptim celeriterque dictavi: ex latere in pagina breviter adnotans, quem intrinsecus sensum singula capitula continerent. Siquidem et hoc ut sibi soli facerem, oppido flagitarat; postulavique ab eo mutuo, ut domi haberet exemplar: nec facile in vulgus proderet. Res ita anno et sex mensibus transiit: donec supradicta interpretatio de scriniis ejus novo praestigio Ierosolymam commigravit. Nam quidem Pseudomonachus, vel accepta pecunia, ut perspicue intelligi datur, vel gratuita malitia, ut incassum corruptor nititur persuadere, compilatis chartis ejus et sumptibus, Judas factus est proditor: deditque adversariis latrandi contra me occasionem, ut inter imperitos concionentur, me falsarium, me verbum

**non expressisse de verbo: pro honorabili dixisse carissimum, et maligna interpretatione, quod nefas dictu sit, αἰδεσμέωτάτων Παπлав, noluisse transferre. Ἰσὰς et istiusmodi nugae crimina mea sunt.**



\*1. Апостол Павел, когда должен был дать ответ в своих преступлениях перед царем Агриппой (кто слышал, тот поймет, о чем речь), нимало не сомневаясь в успешном исходе дела, прежде всего поздравил себя, сказав: «Царь Агриппа! почитаю себя счастливым, что сегодня могу защищаться перед тобою во всем, в чем обвиняют меня Иудеи, тем более, что ты знаешь все обычаи и спорные мнения Иудеев» (Деян 26:2). Ведь он читал изречение Иисуса [сына Сирахова]: «Блажен, кто говорит в уши слушающего» (Сир 25:12)<sup>1</sup>, и знал, что слова оратора достигают тем большего, чем далее простираются познания судьи. Так и я чувствую себя счастливым по крайней мере в том, что перед многознающими ушами защищаюсь от невежественного языка, обвиняющего меня то ли в неумелости, то ли во лжи: будто бы я не смог или не захотел правильно перевести с чужого языка; одно — ошибка, другое — преступление. А чтобы обвинитель мой не сумел с легкостью, с какой он говорит обо всем, и бесстыдством (он ведь думает, что ему все позволено) очернить меня перед вами, как уже очернил папу Епифания, посылаю тебе это письмо, чтобы ты, а через тебя все, кто достаивает нас своей любовью, узнали, как было дело.

2. Около двух лет назад вышеназванный папа Епифаний послал епископу Иоанну письмо, в котором обличал некоторые его догматические заблуждения и кротко призывал его к раскаянию. Списки письма немедленно расхватили во всей Палестине, как из-за достоинств автора, так и из-за изящества сочинения. Был в нашем монастыре человек, небезызвестный между своими, по имени Евсевий Кременский. И вот, так как это послание было у всех на устах, и все, ученые и неученые, равно восхищались его ученостью и чистотой слога, он стал неотступно просить меня, чтобы я для него перевел письмо на латынь и изъяснил как можно точнее, чтобы легче было понять; ведь он совсем не знал греческого. Я выполнил

---

\* Перевод письма осуществлен по изданию *Patrologiae cursus completus. Series latina*. T. 22. Eusebius Hieronymus. Epistola LVII. Ad Pammachium. De Optimo genere interpretandi [Флор. 1; Плутарх. Пирр. 21]. 2. Русский перевод писем бл. Иеронима был опубликован в Трудах Киевской Духовной Академии (1893 г.) и небольшими фрагментами в кн.: «Средневековая латинская литература IV—IX веков» (М., 1970). Все цитаты из Священного Писания даны в переводе с латыни. В случае расхождения с Синодальным переводом в отсылке приводится синодальный вариант.

<sup>1</sup> В синод. переводе: Блажен, кто приобрел мудрость и передает ее в уши слушающих. Здесь и далее примечания переводчика, кроме специально оговоренных случаев.

его просьбу: позвал писца и быстро продиктовал перевод, снабдив его краткими примечаниями на полях, разъясняющими смысл каждой главы. Поскольку он очень настаивал, чтобы это было мною сделано лишь для него одного, то и я со своей стороны потребовал хранить список в доме — как бы случайно о нём не стало широко известно. Прошло полтора года, и упомянутый перевод из его ларца неким таинственным образом перебрался в Иерусалим. Ибо какой-то лжемонах, то ли получив деньги (как скорее всего можно понять), то ли бескорыстно из злобы, как тщетно пытается уверить меня обманщик, вытащил папирус из ларца и присвоил, и так сделался Иудой-предателем: он дал противникам моим повод поносить меня, — так что среди невежд я объявлен лжецом оттого, что не перевёл слово в слово: вместо «почтенный» поставил «дражайший», и в своем злодейском переводе — страшно сказать! — почтеннейший папа не пожелал перевести. Из подобной ерунды и состоят обвинения против меня.

3. *Ac primum antequam de translatione respondeam, volo interrogare eos, qui malitiam prudentiam vocant: Unde apud vos exemplar epistolae? Quis dedit? qua fronte profertis, quod scelere redemistis? Quid apud homines tutum erit, si ne parietibus quidem et scriniis nostra possumus secreta celare? Si ante tribunalia iudicum, hoc vobis crimen impingerem, reos legibus subjugarem, quae etiam pro utilitatibus fisci, noxiis (al. variis) delatoribus poenas statuunt: et cum suscipiant proditorem, damnant proditorem. Lucrum videlicet placet: voluntas displicet. Viduum Ihesychium virum Consularem (contra quem Patriarcha Gamaliel gravissimas exercuit inimicitias) Theodosius princeps capite damnavit, quod sollicitato Notario, chartas illius invasisset. Legimus in veteribus historiis (T. Livii Dec. l. l. 5), ludi magistrum, qui Faliscorum liberos prodiderat, vinctum pueris traditum; et ad eos quos prodebat, remissum: nec sceleratam populum Romanum suscepisse victoriam. Pyrrhum Epirotarum regem, cum in castris ex vulnere curaretur, medici sui proditione interfici nefas duxit Fabricius (Florus l. 1); quin potius vinctum remisit ad dominum, ut scelus nec in adversario comprobaret. Quod leges publicae, quod hostes tuentur, quod inter bella et gladios sanctum est, hoc nobis inter Monachos et Sacerdotes Christi, intutum fuit. Et audet quidam ex eis adducto supercilio et concrepantibus digitis, eructare et dicere: Quid enim, si redemit, si sollicitavit? fecit quod sibi profuit. **MIRA SCELERIS** defensio; quasi non et latrones et fures et piratae faciant, quod sibi prodest. Certe Annas et Caiphas seducentes infelicem Judam fecerunt quod sibi utile existimabant.*

4. Volo in chartulis meis quaslibet ineptias scribere; commentari de Scripturis, remordere laedentes, digerere stomachum, in locis me exercere communibus, et quasi limatas ad pugnandum (al. expugnandum) sagittas reponere. Quamdiu non profero cogitata, maledicta, non crimina sunt: imo ne maledicta quidem, quae aures publicae nesciant. Tu corrumpas servulos, sollicites clientes: et, ut in fabulis legimus (Metam. l. 4), auro ad Danaen penetres, dissimulatoque quod feceris, me falsarium voces: cum multo pejus crimen accusando in te confitearis, quam in me arguis. Alius te haereticum, alius insimulat dogmatum perversorem. Taces ipse: respondere non audes: interpretem laceras; de syllabis calumniaris; et totam defensionem tui putas, si tacenti detrahas. Finge in transferendo vel errasse, vel intermisisse me quippiam. Hic totus tui negotii (al. totius tui ingenii) cardo versatur: haec tua est defensio. Num ideo tu non es haereticus, si ego malus interpretes sim? Nec hoc dico, quod te haereticum noverim, sciat ille qui accusavit, noverit ille qui scripsit; sed quod stultissimum sit accusatum ab alio, alium criminari, et confosso undique corpore, de dormientis vulnere solatium quaerere.

3. Но прежде чем говорить о переводе, хочу спросить тех, кто подлость называет благоразумием: откуда у вас список послания? Кто дал его вам? С каким лицом вы признаёте, что получили его преступным путём? Что же у людей останется в безопасности, если ни за стенами дома, ни в ларцах невозможно скрыть тайну? Если бы я заявил о вашем преступлении перед судом, то я законным образом подвёл бы вас под обвинение, а закон устанавливает наказание уличённому доносчику в пользу казны. Он, хотя и допускает предательство, карает предателя, видимо, одобряя свою выгоду, но не одобряя намерение. Недавно принцепс Феодосии осудил на смерть консуляра Гесихия, бывшего в большой вражде с патриархом Гамалиилом, за то, что он, подкупив писца, завладел бумагами Патриарха<sup>2</sup>. Мы читаем у древних историков, как воспитателя, предавшего детей фалисков, связанного отдали мальчикам и отправили обратно к тем, кого он предал: римский народ не захотел воспользоваться бесчестной победой<sup>3</sup>. Когда Пирр, царь Эпирский, оправлялся от раны в лагере, собственный врач вознамерился предательски убить его; Фабриций счел это злодейством и, более того, отослал связанного изменника к его господину, не желая поощрять преступление, даже направленное против врага<sup>4</sup>. Что защищают законы общества, что соблюдают враги, что свято среди войн и мечей — то в пренебрежении у монахов и священнослужителей

<sup>2</sup> Об обстоятельствах этого дела достоверно ничего не известно.

<sup>3</sup> Т. Ливий. V. 27.

<sup>4</sup> Флор. I; Плутарх. Пирр. 21.



Христовых. И кое-кто из них еще смеет, нахмутив брови и щелкая пальцами, рыгая, вести такие речи: «Что ж с того, если он и подкупил, если и соблазнил? Он сделал то, что принесло ему пользу». Удивительное оправдание преступления: можно подумать, разбойники, воры и пираты делают не то, что приносит им пользу. Да и Анна и Каиафа, соблазняя несчастного Иуду, делали то, что считали полезным для себя.

4. Я волен в своих записках писать любые нелепости, толковать Писание, огрызаться на оскорбления, срывать досаду, упражняться в общих местах и как бы хранить стрелы, отточенные для сражения. Пока я не разглашаю своих мыслей, они остаются бранью, а не преступлением; даже не бранью, если их не слышат чужие уши. Тебе ли подкупать слуг, соблазнять клиентов и, как мы читаем в сказках, в виде золота проникать к Данае<sup>5</sup> и, не глядя на то, что сам сделал, называть меня обманщиком, когда сам, обвиненный, мог бы признаться в куда более тяжком прегрешении, чем то, в чем обвиняешь меня? Один называет тебя еретиком, другой — искажителем догматов. Ты молчишь и не осмеливаешься отвечать; зато чернишь переводчика, придираешься к слогам: словом, бьешь лежачего и считаешь это достаточной защитой. Допустим, что я ошибся или что-то пропустил в переводе. Вокруг этой оси и вертятся все твои мысли, — это и есть твоя защита. По-твоему, если я дурной переводчик, то ты и не еретик? Говорю так не потому, чтобы я считал тебя еретиком: пусть так думает тот, кто обвинил тебя, и убеждён в этом тот, кто написал письмо. Что может быть глупее — услышав упрёк от одного, обвинить другого и, когда ты сам бит со всех сторон, искать утешения в том, чтобы пнуть спящего.

**5. *Factenus sic locutus sum quasi aliquid de Epistola commutaverim, et simplex translatio possit errorem habere, non crimen. Nunc vero cum ipsa Epistola doceat nihil mutatum esse de sensu, nec res additas, nec aliquod dogma confictum, «Faciunt nae intelligendo ut nihil intelligant (Terent. Prol. Andr.): et dum alienam imperitiam volunt coarguere, suam produnt. Ego enim non solum fateor, sed libera voce profiteor, me in interpretatione Graecorum, absque Scripturis sanctis, ubi et verborum ordo mysterium est, non verbum e verbo, sed sensum exprimere de sensu. Habeoque hujus rei magistrum Tullium, qui Protagoram Platonis, et Oeconomicon Xenophontis et Aeschinis ac Demosthenis duas contra se orationes pulcherrimas transtulit. Quanta in illis praetermiserit, quanta addiderit, quanta mutaverit, ut proprietates alterius linguae, suis proprietatibus explicaret, non est hujus temporis dicere. Sufficit***

<sup>5</sup> Овидий. Метаморфозы. 4.

mibi ipsius translatoris (Ciceronis) auctoritas, qui ita in Prologo earundem orationum locutus est: “Putavi mihi suscipiendum laborem utilem studiosis, mihi quidem ipsi non necessarium. Converti enim ex Atticis duorum eloquentissimorum nobilissimas orationes, inter seque contrarias, Aeschinis et Demosthenis: nec converti, ut interpres, sed ut Orator, sententiis iisdem et earum formis, tam figuris quam verbis ad nostram consuetudinem aptis. In quibus non verbum pro verbo necesse habui reddere: sed genus omne verborum vimque servavi. Non enim me annumerare ea lectori putavi oportere, sed tanquam appendere. Rursum in calce sermonis: Quorum ego, ait, orationes, si, ut spero, ita expressero, virtutibus utens illorum omnibus, id est sententiis, et earum figuris, et rerum ordine: verba persequens catenus, ut ea non abhorreant amore nostro. Quae si e Graecis omnia conversa non erunt: tamen ut generis ejusdem sint, elaboravimus.” Sed et Iheronimus vir acutus et doctus, hoc idem in Arte Poetica erudito interpreti praecipit:

Nec verbum verbo curabis reddere, fidus Interpres.

Terentius Menandrum, Plautus et Cecilius veteres comicos interpretati sunt. Numquid haerent in verbis: ac non decorem magis et elegantiam in translatione conservant? Quam vos veritatem interpretationis, hanc eruditi *κακοζηλίαν* nuncupant. Unde et ego doctus a talibus ante annos circiter viginti, et simili tunc quoque errore deceptus, certe hoc mihi a vobis objiciendum nesciens, cum Eusebii Caesariensis *Χρονικὸν* in Latinum verterem, tali inter caetera usus sum Praefatione: “Difficile est alienas lineas insequentem, non alicubi excidere: et arduum, ut quae in alia lingua bene dicta sunt, eundem decorem in translatione conservent. Significatum est aliquid unius verbi proprietate: non habeo meum quo id efferam: et dum quaero implere sententiam longo ambitu, vix brevis vitae spatia [al. brevia spatia] consummo. Accedunt hyperbatorum anfractus, dissimilitudines casuum, varietates figurarum: ipsum postremo suum, et, ut ita dicam, vernaculum linguae genus.

5. До сих пор я говорил так, словно и вправду что-то изменил в послании, и мой безыскусный перевод содержит ошибку, хотя и не преступление. Но теперь, когда само письмо показывает, что смысл его ничуть не изменен, не прибавлено никаких подробностей, не измышлено никаких новых догматов, то «не доказывают ли они своим пониманием, что не понимают ничего»<sup>6</sup> и, желая обличить чужое невежество, разоблачают свое? Я не только признаю,

<sup>6</sup> Теренций. Андр. 18.

но открыто заявляю, что в переводах с греческого (кроме Священного Писания, где сам порядок слов — тайна) я передаю не слово словом, но мысль мыслью. Учитель мой в этом — Туллий, переложивший Платонова «Протагора» и Ксенофонов «Домострой» и две великолепные речи Эсхина и Демосфена друг против друга. Сколько он там пропустил, сколько прибавил, сколько изменил, чтобы особенности чужого языка передать особенностями своего — об этом сейчас говорить не время. Для меня достаточно авторитета самого переводчика, который в предисловии к этим речам говорит так: «Я счел своим долгом взяться за этот труд, полезный для учащихся, для меня же самого не столь необходимый. Я перевел с аттического наречия самые известные речи двух красноречивейших риториков, обращенные друг против друга, Эсхина и Демосфена, — перевел не как толмач, но как Оратор, приспособив сами мысли и их выражение, как фигуры, так и слова, к нашей привычной речи. Я не счел необходимым передавать их слово в слово, но сохранил весь смысл и силу слов. Ибо полагал, что читателю слова нужны не по счету, а как бы по весу». И еще, в конце предисловия: «Их речи, — говорит он, — я надеюсь переложить так, чтобы открылись все достоинства мыслей, способов их выражения и расположения материала; и буду следовать словам, пока они не противоречат нашим вкусам. Хотя в переводе окажется не все из греческого текста, я постарался сохранить его смысл»<sup>7</sup>. И Гораций, человек умный и ученый, в «Поэтическом искусстве» предупреждает эрудированного поэта о том же самом:

...Не старайся словом в слово попасть, как усердный толмач-переводчик<sup>8</sup>.

Теренций переводил Менандра, Плавт и Цецилий — древних комиков. Разве они увязали в словах? И не сохранили ли в переводе более красоты и изящества? То, что вы называете точностью перевода, образованные люди зовут *kakozhlian*<sup>9</sup>. Поэтому и я, имея таких учителей, когда лет двадцать тому назад переводил на латынь «Хронику» Евсевия Кесарийского, впал в такую же ошибку и, не предвидя, конечно, ваших обвинений, в числе прочего написал в предисловии: «Трудно, следуя за чужими строчками, ничего не пропустить, и нелегко сделать так, чтобы хорошо сказанное на другом языке сохранило свою красоту в переводе. Вот что-нибудь выражено одним особенным словом, и мне нечем его заменить; а когда я пытаюсь выразить мысль длинным оборотом, то лишь теряю время»<sup>10</sup>. К этому добавляются запутанные перестановки

<sup>7</sup> Цицерон. О наилучшем роде ораторов. 13—14; 23.

<sup>8</sup> Гораций. Наука поэзии. Ст. 133—134.

<sup>9</sup> Придирчивость; буквоедство (греч.).

<sup>10</sup> Место неясно; вар.: продвигаюсь лишь на шаг. — *Ред.*

слов, различие в падежах, разнообразие фигур, наконец, я бы сказал, природное своеобразие языка!

Si ad verbum interpretor, absurde resonant: si ob necessitatem aliquid in ordine, vel in sermone mutavero, ab interpretis videbor officio recessisse." Et post multa, quae nunc prosequi otiosum est, etiam hoc addidi: "Quod si cui non videtur linguae gratiam in interpretatione mutari, Homerum ad verbum exprimat in Latinum. Plus aliquid dicam: eundem sua in lingua prosae verbis interpretetur: videbis ordinem ridiculum, et Poetam eloquentissimum vix loquentem."

6. Verum ne meorum scriptorum parva sit auctoritas (quanquam hoc tantum probare voluerim, me semper ab adolescentia non verba, sed sententias transtulisse), qualis super hoc genere praefatiuncula sit, in libro quo beati Antonii Vita describitur (Ex Praefatione Evagrii ad Innocentium), ipsius lectione cognosce. "Ex alia in aliam linguam expressa ad verbum translatio, sensum operit; et veluti laeto gramine, sata strangulat. Dum enim casibus et figuris servit oratio, quod brevi poterat indicare sermone, longo ambitu circumacta vix explicat." Hoc igitur ego vitans, ita beatum Antonium, te petente, transposui, ut nihil desit ex sensu, cum aliquid desit ex verbis. Alii syllabas aucupentur et litteras [al. syllabis occupentur et litteris], tu quaere sententias. Dies me deficiet, si omnium qui ad sensum interpretati sunt, testimonia replicavero. Sufficit in praesenti nominasse Hilarium Confessorem, qui Homilias in Job, et in Psalmos tractatus plurimos in Latinum vertit e Graeco, nec assedit litterae dormitanti, et putida rusticorum interpretatione se torsit: sed quasi captivos sensus in suam linguam, victoris jure transposuit.

7. Nec hoc mirum in caeteris saeculi videlicet, aut Ecclesiae viris, cum Septuaginta interpretes, et Evangelistae atque Apostoli idem in sacris voluminibus fecerint. Legimus in Marco dicentem Dominum: ΤΑΛΕΥΘΑ ΕΥΜΗ, statimque subjectum est, "quod interpretatur, puella, tibi dico, surge" (Marc. 5. 41). Arguatur Evangelista mendacii, quare addiderit, tibi dico, cum in Hebraeo tantum sit, puella surge. Sed ut ἐμφατικώτερον faceret; et sensum vocantis atque imperantis exprimeret, addidit, tibi dico. Rursum in Matthaeo redditus ab proditore Iuda triginta argenteis: et empto ex eis agro figuli, scribitur, «Tunc impletum est quod scriptum est per Jeremiam Prophetam, dicentem: et acceperunt triginta argenteos pretium appetiati, quod appetiaverunt a filiis Israel: et dederunt eos in agrum figuli, sicut constituit mihi Dominus» (Matth. 27. 9). Hoc in Jeremia penitus non invenitur, sed in Zacharia, aliis multo verbis, ac

*toto ordine discrepante: Vulgata quippe Leditio ita se habet: «Et dicam ad eos: si bonum est coram vobis, date mercedem mihi, aut renuite. Et appenderunt mercedem meam triginta argenteos. Dixitque Dominus ad me: Donec illos in conflatorium; et considera si probatum sit, sicut probatus sum ab eis. Et tuli triginta argenteos, et misi eos in domo Domini in conflatorium» (Zach. II. 12. 13).*

Если я перевожу слово в слово, это звучит нелепо; если по необходимости что-то изменяю в речи или в порядке слов, то покажется, что я уклоняюсь от обязанностей переводчика». И после многого другого, что сейчас приводить излишне, добавил даже: «Если кто-то думает, что красота языка не теряется при переводе, пусть дословно переложит на латынь Гомера. Скажу больше: пусть перескажет его на его родном языке прозой, — и ты увидишь смехотворный набор слов, и красноречивейшего поэта — едва умеющим говорить».

6. Чтобы авторитет моих писаний не показался мал (хотя я только хотел доказать, что с юных лет переводил не слова, а мысли), прочти и рассмотри, что по этому поводу сказано в небольшом предисловии к книге, где описана жизнь блаженного Антония. «Дословный перевод с одного языка на другой затемняет смысл, как разросшийся сорняк заглушает семя. Пока речь служит падежам и фигурам, она едва выражает сложным оборотом то, что могла бы сказать одним словом. Избегая этого, я по твоей просьбе так переложил жизнь блаженного Антония, что ничего не пропало из смысла, хотя и пропало кое-что из слов. Пусть другие гоняются за слогами и буквами, ты же ищи мыслей». Дня мне не хватит, если я буду приводить свидетельства всех, кто переводил по смыслу. Сейчас достаточно назвать Илария Исповедника, который перевел с греческого на латынь гомилии на книгу Иова и множество толкований на Псалмы, и не корпел над мертвой буквой, и не истязал себя нудным переводом, как невежды, но как бы по праву победителя переложил плененные мысли на свой язык.

7. Неудивительно, что в иные века и мужи Церкви, переводившие Септуагинту, и Евангелисты и Апостолы в священных свитках поступали так же. Мы читаем у Марка, как сказал Господь: «Талифа куми», и тут же сказано: «Что значит: девица, тебе говорю, встань» (Мк 5:41). Почему бы не обвинять Евангелиста во лжи: зачем он прибавил «тебе говорю», когда по-еврейски сказано только «девица, встань»? Он *emfatikwteron*<sup>11</sup> прибавил «тебе говорю», чтобы передать обращение и повеление. Также и у Матфея, когда рассказывается, как Иуда-предатель вернул тридцать сребренников

---

<sup>11</sup> Для большей выразительности (греч.).

и на них было куплено поле горшечника, написано так: «Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: и взяли тридцать сребренников, цену Оцененного, Которого оценили сыны Израиля, и дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь» (Мф 27:9—10). Но это совсем не у Иеремии, а у Захарии можно найти, сказанное другими словами и в совершенно ином порядке. Вот как это в Вульгате<sup>12</sup>: «И скажу им: если угодно вам, то дайте Мне плату Мою, если же нет — не давайте; и они отвесили в уплату Мне тридцать сребренников. И сказал Мне Господь: брось их в горнило — посмотри, стоят ли они того, во что оценили Меня. И взял Я тридцать сребренников и бросил их в дом Господень в горнило» (Зах 11:12—13)<sup>13</sup>.

*Quantum distet ab Evangelistae testimonio Septuaginta translatio, perspicuum est. Sed et in Hebraeo cum sensus idem sit, verba praepostera sunt, et pene diversa. “Et dixi, inquit, ad eos: Si bonum est in oculis vestris, afferte mercedem meam: et si non, quiescite. Et appenderunt mercedem meam triginta argenteos. Et dixit Dominus ad me: Projice illud ad statuarium: decorum pretium, quod appetiatus sum ab eis. Et tuli triginta argenteos, et projeci eos in domo Domini ad statuarium.” Accusent Apostolum falsitatis, quod nec cum Hebraico, nec cum Septuaginta congruat translatoribus: et quod his majus est, erret in nomine, pro Zacharia quippe, Jeremiam posuit. Sed absit hoc de pedissequo Christi dicere: cui curae fuit non verba et syllabas aucupari, sed sententias dogmatum ponere. Veniamus ad aliud ejusdem Zachariae testimonium, quod Joannes Evangelista assumit juxta Hebraicam Veritatem. “Videbunt in quem compunxerunt” (Zach. 12. 10; et Joan. 19. 37), pro quo in Septuaginta legimus, καὶ ἐπιβλέψονταί πρὸς με, ἀνθ’ ὧν ἐνωρχήσαντο, quod interpretati sunt Latini: “Et aspicient ad me, pro his quae illuserunt, sive insultaverunt.” Discrepat Evangelistae, Septuaginta interpretum, nostraque translatio: et tamen sermonum varietas, spiritus unitate concordat. In Matthaeo quoque legimus Dominum praedicentem Apostolis fugam, et hoc ipsum Zachariae testimonio confirmantem. Scriptum est, ait, Percutiam pastorem, et dispergentur oves (Zach. 13. 7; et Matth. 26. 31). At in Septuaginta et in Hebraeo multo aliter; non enim ex persona Dei dicitur, ut Evangelista vult: sed ex Prophetae, Deum Patrem rogantis: “Percute pastorem, et dispergentur oves.” In hoc, ut arbitror, loco, juxta quorundam prudentiam,*

<sup>12</sup> Здесь и далее имеется в виду не Иеронимова «Вульгата», а древний латинский перевод Библии, называемый теперь Италой. Итала, в отличие от Вульгаты Иеронима, переведена полностью с Септуагинты.

<sup>13</sup> В синод. переводе (Зах 11:13): ...высокая цена, в какую они оценили Меня! И взял Я тридцать сребренников и бросил их в дом Господень для горшечника.

Evangelista piaculi reus est, quod ausus sit Prophetæ verba ad Dei referre personam. Scribit supradictus Evangelista, ad Angeli monitum, tulisse Joseph parvulum et matrem ejus; et intrasse in Aegyptum, ibique mansisse usque ad obitum Iherodis, ut impleretur quod dictum est a Domino per Prophetam: “Ex Aegypto vocavi filium meum.” Hoc nostri codices non habent: sed in Osee juxta Ihebraicam scribitur Veritatem: “Quia puer Israel est, et dilexi eum: et ex Aegypto vocavi filium meum” (Osee. II. 2). Pro quo et in eodem loc. Septuaginta transtulerunt: “quia parvulus est Israel, et dilexi eum: et ex Aegypto vocavi filios ejus.” Num omnino repudiandi sunt, quia istum locum, qui ad Christi maxime pertinet sacramentum, aliter transtulerunt? an danda potius venia ut hominibus, juxta Jacobi sententiam, dicentis: “Multa peccamus omnes: et, si quis in verbo non offendit, iste perfectus est vir, et potest refrenare omne corpus” (Jacob. 3). Illud vero quod in eodem Evangelista scribitur: “Et veniens habitavit in civitate quæ dicitur Nazareth: ut impleretur quod dictum est per prophetas, quia Nazaraeus vocabitur.» (Matth. n. 23). Respondeant λογολαῖδαλοι, et fastidiosi aestimatores omnium Tractatorum, ubi legerint; discantque in Isaia positum. Nam in eo loco ubi nos legimus atque transtulimus: “Exiet virga de radice Jesse, et flos de radice ejus ascendet” (Isai. II. 1): in Ihebræo juxta linguæ illius ἰδιῶμα ita scriptum est: “Exiet virga de radice Jesse, et Nazaraeus de radice ejus crescet.”

Видно, насколько разнятся перевод Семидесяти толковников и евангельское свидетельство. И в еврейском тексте, хотя смысл тот же самый, слова расставлены по-другому и немного иные: «И Я сказал к ним: если хорошо в очах ваших, принесите плату Мою; если нет, останьтесь в покое. И отвесили плату Мою, тридцать сребренников. И сказал Господь ко Мне: Брось их горшечнику; хороша цена, в которую Я оценен от них. И Я взял тридцать сребренников и бросил их в доме Господнем горшечнику». Можно уличить Апостола в обмане, ибо его слова не согласуются ни с переводом Семидесяти, ни с еврейским текстом; более того, он ошибся в имени: ведь вместо Захарии он назвал Иеремию. Но не подобает так говорить о спутнике Христовом: для него важно было не отследить все слова и слоги, а изложить смысл учения. Перейдём к другому свидетельству того же Захарии, которое евангелист Иоанн приводит по еврейскому подлиннику: «Воззрят на Того, Которого пронзили» (Ин 19:37). В Септуагинте вместо этого мы читаем: καὶ ἐπιβλεψονταὶ πρὸς με, ἀπὸ τῶν ἐν τῷ οὐρανῷ, что по-латыни переведено: «И взглянут на Меня, как на то, что осмеяли», или «над чем глумились» (Зах 12:10)<sup>14</sup>. И Септуагинта и наш перевод

<sup>14</sup> В синод. переводе: ...воззрят на Него, Которого пронзили.

отличаются от текста Евангелиста, но разница в словах примиряется единством духа. И у Матфея мы читаем, как Господь предсказывает бегство Апостолов, приводя в свидетели того же Захарию: «ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы» (Мф 26:31). Но и в Септуагинте, и в еврейском подлиннике это совсем не так: эти слова сказаны не от лица Бога, как у Евангелиста, но пророка, просящего Бога Отца: «Порази пастыря, и рассеются овцы» (Зах 13:7). Я думаю, в этом месте, по высокоумию некоторых, Евангелиста можно обвинить в страшном грехе: он посмел слова пророка приписать Богу!.. Тот же Евангелист рассказывает о повелении Ангела Иосифу взять Младенца и Мать Его и бежать в Египет, и оставаться там до смерти Ирода, дабы исполнилось реченное Господом через пророка: «Из Египта воззвал Я Сына Моего» (Мф 2:15). В наших списках этого нет, но в еврейском подлиннике в книге Осии сказано: «Ибо отрок Израиль, и Я возлюбил его, и из Египта воззвал Я Сына Моего» (Ос 11:1)<sup>15</sup>. Вместо этого в том же месте Семьдесят толковников перевели так: «Ибо мал Израиль, и Я возлюбил его, и из Египта воззвал Я сыновей его». Неужели их должно совершенно отвергнуть за то, что это место, сокровеннейшее для тайн Христовых, они передали по-другому? Или будем милосердны, помня, что они люди, по слову Иакова: «Все мы много согрешаем. Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело» (Иак 3:2). Вот что еще написано у того же Евангелиста: «И пришед поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное через пророка, что Он Назореем наречется» (Мф 2:23). Пусть ответят *logodaidaloi*<sup>16</sup> и придиричивые оценщики всех толкователей, где они это читали? Пусть знают, что у Исаии. Ибо в том месте, где мы читали и переводили: «И произойдет отрасль от корня Иессеева, и цвет поднимется от корня его», в еврейском тексте сообразно *idiwma*<sup>17</sup> этого языка написано: «Произойдет ветвь от корня Иессеева, и Назорей произрастет от корня его» (Ис 11:1)<sup>18</sup>.

***Cur hoc omiserunt Septuaginta, si non licet transferre verbum pro verbo? Sacrilegium est, vel celasse, vel ignorasse mysterium.***

***8. Transeamus ad caetera: neque enim epistolae brevitatis patitur diutius singulis immorari. Idem Matthaeus loquitur: "Hoc autem***

<sup>15</sup> В синод. переводе: Коша Израиль был юн, Я любил его и из Египта вызвал сына Моего.

<sup>16</sup> Знатоки, искусники слова (греч.).

<sup>17</sup> Особенность (греч.).

<sup>18</sup> В синод. переводе: ...произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его.



totum factum est, ut compleretur quod dictum est a Domino per Prophetam dicentem: Ecce virgo in utero habebit, et pariet filium, et vocabunt nomen ejus Emmanuel" (Matth. 1. 22. 23; et Isai. 7. 14) Quod Septuaginta transtulerunt: "Ecce virgo in utero accipiet, et pariet filium, et vocabitis nomen ejus Emmanuel." Si verba calumniantur [al. calumniamur], utique non est idem, "habebit, et accipiet; neque vocavit, et vocabitis." Porro in Hebraeo legimus ita scriptum: "Ecce virgo concipiet et pariet filium, et vocabit nomen ejus Emmanuel." Non Achaz, qui arguebatur infidelitatis, non Judaei qui erant Dominum negaturi, sed vocabit, inquit, ipsa quae concipiet, ipsa virgo, quae pariet. In eodem Evangelista legimus, Herodem ad adventum Magorum fuisse turbatum; Scribisque et Sacerdotibus congregatis, sciscitatum ab eis, ubi Christus nasceretur; illosque respondisse, "in Bethleem Judae: Sic enim scriptum est in Propheta: Et tu Bethleem terra Juda, nequaquam minima es in ducibus Juda: Ex te enim egredietur dux, qui regat populum meum Israel." Hoc exemplum in Vulgata Editione sic fertur: "Et tu Bethleem domus Ephratha, modicus es, ut sis in millibus Juda, de te mihi egredietur, ut sit princeps in Israel." Quanta sit inter Matthaeum et Septuaginta verborum ordinisque discordia, magis [al. sic magis] admiraberis, si Hebraicum videas, in quo ita scriptum est: "Et tu Bethleem Ephratha, parvulus es in millibus Juda, ex te mihi egredietur, qui sit dominator in Israel." Considera gradatim, quae ab Evangelista sint posita: Et tu Bethleem terra Juda. Pro, terra Juda, in Hebraico habet Ephratha: in Septuaginta, domus Ephratha. Et pro, «nequaquam minima es in ducibus Juda,» in Septuaginta legitur, «modicus es, ut sis in millibus Juda:» in Hebraeo, «parvulus es in millibus Juda;» sensusque contrarius est, Septuaginta sibi in hoc duntaxat loco et Hebraico concordante. Evangelista enim dixit, quod non sit parvulus in ducibus Juda, cum e regione sit positum, parvulus quidem es et modicus; sed tamen de te mihi parvulo et modico egredietur dux in Israel, secundum illud Apostoli: «Elegit infirma mundi Deus, ut confundat fortia» (I. Cor. 1). Porro quod sequitur, «qui regat, vel qui pascat populum meum Israel,» aliter in Propheta esse perspicuum est.

9. Haec replico non ut Evangelistas arguam falsitatis (hoc quippe impiorum est, Celsi, Porphyrii, Juliani) sed ut reprehensores meos arguam imperitiae: et impetrem ab eis veniam, ut concedant mihi in simplici epistola, quod in Scripturis sanctis, velint, nolint, Apostolis concessuri sunt. Marcus discipulis Petri ita suum orditur Evangelium: "Principium Evangelii Jesu Christi, sicut scriptum est in Isaia Propheta:

Почему Семьдесят толковников оставили это без внимания, как не потому, что нельзя переводить слово за словом? Ведь это кошунство — то ли не заметить, то ли скрыть тайну.

8. Пойдем далее: краткость письма не позволяет нам долго задерживаться на отдельных местах. Тот же Матфей говорит: «А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил» (Мф 1:22—23), что Семьдесят перевели так: «Се, Дева во чреве зачнет и родит Сына, и наречете имя Ему: Еммануил». Если придирааться к словам, то это не одно и то же: «примет» или «зачнет», «нарекут» или «наречете». А в еврейском тексте мы читаем такое: «Се, Дева зачнет и родит Сына, и наречет имя Ему: Еммануил» (Ис 7:14)<sup>19</sup>. Не Ахаз, обвиняемый в нечестивости, не иудеи, которые еще отрекутся от Господа, а Она Сама, Дева, зачавшая и родившая, наречет Ему имя. У того же Евангелиста читаем, как Ирод был встревожен приходом волхвов и, собрав священников и книжников, стал выпытывать у них, где родился Христос. Они ответили: «В Вифлееме Иудейском, ибо так написано через пророка: И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных; ибо из тебя произойдет Вождь, Который будет царствовать над народом Моим Израиля» (Мф 2:6)<sup>20</sup>. В Вульгате это пророчество дано так: «И ты, Вифлеем, дом Ефрафа, невелик ты, чтобы быть среди тысяч Иудиных; из тебя произойдет Мне Тот, Кто будет Владыкой в Израиле». Каково различие в словах и порядке слов между Матфеем и Септуагинтой, ты с еще большим удивлением увидишь, если заглянешь в еврейский текст: «И ты, Вифлеем Ефрафа, мал ты между тысячами Иудиными; из тебя произойдет Мне Тот, Кто будет Властителем Израиля» (Мих 5:2)<sup>21</sup>. Рассмотрим по порядку. У Евангелиста стоит: «И ты, Вифлеем, земля Иудина»; в еврейском тексте сказано вместо «земля Иудина» — «Ефрафа»; в Септуагинте — «дом Ефрафа». Вместо «Ничем не меньше ты воеводств Иудиных» в Септуагинте написано: «Невелик ты, чтобы быть среди тысяч Иудиных», в еврейском тексте — «Мал ты среди тысяч Иудиных»: смысл получается совершенно противоположный. Еврейский подлинник согласен, по крайней мере в этих словах, с Септуагинтой, Евангелист же сказал, что не мал среди тысяч Иудиных, хотя и там и там сказано, что «мал ты и невелик»; но из тебя, — сказано, — малого и невеликого Мне произойдет Вождь в Израиле, по слову Апостола: «Немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (1Кор 1:27). И следующее:

<sup>19</sup> В синод. переводе: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил.

<sup>20</sup> В синод. переводе: ...Который упасет народ Мой, Израиля.

<sup>21</sup> В синод. переводе: ...Который должен быть Владыкою в Израиле.

«Который будет править», или «Который упасет народ Мой Израиля», — очевидно, что у пророка иначе.

9. Я рассказываю это не для того, чтобы обвинить Евангелистов в обмане (оставим это нечестивым — Цельсу, Порфирию, Юлиану), но чтобы уличить моих порицателей в невежестве, и прошу у них как милости, чтобы они простили мне в простом письме то, что волей-неволей им придётся прощать Апостолам в Священном Писании. Марк, ученик Петра, так начинает свое Евангелие: «Начало Евангелия Иисуса Христа, как написано у Исаяи пророка»:

*Ecce ego mitto Angelum meum ante faciem tuam, qui praeparabit viam tuam ante te. Vox clamantis in deserto, parate viam Domini, rectas facite semitas ejus.*” Hoc exemplum ex duobus Prophetis compositum est, de Malachia videlicet et Isaia. Nam primum quod dicitur: “*Ecce ego mitto Angelum meum ante faciem tuam, qui praeparabit viam tuam ante te*” (Malac. 3. 1), in Malachiae fine scriptum est. Sequens autem quod infertur: “*Vox clamantis in deserto,*” et caetera, in Isaia legimus. Et quomodo Marcus statim in principio voluminis sui posuit, “*sicut scriptum est in Isaia Propheta: Ecce ego mitto Angelum meum*” (Isai 40. 3), quod non scribitur in Isaia, ut diximus: sed in Malachia novissimo duodecim Prophetarum? Solvat hanc quaestiunculam imperita praesumptio: et ego erroris veniam deprecabor Idem Marcus inducit ad Pharisaeos Salvatorem loquentem: “*Nunquam legistis quid fecerit David, quando necessitatem habuit, et esurivit ipse et socii ejus; quomodo ingressus domum Dei sub Abiathar Pontifice, et panes propositionis comedit, quibus non licebat vesci, nisi solis Sacerdotibus?*” (Mar. 2. 25. 26. et Luc. 6. 3. 4). Legamus Samuelem: sive (ut in communi titulo habetur) Regnorum libros, ibique reperiemus non Abiathar scriptum esse, sed Abimelech Pontificem, qui postea a Doeg [al. Doec.] cum caeteris Sacerdotibus, Saul jubente, percussus est. Pergamus ad Apostolum Paulum. Scribit ad Corinthios: “*Si enim cognovissent Dominum gloriae, non crucifixissent. Sed sicut scriptum est: Quod oculus non vidit, nec auris audivit, nec in cor hominis ascendit, quae praeparavit Deus diligentibus se.*” Solent in hoc loco apocryphorum quidam deliramenta sectari, et dicere, quod de Apocalypsis. Eliae testimonium sumptum sit: cum in Isaia juxta Ihebraicum ita legatur: “*A saeculo non audierunt, nec auribus perceperunt. Oculus non vidit, Deus, absque te, quae praeparasti exspectantibus te*” (Isai. 64. 4). Hoc Septuaginta multo aliter transtulerunt: “*A saeculo non audivimus; neque oculi nostri viderunt Deum absque te, et opera tua vera, et facies exspectantibus te misericordiam.*” Intelligimus unde sumptum sit testimonium, et tamen Apostolus non verbum expressit e verbo, sed παραφρασικῶς, eundem sensum aliis sermonibus

indicavit. In Epistola ad Romanos idem Apostolus Paulus exemplum de Isaiā sumens: “Ecce, inquit, ponam in Sion lapidem offensionis, et petram scandali” (Isai. 8. 14), discordat a Translatione veteri; et tamen cum Hebraica veritate concordat. In Septuaginta enim contrarius sensus est: «Non ut lapidi offensionis occurreritis, neque ut petrae ruinae:» cum Apostolus quoque Petrus Hebraicis Pauloque consentiens, ita posuerit: “Incredulis autem lapis offensionis et petra scandali” (Rom. 9. 33. et 1. Petr. 2). Ex quibus universis perspicuum est, Apostolos et Evangelistas in interpretatione veterum Scripturarum, sensum quaesisse, non verba: nec magno opere de ordine sermonibusque curasse, dum intellectui res pateret.

Вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою. Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мк 1:1—3)<sup>22</sup>. Это пророчество составлено из двух пророков, Малахии и Исаяи. Сказанное сперва: «Вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою» (Мал 3:1)<sup>23</sup> находится у Малахии. А последующее: «Глас вопиющего в пустыне» (Ис 40:3) и т.д. можно прочесть у Исаяи. Как же Марк в самом начале своего писания приписал Исаяе пророчество «Вот, Я посылаю Ангела Моего», которого у Исаяи нет, а принадлежит оно, как мы сказали, Малахии, последнему из двенадцати пророков? Пусть отвечает на этот вопрос невежественное предубеждение, я же буду смиренно молить о прощении за ошибку. Тот же Марк рассказывает, как Спаситель говорит к фарисеям: «Неужели вы не читали никогда, что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним? Как вошел он в дом Божий при первосвященнике Авиафаре и ел хлебы предложения, которых не должно было есть никому, кроме священников?» (Мк 2:25—26; Лк 6:34). Прочтем Самуила, или книгу Царств, как ее обычно называют, и обнаружим, что первосвященника звали не Авиафар, а Ахимелех — тот самый Ахимелех, который потом был вместе с другими священниками убит Доиком по приказу Саула (1Цар 21:2—6; 22:9—20). Перейдем к апостолу Павлу. Он пишет к коринфянам: «Если бы познали, то не распяли бы Господа славы. Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1Кор 2:8—9). В этом месте многие, следуя бредням апокрифов, говорят, что это свидетельство содержится в Откровении Илии; тогда как в еврейском тексте

<sup>22</sup> В синод. переводе: Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия, как написано у пророков: вот, Я посылаю Ангела...

<sup>23</sup> В синод. переводе: Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною...

у Исайи можно прочесть: «Ибо от века не слыхали, не внимали ухом, и никакой глаз не видал другого бога, кроме Тебя, который столько сделал для надеющихся на него» (Ис 64:4). Семьдесят толковников переводят совсем иначе: «Ибо от века мы не слыхали, и глаза наши не видели бога, кроме Тебя, и дела Твои праведны, и надеющимся на Тебя Ты оказываешь милосердие». Мы видим, откуда взято это пророчество, и видим, что Апостол перевёл не слово в слово, но parafradtikwx<sup>24</sup>, выразив тот же смысл иными словами. В Послании к Римлянам тот же апостол Павел, приводя отрывок из Исайи: «Вот, полагаю в Сионе камень преткновения и скалу соблазна» (Рим 9:33)<sup>25</sup>, расходится со старым переводом<sup>26</sup>, но согласуется с еврейским подлинником (Ис 8:14)<sup>27</sup>. А в Септуагинте смысл противоположный: «Да не наткнётесь на камень преткновения и на скалу разрушения», хотя апостол Петр, согласуясь с еврейским текстом и с Павлом, пишет так: «А для неверующих — камень преткновения и скала соблазна» (1Пет 2:7)<sup>28</sup>. Из всего этого ясно, что Апостолы и Евангелисты в переводе Ветхого Завета искали мыслей, а не слов, и не слишком заботились о порядке и строе речей, — только было бы ясно существо мысли.

**IO. Lucas vir Apostolicus et Evangelista scribit, Stephanum primum Christi Martyrem in Judaica concione narrantem: «In septuaginta quinque animabus descendit Jacob in Aegyptum: et defunctus est ipse, et patres nostri translati sunt in Sychem et positi sunt in sepulcro quod emit Abraham pretio argenti a filiis Emor patris Sychem» (Act. 7. 15. 16. et Genes. 23). Hic locus in Genesi multo aliter invenitur, quod scilicet Abraham emerit ab Ephron Hetho, filio Seor, juxta Hebron, quadringentis drachmis argenti, speluncam duplicem, et agrum circa eam, sepeliritque in ea Saram uxorem suam. Atque in eodem legimus libro, postea revertentem de Mesopotamia Jacob cum uxoribus et filiis suis, posuisse tabernaculum ante Salem urbem Sychimorum, quae est in terra Chanaan, et habitasse ibi, et emisse partem agri, in quo habebat tentoria, ab Emor patre Sychem centum agnis: et statuisset ibi altare, et invocasse ibi Deum Israel (Ibid. 33). Abraham non emit specum ab Emor patre Sychem: sed ab Ephron filio Seor: nec sepultus est in Sychem, sed in Hebron, quae corrupte dicitur Arboch. Quoddecim autem Patriarchae non sunt sepulti in Arboch; sed in Sychem, qui ager non est emptus**

<sup>24</sup> Парафрастически, пересказывая (греч.).

<sup>25</sup> В синод. переводе: ...и камень соблазна.

<sup>26</sup> То есть Италой.

<sup>27</sup> В синод. переводе: И будет Он освящением и камнем преткновения и скалоу соблазна.

<sup>28</sup> В синод. переводе: ...камень преткновения и камень соблазна.

ab Abraham, sed a Jacob (Jos. 24. 32). Differo solutionem et istius quaestiunculae, ut obtrectatores mei quaerant, et intelligant, non verba in Scripturis consideranda, sed sensus. Vicesimi primi Psalmi juxta Hebraeos idipsum exordium est, quod Dominus locutus est in cruce: *ELI ELI LAAMA AZABITHANI*: quod interpretatur, “Deus meus, Deus meus, quare me dereliquisti?” Reddant rationem, cur Septuaginta translatores interposuerint, “respice me” [al. in me]. Ita enim verterunt: “Deus Deus meus, respice me, quare me dereliquisti?” Respondebunt utique nihil damni in sensu esse, si duo verba sint addita. Audiant et a me non periclitari Ecclesiarum statum, si celeritate dictandi, aliqua verba dimiserim.

II. Longum est nunc revolvere, quanta Septuaginta de suo addiderint, quanta dimiserint, quae in exemplaribus Ecclesiae, obelis, asteriscisque distincta sunt. Illud enim quod legimus in Isaia: «Beatus qui habet semen in Sion, et domesticos in Jerusalem.» (Isai. 31. sec. LXX), solent Hebraei deridere, cum audierint. Nec non et in Amos post descriptionem luxuriae: “Stantia putaverunt haec, et non fugientia” (Amos 6. sec. LXX). Revera sensus rhetoricus et declamatio Tulliana. Sed quid faciemus ad authenticos libros, in quibus haec non feruntur adscripta, et caetera his similia, quae si proferre nitamur, infinitis libris opus est. Porro quanta dimiserint, vel asterisci testes, ut dixi, sunt, vel nostra interpretatio, si a diligenti lectore Translationi veteri conferatur: et tamen jure Septuaginta Editio obtinuit in Ecclesiis, vel quia prima est, et ante Christi facta adventum, vel quia ab Apostolis (in quibus tamen ab Hebraico non discrepat) usurpata. Aquila autem proselytus et contentiosus interpres, qui non solum verba, sed etymologias quoque verborum transferre conatus est, jure projicitur a nobis.

10. Лука, муж апостольский и Евангелист, пишет, что первоученик Христов Стефан рассказывал в собрании иудеев: «[С семьюдесятью пятью душами] перешел Иаков в Египет, и скончался сам и отцы наши, и перенесены были в Сихем и положены во гробе, который купил Авраам ценою серебра у сынов Еммора Сихемова» (Деян 7:15—16). В книге Бытия это место выглядит совсем не так: Авраам купил у Ефрона Хетгейского, сына Сеора, за четыреста драхм серебра двойную пещеру возле Хеврона и поле вокруг нее и похоронил там Сарру, жену свою (Быт 23)<sup>29</sup>. И в той же книге читаем, как Иаков с женами и детьми после возвращения из Месопотамии разбил шатер перед Салемом, городом сихемлян в земле Ханаанской, и поселился там, и купил ту часть поля у Еммора,

<sup>29</sup> Согласно синод. переводу, Авраам купил у Ефрона Хетгеянина, сына Цохарова, за четыреста сиклей серебра пещеру и поле.

отца Сихемова, за сотню овец, где имел палатки, и сделал жертвенник, и призвал там Бога Израилева (Быт 33:18—20)<sup>30</sup>. Авраам не покупал пещеру у Еммора Сихемова — он купил у Ефрона, сына Сеора, и потребен не в Сихеме, а в Хевроне, который искаженно называется Арбох. Двенадцать же патриархов похоронены не в Арбохе, а в Сихеме, где поле было куплено не Авраамом, а Иаковом (Нав 24:32). Я так подробно разъясняю и этот небольшой пример, чтобы недоброжелатели мои разобрались и поняли, что в Писании не о словах надо рассуждать, а о мыслях. Двадцать первый Псалом по еврейскому тексту начинается теми же словами, какие Господь сказал на кресте: «Эли, Эли, лама савахфани?» (Мф 27:46), что означает: «Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил?» Пусть мне объяснят, почему Семьдесят толковников вставили: «Внемли мне»? Они перевели: «Боже мой, Боже мой, внемли мне, почему Ты меня оставил?» (см. Пс 21:2). И мне ответят: ведь нет ничего предосудительного для смысла, если и прибавить два слова. Так пусть поверят, что и из-за меня не пошатнутся устои Церквей, если, диктуя в спешке, я опустил иные слова.

11. Долго будет сейчас пересказывать, сколько Семьдесят толковников прибавили от себя, сколько пропустили, какие различия есть в церковных списках, пометках и примечаниях. Мы читаем у Исайи: «Блажен, кто имеет семя в Сионе и домашних в Иерусалиме» (Ис 31:9, согласно Септуагинте), а евреи посмеялись бы над этим, если бы услышали. И у Амоса после описания роскоши нет слов: «И мнят все это вечным, а не преходящим» (Ам 6:6, согласно Септуагинте). (Риторический стиль и поистине Туллиево красноречие.) Но что же нам делать с подлинными книгами, в которых отсутствуют эти добавления и другие подобные им (а если мы начнем их перечислять, потребуются бесконечные книги)? А сколько там они пропустили, — тому свидетели, как я уже сказал, и примечания, и наш перевод, если усердный читатель сверит его со старым. Однако перевод Семидесяти по праву принят в Церквах — либо как первый перевод, сделанный еще до Христова пришествия, либо потому, что им пользовались Апостолы (хотя они не отклоняются от еврейского текста). А Аквила<sup>31</sup>, прозелит и ревностный переводчик, попытавшийся передать не только слова, но и этимологию слов, отвергается нами, и по заслугам.

**Quis enim pro frumento et vino et oleo, possit, vel legere, vel intelligere, χεῖμα, ὀπωριμόν, \*ἰλνότητα, quod nos possumus**

<sup>30</sup> В синод, переводе: Иаков купил землю у сынов Еммора, отца Сихемова, за сто монет.

<sup>31</sup> Аквила (лат. Aquila) или Акила — II в. по Р.Х.; из иудеев-прозелитов; перевел книги Ветхого Завета с древнееврейского на греческий язык; известен педантизмом и немислимым буквализмом при переводе, а также явно антихристианской направленностью. — *Ред.*

dicere “fusionem, pomationemque,” et “splendentiam.” Aut quia Ihebraei non solum habent ἄρθρα, sed et πρόαρθρα, ille κακοζήλως, et syllabas interpretatur, et litteras dicitque σὺν τὸν οὐρανὸν καὶ σὺν τὴν γῆν, quod Graeca et Latina lingua omnino non recipit; cuius rei exemplum ex nostro sermone capere possumus. Quanta enim apud Graecos bene dicuntur, quae si ad verbum transferamus, in Latino non resonant: et e regione, quae apud nos placent si vertantur iuxta ordinem, apud illos displicebunt.

12. Sed ut infinita praeteream, et ostendam tibi, vir omnium nobilium Christianissime, et Christianorum nobilissime, cujusmodi falsitatis me in epistolae translatione reprehendant, ipsius epistolae ponam cum Graeco sermone principium, ut ex uno crimine intelligantur et caetera, Εδει ἡμᾶς ἀγαπητὲ μὴ τῇ οἰήσει τῶν κλήρων φέρεθαι, quod ita me vertisse memini: “Oportebat nos, dilectissime, clericatus honore non abuti in superbiam.” Ecce, inquit, in uno versiculo quanta mendacia. Πρῶτον ἀγαπητός, dilectus est non dilectissimus. Deinde οἴησις, aestimatio dicitur, non superbia; non enim dixit οἴηματι [al. οἰδήματι], sed οἴησει: quorum alterum tumorem, alterum arbitrium sonat. Totumque quod sequitur, “clericatus honore non abuti in superbiam, tuum est. Quid ais [al. agis]. o columnen litterarum, et nostrorum temporum Aristarche, qui de universis scriptoribus sententiam feras? Ergo frustra tanto tempore studuimus; et a saepe manum ferulae subduximus” (Juvenal. Sat. 3). Egredientes de portu, statim imegimus. Igitur quia et errasse humanum est; et confiteri errorem, prudentis: tu quicumque reprehensor es, tu me obsecro emenda praceptor, et verbum de verbo exprime. Debueras, inquit, dicere: “Oportebat nos, dilecte, non aestimatione Clericorum ferri.” Haec est Plautina eloquentia, hic lepos Atticus, et Musarum, ut dicunt, eloquio comparandus. Completur in me tritum vulgi sermone proverbium: Oleum perdit et impensas, qui bovem mittit ad ceroma. Haec non est illius culpa, cuius sub persona alius agit Tragodiam; sed Ruffini et Melanii magistrorum ejus, qui illum magna mercede nihil scire docuerunt. Nec reprehendo in quolibet Christiano sermonis imperitiam: atque utinam Socraticum illud haberemus: Scio, quod nescio; et alterius sapientis (Chilonis ut putatur): Teipsum intellige. **VENERATIONI** mihi semper fuit non verbosa rusticitas, sed sancta simplicitas. Qui in sermone imitari se dicit Apostolus, prius imitetur virtutes in vita illorum, in quibus loquendi simplicitatem excusabat sanctimoniae magnitudo; et syllogismos Aristotelis, contortaue Chrysippi acumina, resurgens mortuus confutabat. Caeterum ridiculum, si quis e nobis manens inter Croesi opes, et Sardanapali delicias, de sola rusticitate se jactet: **QUASI OMNES** latrones, et diversorum criminum rei, disertis sint: et cruentos gladios, Philosophorum voluminibus, ac non arborum truncis occultant.



Ибо кто же вместо слов «хлеб, вино и елей» (Втор 7:13) мог бы прочесть или понять — *сеума, орwрисмон, стилпнотhta*, что можно перевести как «излияние, плодоношение и блистание»? А поскольку в еврейском языке есть не только *aqra*, но и *proaqra*<sup>32</sup>, то он *kakozhlwx*<sup>33</sup> и слоги переводит, и буквы, и пишет *sun ton ouranon kai sun thn ghen*<sup>34</sup>, что ни по-гречески, ни по-латыни совершенно неприемлемо. Такой же пример можно привести и из нашей речи. Как бы ни была хороша греческая фраза, но переведённая на латынь дословно, она не зазвучит; и наоборот, то, что хорошо для нас, при переводе слово за слово на греческий грекам нравиться не будет.

12. Но оставим эту безграничную тему. Хочу показать тебе, о благороднейший муж среди христиан и христианнейший среди благородных, какого рода ложь при переводе письма мне вменяют в вину, и для этого приведу начало письма по-латыни и по-гречески, чтобы на примере одного обвинения стали ясны и другие. *Edei hmax, agaphte, mh th oihsei twn klhrwn jeresqai* я, помнится, перевел так: «Надлежало нам, возлюбленный, не превращать честь священнослужения в предмет гордости». «Вот, — говорят они, — какая ложь в одной строчке! Во-первых, *agaphtox* — это не “возлюбленный”, а “возлюбленный”. Затем, *oihsix*; есть “мнение”, а не “гордость”, поскольку здесь не сказано *oihmati*, но *oihsei*; одно означает “мнение”, второе — “надменность”. И все дальнейшее: “Не превращать честь священнослужения в предмет гордости” — тебе принадлежит». Что ты такое говоришь, о борец за букву, о Аристарх<sup>35</sup> нашего времени, [строго] судящий всех без разбора писателей? Видно зря мы столько времени учились и «часто отдергивали руку от розги»<sup>36</sup>, — отойдя от берега, сразу пошли ко дну. Конечно, раз человеку свойственно ошибаться, то человеку умному — признавать свои ошибки: какой бы ты ни был порицатель, сделай милость, — молю тебя, учитель, поправь меня и переведи слово в слово! Он отвечает: «Ты должен был перевести: надлежало нам, возлюбленный, не носиться с мнением священнослужителей». Вот оно, Плавтово красноречие! Вот аттическое изящество, сравнимое, как говорится, с речью муз! Оправдывается

<sup>32</sup> Артикли и «предартикли» (греч.); в древнееврейском языке: определенный артикль и особая частица, ставящиеся вместе при объектном винительном падеже. Аквила попытался воспроизвести в своем переводе и то, и другое. — *Ред.*

<sup>33</sup> Педантично, вездливо (греч.).

<sup>34</sup> Окончание стиха Быт 1:1 — ...небо и землю (греч.). — *Ред.*

<sup>35</sup> Аристарх из Самофракии (II в. до Р.Х.); жил в Александрии, основал собственную филологическую школу. Занимался критикой и истолкованием известнейших греческих поэтов, в частности — Гомера. Имя Аристарха стало впоследствии нарицательным — как своеобразный символ учености и педантичности. — *Ред.*

<sup>36</sup> Ювенал. Сатира 1, 15.

на мне ходячая простонародная пословица: «Посылать быка в палестру — даром тратиться на масло». Но не его это вина; трагедию под его маской разыгрывают другие; Руфин и Мелания<sup>37</sup>, учителя его, за большие деньги научившие его ничего не знать. Я не осуждаю никого из христиан за невежество речей; еще Сократ сказал: «Я знаю, что ничего не знаю», а другой мудрец (Хилон, как считается): «Познай самого себя». Но я всегда почитал святую простоту, а не словесную нищету. Кто подражает моим речам, — говорит Апостол, — пусть лучше подражает добродетелям тех, у кого простота в речах искупалась величием святости. И силлогизмы Аристотеля, и изощренные остроты Хрисиппа посрамил Воскресший из мертвых. Смешно, впрочем, если бы кто-нибудь из нас среди богатств Креза и утех Сарданалала похвалялся бы лишь одним своим невежеством, — будто разбойники и прочие преступники все до одного красноречивы и прячут окровавленные мечи не в дуплах деревьев, а в свитках философов.

**13. Excessi mensuram epistolae, sed non excessi doloris modum. Nam qui falsarius vocor; et inter muliercularum radios et textrina dilanior, contentus sum crimen abnuere, non referre. Unde arbitrio tuo cuncta permitto; ut legas ipsam epistolam, tam Graecam quam Latinam: et illico intelliges accusatorum meorum naenias, et probrosas querelas. Porro mihi sufficit amicum instruxisse carissimum: et in cellula latitantem diem tantum expectare iudicii. Optoque, si fieri potest, et si adversarii siverint, Commentarios potius Scripturarum, quam Demosthenis et Tullii Philippicas tibi scribere.**

13. Я достиг конца письма, но не достиг предела своей печали. Ибо меня называют лжецом и треплют мое имя в бабьих покоях за ткацким станком, я же довольствуюсь тем, что не вижу за собой вины и не оправдываюсь. Поэтому все отдаю тебе на суд; прочти само письмо по-гречески и по-латыни, и тотчас поймешь, чего стоят вопли и мерзкие жалобы моих обвинителей. А мне достаточно все поведать дорогому другу и, укрывшись в келье, ожидать приговора. И хочу, если получится и если допустят враги, писать тебе лучше толкования на Писание, чем Демосфеновы и Туллиевы филиппики.

*Перевод с латыни Н. Холмогоровой  
под редакцией М. Касьян и Т. Миллер.*

*Текст приводится по изданию:  
Альфа и Омега. 1995. № 4 (7). С. 173—187*

---

<sup>37</sup> Руфин Аквилейский — старый друг бл. Иеронима, Мелания — римская аристократка, основала монастырь на горе Елеонской. Poleмика об Оригене превратила их былую дружбу с бл. Иеронимом в многолетнюю вражду. — *Ред.*

## Заключение

Итак, краткая характеристика переводческой деятельности блаженного Иеронима, построенная в форме ответов на вопросы, предложенные Антуаном Берманом, а также идеи о принципах перевода, изложенные в трактате «О наилучшем способе перевода», позволяют обрисовать личность средневекового филолога. Иероним был весьма образованным человеком для своего времени, обладавшим широкими познаниями в области филологии, истории, богословия. Его образованность выделяла его среди других богословов. Но эта же образованность и некоторое чувство превосходства, иногда даже над авторами переводимых произведений, позволяли ему в ряде случаев довольно свободно обходиться с исходным текстом. В письме к Вигилиянцию, объясняя, почему он переводил еретика Оригена, отчасти оправдываясь в этом, Иероним высказал весьма интересную мысль, не только характеризующую его как переводчика, но и положившую начало целому направлению в переводческой стратегии. «Поэтому, — пишет он, — если я перевёл его хорошее, а дурное обрезал, или исправил, или опустил, — заслуживаю ли я порицания за то, что латиняне благодаря мне имеют его доброе и не знают дурного» [Блаженный Иероним Стридонский, 2006, с. 209].

Это высказывание Иеронима по поводу своей переводческой стратегии оказывается весьма важным для дальнейшего развития философии перевода. Для того, чтобы понять это, достаточно взглянуть на предисловие Монтескье к своим «Персидским письмам». Французский писатель и философ в XVIII в. заявляет читателю, что «выполнял только обязанности переводчика: все мои старания, — продолжает он, — были направлены на то, чтобы приспособить это произведение к нашим нравам. Я по возможности облегчил читателям азиатский язык и избавил их от бесчисленных высокопарных выражений, которые до крайности наскучили бы им. Но это еще не все, что я для них сделал. Я сократил пространные приветствия, на которые восточные люди тороваты не меньше нашего, и опустил бесконечное число мелочей, которым так трудно выдержать дневной свет и которым всегда следует оставаться личным делом двух друзей» [Монтескье, 1993, с. 210]. Более тысячелетия разделяет высказывания двух мыслителей о переводческой стратегии. Но сколько в них общего. И тот, и другой считают себя вправе исправлять автора. Разумеется, Монтескье никого на самом деле не исправлял, но он предпослал своему роману характерное предисловие, которое обычно сопровождало переводные произведения в тот период.

Таким образом, есть все основания полагать, что, если Цицерон был первым апологетом вольного перевода, то Иероним был первым, кто попытался оправдать и аргументировано обосновать необходимость исправительных переводов.

### *Список литературы*

*Berman A.* Pour une critique des traductions: John Donne. Paris: Gallimard, 1995 (перевод мой. — *О.К.*).

*Диесперов А.* Блаженный Иероним и его век. М., 1916.

*Блаженный Иероним Стридонский.* К Домниону // Блаженный Иероним Стридонский. Да будут одежды твои светлы // Письма о духовной жизни. М., 2006.

*Berman A.* L'épreuve de l'étranger. P., 1984 (перевод мой. — *Н.Г.*).

Жития блаженного Иеронима // Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-минеи св. Димитрия Ростовского с дополнениями, объяснительными примечаниями и изображениями святых. 2-е изд. М.: Синодальная Типография, 1903. Цит. по: <http://mistudies.narod.ru/name/h/hieronimus/jerome.htm>.

Блаж. Иероним Стридонский Евсевий Софроний. См.: Mistudies. Христианский портал: <http://mistudies.narod.ru/name/h/hieronimus/jerome.htm>.

*Hieronymus.* Epistola LVII. Ad Pammachium // Hieronymus. Sancti Eusebii Hieronymi Stridonensis. Opera omnia. P. 1845—1846.

*Монтескье Ш.Л.* Персидские письма // Французский фривольный роман / Пер. с франц. под ред. Е.А. Гунста. М., 1993.

**М.В. Королева,**

старший преподаватель кафедры английского языка для экономического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, председатель Гэльского научного общества Москвы. *E-mail:* mairi@mail.ru

## О ПЕРЕВОДЕ И ЯЗЫКЕ *FOIRM NA N-URRNUIDHEADH*

В статье рассматривается значимость перевода на гэльский язык «Книги о надлежащем порядке» — *Foirm na n-Urrnuidheadh* (1567), выполненного епископом Джоном Карсвеллом, при этом особо подчеркивается роль, которую данное первое печатное издание на гэльском языке сыграло в становлении нормы современного гэльского языка. Автор попытался осветить наиболее важные проблемы перевода, содержания и языка *Foirm na n-Urrnuidheadh*, дал необходимый исторический комментарий. Делается вывод о том, что выбор классического гэльского как общего литературного языка для гэлов Шотландии, Ирландии и острова Мэн в качестве языка перевода установил самый высокий образец для последующих переводов на гэльский язык. Данный перевод стал основой преемственности и сохранения уже в Новое время связи средневековой гэльской прозаической традиции с традицией современной.

**Ключевые слова:** переводы богослужебной литературы, переводы на гэльский язык, Реформация, Шотландия.

**Maria V. Korolyova,**

Chairman of the Gaelic Society of Moscow, Senior Lecturer in ESP at the Faculty of Economics, the Lomonosov State University of Moscow, Russia. *E-mail:* mairi@mail.ru

### **The Translation and Language of *Foirm na n-Urrnuidheadh***

The article focuses on the historic impact of Bishop Carswell's Gaelic translation of the *Book of Common Order* — *Foirm na n-Urrnuidheadh* (1567), stressing the role this first Gaelic book in print played in setting the future standard for the written Scottish Gaelic of today. An attempt has been made to cover the issues of primary interest concerning the translation, contents and the language of *Foirm na n-Urrnuidheadh* together with a historic commentary supplied where relevant. The conclusion is that the choice of the Classical Gaelic as the language of translation — the common literary tongue shared by the Gaels of Scotland, Ireland and the Isle of Man — set the highest possible standard for the future translations into Gaelic and determined the continuity of the Gaelic prose up to the Modern times.

**Key words:** the translation of liturgical books, translations into Gaelic, Reformation, Scotland.

Появившееся в 1567 г. в Эдинбурге первое печатное издание на гэльском языке<sup>1</sup> *Foirm na n-Urrnuidheadh* («Книга о надлежащем

---

<sup>1</sup> Здесь и далее автор будет пользоваться термином «гэльский» (англ. *Gaelic*) в его широком понимании, так как в статье речь пойдет о диахроническом аспекте общего языкового и культурного пространства гэлов Шотландии и Ирландии. При необходимости обращения к синхроническому срезу гэльского языка будут использованы узкоспециальные термины для обозначения того или иного периода его развития.

порядке»<sup>2</sup>) — незаслуженно забыто и почти не упоминается в отечественных кельтологических исследованиях<sup>3</sup>. Между тем значение этого перевода на гэльский язык для становления литературной нормы современного гэльского языка в Шотландии крайне велико. В работе говорится о том, почему первая печатная и переводная книга *Foirm na n-Urrnuidheadh* (далее — *Foirm*), на сегодняшний день известная лишь узкому кругу специалистов, так важна для лингвиста, занимающегося историей гэльского языка, а также насколько велика роль Церкви в сохранении уже в Новое время преемственности прозаической гэльской традиции, а фактически — гэльской культуры и языка.

Сразу отмечу, что эта небольшая статья не претендует на подробный и скрупулёзный текстологический анализ перевода. Основная её цель — привлечь внимание отечественных исследователей к данному переводу на гэльский язык и показать его значимость с точки зрения исторической лингвистики. А также поднять вопрос о том, насколько переводное издание в принципе способно повлиять на установление нормы языка. Нас также будут интересовать такие вопросы, как история создания этого перевода, кому он предназначался, насколько соответствует оригиналу, переводилась ли книга с латыни (как было заявлено автором перевода) или же с английского, каковы особенности авторского стиля и языка данного перевода, что это за язык и — шире — какова роль именно этого издания, с его языковыми стандартами и особенностями, в становлении и развитии книгопечатания на гэльском языке в Шотландии и, в конечном итоге, — для установления нормы современного литературного гэльского языка? Насколько решающей была эта роль?

«Книга о надлежащем порядке» — один из трёх основополагающих документов шотландской Реформации. Остальные два — «Исповедание веры» и «Первая книга о дисциплине». Касаясь ряда вопросов, относящихся к периоду Реформации, хотелось бы сразу пояснить, какой смысл я вкладываю в термин «кельтская церковь». Часто понятие «кельтская церковь» связывают со вполне определённым историческим периодом, а именно, имеют в виду раннесредневековую ирландскую церковь. С моей точки зрения, понимание этого термина более широко.

Ведь когда мы говорим «кельтский», мы употребляем это понятие преимущественно в лингвистическом смысле, подразумевая

---

<sup>2</sup> Русский перевод названия книги дается по изданию «История Реформации» [см.: Спиц, 2003]. В просторечии это произведение также именовалось «литургией Нокса».

<sup>3</sup> Единственное скупое упоминание можно встретить в кн. «Введение в кельтскую филологию» [Калыгин, 2006, с. 180]. К сожалению, значение перевода и его влияние на современное состояние языка не освещено.

языковую группу, в которую входит и шотландский гэльский язык. «Церковь» же, если брать основное значение греческого слова, употреблённого в Новом Завете, это «собрание людей», конечно, тут важно дополнить — людей верующих, христиан. Поэтому для нас, лингвистов, словосочетание «кельтская церковь» прежде всего содержит в себе определённый смысл: «собрание людей (христиан), говорящих на языке или языках, которые входят в кельтскую группу». В рамках такого понимания я и предлагаю обратиться к *Foirm*.

Перевод на гэльский язык «Книги о надлежащем порядке» (*The Book of Common Order*), выполненный Джоном Карсвеллом (Карсуэллом), был издан 24 дня апреля месяца 1567 г. в Эдинбурге в типографии Роберта Лекпревика<sup>4</sup>. Оригинал же был составлен под руководством «неистового шотландца» Джона Нокса<sup>5</sup> в 1550—1560-е гг., первое печатное издание на английском появилось в Шотландии в 1562 г.<sup>6</sup> История создания книги изложена самим Ноксом в его *A Brieff Discours off the troubles begonne at Franckford in Germany Anno Domini 1554* [Кнох, 1895, р. 9—49].

Итак, 1567 г. У шотландцев появляется первая печатная книга на гэльском языке — *Foirm na n-Urrnuidheadh*<sup>7</sup>. Книга переводная, книга протестантская, книга, несущая «не мир, но меч», которая, надо заметить, стала первым печатным изданием для всех кельтоязычных стран. Напечатана она была в Эдинбурге, а вот задумывался и создавался этот перевод в только что возведённом замке Карнассэри, близ Килмартина, что в графстве Аргайл. Выстроил его очень влиятельный человек — Джон Карсвелл (гэльск. *Sèon Carsuel*) (ок. 1522—1572), удостоенный титула Епископ Островов и пользовавшийся особой благосклонностью и вниманием пятого графа Аргайла<sup>8</sup>. Под влиянием графа Карсвелл переходит на сторону

<sup>4</sup> Роберт Лекпревик достаточно известен как издатель, в разное время печатал книги в Эдинбурге, Стерлинге и Сент-Эндрюсе.

<sup>5</sup> Джон Нокс (1514—1572, по другим источникам, ок. 1505—1572), — лидер шотландской Реформации. Основатель Церкви Шотландии (*The Church of Scotland*).

<sup>6</sup> «Книгой о надлежащем порядке» пользовались в Церкви Шотландии с 1564 по 1645 г. (был даже издан указ, обязующий всех состоятельных людей купить эту книгу и хранить ее дома), затем она была заменена английским молитвословом. В XX в. стала вновь использоваться в некоторых шотландских церквях.

<sup>7</sup> Букв. «форма, способ, порядок молитв» (Здесь и далее перевод с гэльского мой. — *М.К.*).

<sup>8</sup> В долгу Карсвелл не оставался и при каждой возможности славил своего благодетеля. Если вам посчастливится попасть в замок (открыт он, к сожалению, только летом, но зато войти в него и осмотреть можно совершенно бесплатно), то над главным входом вы сможете увидеть герб и девиз *Dia le ua nDuibhne* («[Да пребудет] Господь с Уа Дувьне», Уа Дувьне — так звался Кэмпбелл граф Аргайл). Карсвелл строил этот замок своему покровителю, что не уставал подчёркивать, строил с особенным размахом, но жил там сам вплоть до своей смерти в 1572 г. Величественный замок Карнассэри, кстати, уже через 60 лет был полностью разорён. Ныне реставрируется и находится на попечении государственного агентства *Historic Scotland*.

протестантов и становится ярым защитником идеалов Реформации, а вскоре, в необыкновенно короткий срок, переводит «Книгу о надлежащем порядке» и, таким образом, вводит в обиход свод богослужебных правил для реформированных церквей уже на гэльском, что сыграло решающую роль в насаждении новой доктрины среди гэлоязычного населения Шотландии. Количество гэлоговорящих жителей Шотландии того времени составляло бóльшую часть населения, более точные оценки численности гэлов для данного периода, к сожалению, невозможны [см.: Спиц, 2003].

Скорость, с которой этот перевод был выполнен и издан, впечатляет. Вторая книга на гэльском языке появится в шотландской печати не раньше, чем через 70 лет. Это будет *Adtimchiol an Chreidimh* — перевод «Катехизиса» Джона Кальвина (1631 г.)<sup>9</sup>. А полный перевод Библии на гэльский язык будет завершён лишь к 1826 г.<sup>10</sup> Таким образом, с момента публикации *Foirm* Карсвелла до окончательного издания в Шотландии отредактированного перевода Библии пройдет два с половиной века. Других книг на гэльском за этот период вообще не появлялось, за исключением издания тематического словаря для школ<sup>11</sup> (1741 г.) [см.: MacDomhnuill, 1741].

Тут важно отметить следующее. Известно, что за неимением собственного перевода Библии вплоть до XIX в. гэлоязычное население Шотландии могло пользоваться ирландским переводом [см.: Королёва, 2009], вполне понятным для грамотной части населения в плане языка, но — и это оказалось решающим — напечатанным непривычным ирландским шрифтом в отличие от знакомого латинского шрифта издания *Foirm*. Именно необычный шрифт послужил основной причиной отказа многих шотландцев от использования этого издания Библии, и её пришлось срочно перепечатывать уже латинским шрифтом<sup>12</sup>. С этого момента становится ясно, что ирландский шрифт так и не приживётся в Шотландии.

---

<sup>9</sup> Имя переводчика «Катехизиса», к сожалению, осталось неизвестным. Язык же данного перевода сильно отличается от языка *Foirm* и заслуживает отдельного исследования.

<sup>10</sup> Библия на гэльский переводилась по частям. Первым опытом перевода, появившим в печать, можно считать небольшие куски (перевод Молитвы Господней и нескольких цитат из Священного Писания — из главы с описанием Тайной Вечери, а также некоторые псалмы) в рамках *Foirm na n-Urrnuidheadh* (1567 г.). В 1694 г. была издана метрическая Псалтирь на гэльском, перевод Нового Завета был опубликован в 1767 г., Ветхий Завет переводился и печатался по частям (четыре части, с 1783 по 1801 г.). За этим последовало уже переиздание всех частей Библии под одной обложкой (1807 г.), окончательно исправленное издание появилось в 1826 г. [см.: Королёва, 2009].

<sup>11</sup> Автор словаря — известный гэльский поэт Александр Макдональд (*Alasdair MacMhaighstir Alasdair*), сама книга находится сейчас в хранилище Шотландской национальной библиотеки.

<sup>12</sup> Перепечатывали в Эдинбурге в 1698 г.



Что же означало издание *Foirm* в 1567 г. для Шотландии и Ирландии? Да, и Ирландии тоже, потому что Карсвелл предназначал свой перевод для протестантской паствы не только Шотландии, но и Ирландии, не имевшей на тот момент ещё собственного книгопечатания на гэльском. Для этого он выбирает общий литературный язык, понятный и тем, и другим. В обращении к читателю Карсвелл пишет, что книга его предназначается для «мужей Шотландии и Ирландии»<sup>13</sup>, и сокрушается о том, что «поистине велик ущерб и нужда, от которых мы, гэлы Шотландии и Ирландии, всегда страдали <...> в том, что наш гэльский язык никогда не предстал в печатном виде... и... в том, что история наших предков никогда не печаталась, хотя некоторая часть истории гэлов Шотландии и Ирландии и была записана в рукописном виде»<sup>14</sup>. Далее он еще не раз упоминает гэлов Шотландии и Ирландии — «*Gaoidhil Alban agas Eireand*».

Карсвелл в некотором смысле достиг своей цели, но, возможно, не совсем так, как бы ему хотелось. Действительно, издание *Foirm* вдохновило «гэлов Ирландии». Но не столько своим содержанием, а тем, что указало им на возможность вести службы на ирландском гэльском языке. Ведь в Ирландии, как известно, протестантская церковь (*The Church of Ireland*) представляла собой ответвление англиканской церкви и управлялась ею<sup>15</sup>, но Англия не стремилась вести службы для ирландцев на их собственном языке. Даже когда через некоторое время появились ирландские переводы Нового Завета, Псалтири и Ветхого Завета, это было делом рук нескольких людей внутри самой Церкви Ирландии. Вскоре же после издания *Foirm* в Ирландии начались публикации переводов протестантских богослужебных изданий на классический гэльский (иначе — классический новоирландский) язык. Уже в 1571 г. в Дублине издается *Aibidil Gaoidheilge 7 Caiteiosma* — «Ирландский алфавит и катехизис», текст которого взят из англиканской «Книги общих молитв», туда же попали и некоторые молитвы из *Foirm* Карсвелла<sup>16</sup>.

Но даже Ирландии нашему честолюбивому епископу было мало. Джон Карсвелл надеялся, что его перевод будет востребован

<sup>13</sup> <...> *d'fhearaibh Alban agas Eireand*. [*Foirm* na n-Urrnuidheadh, 1870, p. 10].

<sup>14</sup> *Acht atā ní cheana, is mōr an leathrom agas an uireasbhuidh atā riamh orainde, Gaoidhil Alban agas Eireand <...> gan ar gcanamhna Gaoidheilge do chur a gcló riamh... agas...gan seanchus ar sean nō ar sindsear do bheith mar an gcēdna a gcló againd riamh, acht gē tá cuid ēigin do tseanchus Ghaoidheal Alban agas Eireand sgrīobhtha a leabhruibh lámh* [*Foirm* na n-Urrnuidheadh, 1873, p. 10].

<sup>15</sup> Именно поэтому перевод Карсвелла «Книги о надлежащем порядке» не прижился в Ирландии, а на смену ему пришла англиканская «Книга общих молитв».

<sup>16</sup> С этого момента ирландское гэльское книгопечатание начнет обгонять шотландское. Например, уже в 1602 г. выйдет перевод «Нового Завета» (*Tiomna Nuadh*), а в 1608 г. — полный перевод «Книги общих молитв» (*Leabhar na nUrnaithe gComhchoiteann*).

и за пределами Шотландии и Ирландии, о чем и пишет в стихотворении, посвящённом своему труду. Там он говорит, что желает, чтобы книга его направилась через Ирландию на запад и попала бы в руки каждому, кто любит правду — «*gach neach do ghràdhaigh an choir*» [Foirm na n-Urrnuidheadh, 1873, p. 13]. А в письме-посвящении своему патрону Аргайлу уточняет: «*do chum gach uile Chrìsduidhe ar feadh an domhain go h-implàn*» — каждому христианину во всём мире [Ibid., p. 10].

Однако, если смотреть правде в глаза, то в момент издания книги она предназначалась и в первую очередь оказалась нужна священникам — пасторам, таким же, как и сам Карсвелл, перешедшим в протестантизм и проповедовавшим среди гэлязычного населения Шотландии. До издания *Foirm* служба могла выглядеть так: пастор в реформированной церкви проповедовал, вёл службу и молился по-английски, а кто-то из гэльской знати, например всё тот же герцог Аргайл или его сын, переводили службу на гэльский<sup>17</sup>.

О самом переводчике *Foirm* — как о личных качествах Карсвелла, так и о его священстве существует прекрасная статья Ангуса Мэтсона (Мэтисона) в Сборнике трудов Гэльского научного общества Инвернесса [Matheson, 1953—1959, p. 182—205]. Однако для общего представления все же стоит упомянуть, что наш епископ был отнюдь не миролюбивым и кротким, как мы обычно представляем себе священнослужителей, а наоборот, воинственным и достаточно тщеславным человеком, мнительным, льстивым и вдобавок необыкновенно жадным. В округе его не особенно жаловали в силу последнего из упомянутых качеств. Сохранилась народная сатира, которая выросла из жанра сатирической оды — столь популярного среди гэльских поэтов способа заклеить врага позором на вечные времена, недаром этому жанру приписывались магические свойства:

*Carsalach mòr Charn-à-saraigh*  
*a tha còig càirt 'na chasan —*  
*tha dhroll mar dhruinnein na curra*  
*'s a sgròban lom, gionach farsaing*<sup>18</sup>  
[Foirm na n-Urrnuidheadh, 1873, p. lxxxv].

<sup>17</sup> Скорее всего, именно так это и происходило, причем традиция вести службу таким образом могла быть достаточно древней. Похожий случай устного перевода (правда, речь идет о переводе с «языка скоттов» на «язык англоv») описывается еще у Беды Достопочтенного, где король Освальд самолично переводил «небесные слова» епископа Айдана своим приближенным и советникам [Беда Достопочтенный, 2001, с. 76].

<sup>18</sup> Буквальный перевод четверостишия:  
*Великий Карсвелл из Карнасэри,*  
*у которого пять четвертей — ноги,*  
*зад, как у цапли,*  
*а брюхо ненасытное, жадное и вместиельное.*

Теперь, когда мы знаем кое-что о характере нашего епископа, мы вполне понимаем причины, по которым Джон Карсвелл так торопился с переводом и изданием *Foirm*. Их было несколько: и желание обогнать соперников (тут сыграла свою роль мнительность и самолюбие), и желание услужить господину (Карсвелл прекрасно ориентировался как в его настроениях, так и в политике в целом), а также желание воспользоваться нужным моментом. Дело в том, что, когда Карсвелл спешил опубликовать свой перевод, он ещё надеялся, что Елизавета I выйдет замуж и её супруг может сочувственно отнестись к идее сближения церквей, во всяком случае, он не упускал этой возможности. При таком обороте событий его влияние и власть существенно бы возросли.

Прежде чем переходить к языку и стилю перевода, следует уточнить, в каком виде и в каком составе до нас дошел сам текст *Foirm na n-Urrnuidheadh*.

Публикация 1567 г. представлена в трех копиях, самая доступная из которых находится в библиотеке Эдинбургского университета, она же самая пострадавшая (без ff. A1, D1, 2, 7, 8, E1, 8, G1, 8, H1, 8, K1, 8, Q1-5). Второй экземпляр хранится в Лондоне, в Британском музее (без ff. A1, D8, E1, G1-3, K6, M1-3, 8, N1, O1, 3, 8, Q1-2). Третья, на удивление нетронутая копия (всего лишь без f. A8) была обнаружена в Нью-Йорке, в Библиотеке П. Моргана<sup>19</sup>. Все дальнейшие переиздания *Foirm* основывались на этих сохранившихся экземплярах.

Второе издание *Foirm* [см.: *Foirm na n-Urrnuidheadh*, 1873] было подготовлено священником Томасом Маклахлином (1816—1886) в 1873 г., он использовал эдинбургскую копию, но, так как там многих листов не хватало, то недостающие перекопировал с третьего экземпляра книги, который в то время был еще в Шотландии и хранился в Инверэри, замке Аргайла. Маклахлин не только не устранил опечатки и неточности перевода, но и преумножил их. Хотя он и добавил в издание английский оригинал в виде сносок (и свой собственный перевод там, где Карсвелл внес свои добавления и дополнил оригинальный авторский текст), но добавленный английский текст не всегда соответствует порядку, в котором Карсвелл расположил свой перевод.

Третье, самое лучшее на сегодняшний день, издание перевода — книга 1970 г., выпущенная дополнительным тиражом в 1988 г. [см.: *Foirm na n-Urrnuidheadh*, 1870]. Это научное, исправленное изда-

---

<sup>19</sup> Высказываются достаточно логичные предположения, что первыми двумя экземплярами книги пользовались пасторы, которые просто вынимали из них необходимые им для службы или треб листы. Неудивительно, что многие страницы могли затеряться. Последняя же копия, похоже, принадлежала не священнику, а самому Аргайлу. Наследники богатых и знатных родов часто тайно распродавали ценные библиотеки своих предков в надежде покрыть собственные долги. Возможно, таким или подобным способом издание и «перебралось» в Америку.

ние с глоссарием, комментариями и текстологическим анализом. Перевод Карсвелла для этого издания первоначально готовил и исправлял профессор Ангус Мэтсон вместе с профессором Уильямом Уотсоном, который не был упомянут среди редакторов, а после кончины Мэтсона в 1962 г. его работу продолжил Роберт Томсон. Он и стал окончательным издателем и редактором текста *Foirm*. Томсон умер в 2006 г., приняв, кстати, после ухода на пенсию, священнический сан.

Других изданий *Foirm* пока не появлялось, полная библиография «Книги о надлежащем порядке» доведена до начала XX в. [A bibliography, 1913].

Текст академического издания, как уже отмечалось, дорабатывался, были исправлены опечатки и ошибки. Карсвелл в своё время оправдывался, предвидя нападки (особенно со стороны «*na Pāpānaigh*» (папистов), как он презрительно называл католиков), и писал, что если и есть неточности в его переводе, то это только по вине типографских наборщиков, «*ar son nach raibhe én-fhocal Gaoidhelce ag fear-bhuailte an chló*» («потому что издатель не знал ни слова по-гэльски») [Foirm na n-Urrnuidheadh, 1870, p. 112]. Но существует довольно обоснованное предположение, что сам Карсвелл вполне мог также допустить ошибки — в предваряющем книгу письме-посвящении графу Аргайлу он неожиданно признаётся: «Хотя мой гэльский не очень хорош, но моё рвение должно возместить мой недостаток»<sup>20</sup>.

Епископ Джон Карсвелл выступил тут не только как переводчик, но и как составитель, редактор и даже в некотором смысле соавтор Джона Нокса. Он был, что достаточно обычно для той эпохи, глубоко убеждён в правомерности собственных добавлений к текстам. Как раз добавления, а не сам текст, а также характерный авторский стиль интересны и ценны для лингвиста, который исследует историю языка и язык перевода.

Что же Карсвелл изменил и добавил при переводе? В основную часть он не добавил почти ничего, за исключением собственной молитвы «Перед началом службы», свои же собственные сочинения и переделанный катехизис, плюс некоторые добавления, скромно поместил в конце. Его перу принадлежат два письма-посвящения своему патрону, графу Аргайлу, а также гэлам Шотландии и Ирландии, стихотворение-посвящение книге (упоминавшаяся ранее), заключение — апология себя (там он защищается от предполагаемых нападков), формула для освящения корабля<sup>21</sup>

<sup>20</sup> *Acht gé nach ro-mhaith ar nGaoidhealg, gidh eadh is gabtha mo dheagh-thoil uaim-se ar son mh'uireasbhadha* [Foirm na n-Urrnuidheadh, 1970, p. 8].

<sup>21</sup> Эту формулу Мартин Мартин включит в свою знаменитую книгу *Description of the Western Islands of Scotland* [Martin, 1916]. Очень похожую молитву мы встретим и в первом томе сборника Александра Кармайкла *Carmina Gadelica* [Carmichael, 1928, p. 332—333].

(ею часто пользовались священники), и два сочинения, которые связаны с оригиналом, но не отражают его в полной мере, — это Молитва Господня в виде метрического псалма и катехизис. Карсвелл не стал переводить все метрические псалмы<sup>22</sup> и полный катехизис по понятным причинам — это заняло бы у него не менее пяти лет<sup>23</sup>, но внёс достаточно серьёзные изменения в сам текст «неистового» Нокса: например, опустив при переводе целую фразу, он таким образом позволил священникам совершать некие действия без разрешения духовного начальства, но не наоборот (*sic!*)<sup>24</sup>.

С какого же языка был сделан Карсвеллом перевод? Если мы посмотрим на титул, то увидим, что там написано — «переведено с латинского и с английского» (*arna dtarraing as Laidin agas as Gaill-Bhērla*)<sup>25</sup>. Но, скорее всего, перевод был сделан только с английского, а отсылка к латыни — это своего рода хитрость, чтобы читатель с бóльшим доверием отнёсся к его труду. Об этом говорят и латинские фразы, которые переводчик вставляет в гэльский текст, — именно эти слова не встречаются в латинском тексте [см.: *The Liturgical Portions...*, 1931], вместо них идут совсем другие, хотя и с похожим значением. Оригинал был написан Джоном Ноксом на английском, однако Джон Карсвелл мог ошибочно полагать, что рукопись писалась на латыни и лишь потом была переведена на английский.

О языке перевода и авторском стиле переводчика следует сказать особо. Прекрасный разбор всех уровней языка *Foirm* представлен во вступительной статье Р. Томсона к академическому изданию 1970 г. В частности, он отмечает, что на уровне морфологии язык перевода крайне схож с литературным ирландским, описанным в *Irish Grammatical Tracts* [*Foirm na n-Urrnuidheadh*, 1970, p. xi-lix; см.: *Irish Grammatical Tracts*, 1915—1855].

---

<sup>22</sup> Метрические псалмы — стихотворный вариант псалмов для исполнения церковным хором.

<sup>23</sup> Именно столько времени потребовалось для перевода на гэльский язык первых пятидесяти метрических псалмов, причём в переводе были задействованы все ресурсы Синода Аргайла (1653—1958 гг.).

<sup>24</sup> Читатель, наверное, заметил, что автор статьи намеренно избегает подробного обсуждения вопросов, относящихся к порядку богослужения, совершения Таинств и пр., это тема для отдельной статьи.

<sup>25</sup> Приведу текст титульного листа целиком:

*FOIRM na n-URRNUIDHEADH agas FREASDAL na SACRAMUINTEADH agas FOIRCEADUL an CHREIDIMH CHRISTUIDHE and so s os, mar ghn thuighear a n-Eaglaisibh Alban do ghr dhuigh agas do ghlac Soisg l D leas D , tar is an fhuar-chreidimh do chur ar gc l; arna dtarraing as Laidin agas as Gaill-Bh rla i nGaoidheilg l M. SEON CAR-SUEL Ministir Eagluise D a gcr ochaibh Earra Gaoidheal, darab comh-ainm Easbug Innd-seadh Gall. N h- idir l h- n-duine fundamuint oile do tsuihiughadh acht an fhundamuint at arna suighiughadh. i. Iosa Cr osd. I Cor. 3. Do buaileadh so a gcl i nD n Edin, darab comh-ainm D n Monaidh, an 24 l don mh s Apr l, 1567, l Roibeard Lekprevik. [Foirm na n-Urrnuidheadh, 1970, c. 1].*

Для нас же особенно важен тот факт, что Карсвелл, рассчитывая на широкую аудиторию, в том числе за пределами Шотландии, выбрал классический гэльский 1400—1700 гг.<sup>26</sup> для перевода «Книги о надлежащем порядке». На этом языке писало и, по всей вероятности, говорило, все образованное сословие Шотландии, Ирландии и острова Мэн (за исключением жителей Шотландской равнины и небольшого количества жителей восточной и южной части Ирландии), в то время как неграмотная часть населения говорила на разных диалектах, имевших существенные расхождения с литературным языком. Классический гэльский поддерживался профессиональными поэтами, генеалогами и историками рода, жившими при дворах гэльской знати, на уровне высочайшего мастерства. Карсвелл, который побывал в Ирландии и, по слухам, несколько лет учился там искусству стихосложения, облек реформаторское (новое по духу) содержание *Foirm* в древние одежды классической традиции. Подчеркнём, что при переводе «Книги о надлежащем порядке» прозаический гэльский был впервые использован не для героического, а иного, богослужебного, содержания [The Edinburgh History..., 1997, p. 558]. Тем самым Джон Карсвелл фактически заложил основы прозаического текста в Шотландии уже в Новое время, установив преемственность средневековой и современной прозы. Теперь, вплоть до XVIII в., шотландская проза будет следовать старинному классическому образцу<sup>27</sup>.

В качестве иллюстрации языка *Foirm* приведу «Символ веры» из академического издания 1970 г.:

*CREIDIM i nDia Athar uile-chumhachtach,  
 cruthuightheòir neimhe agus talmhan, agus a  
 n-Iosa Crìosa, a én-Mhac-soin, ar dTighearna, neoch  
 do gabhadh òn Sbiorad Naomh, agus rugadh lé Muire  
 Oigh, d'fhulaing páis fā Phoine Phiolāid, do cēsadh, 1150  
 fuair bás, agus do h-adhluiceadh; do-chuaidh síos a  
 n-ifreand, an treas lā do ēiridh ó bhás, agus do-  
 chuaidh suas ar neamh, do tsuidh ar deis Dé Athar  
 uile-chumhachtaigh, as sin thiucfas do bhreith  
 bhreithe ar bheòibh agus ar mharbhaibh. Creidim 1155  
 andsa Sbiorad Naomh, agus an Eagluis naomhtha  
 go h-uilidhe, comaoineachadh na naomh, maith-*

<sup>26</sup> В отечественной терминологии, основанной на ирландской традиции, — «классический новоирландский / ранний новоирландский» [см.: Калыгин, 2006, с. 180]. Период «классического новоирландского» в нашей науке принято относить к несколько иным временным рамкам — это 1250—1650 гг. [см. там же].

<sup>27</sup> А разговорный гэльский в Шотландии будет продолжать передаваться изустно, что, на наш взгляд, способствовало сохранению на уровне лексики многих архаичных черт в современном шотландском гэльском, в отличие от ирландского, а многие грамматические структуры, напротив, приобрели более упрощённую форму.

*eamh na bpeacadh, eisēirghe cholla na marbh, agas  
an bheatha tsuthain. Bīodh amhluidh*  
[Foirm na n-Urrnuidheadh, p. 35].

С точки зрения исторической лингвистики важно также отметить, что данное издание заложило классические основы правописания — орфографии гэльского языка. Напомню, что еще в начале XVI в. в Шотландии существовала иная система записи гэльского, которая использовала одинаковую орфографию как для гэльского, так и для шотландского языка (*Scots*) того времени. Ею пользовались писцы — составители сборника «Книга настоятеля из Лисмора» (1512—1542) [Meek, 1513—1542, p. 254—272]. Если бы эти рукописи были напечатаны первыми, сегодняшняя гэльская орфография напоминала бы правописание современного мэнского языка. Это бы сильно разъединило языки Шотландии и Ирландии, в то время как выбор общего классического гэльского лишь укрепил и исторически подтвердил культурную связь между странами и преемственность традиций, сближая, а не разъединяя языки во времени и пространстве.

Стоит указать и на некоторые специфические особенности языка перевода, что, как уже было замечено, представляет для нас наибольший интерес. В переводе Карсвелла часто встречаются лексемы, являющиеся исключительно шотландскими по форме либо значению (например, *cumunta* «общий», *feacadh* «поклоняться», *saobhnós* «гнев, немилость», *treórughadh* «укреплять»). Достаточно объемный список слов, не зафиксированных ранее в ирландских текстах, приводится во вступительной статье к академическому изданию. Более кратко лексические особенности рассматриваются в статьях Ангуса Мэтсона [Matheson, 1953—1959, с. 182—205] и Уильяма Уотсона [Watson, 1919—1922, с. 298]. По огромному списку чередований согласных (в особенности, *bh/mh*, *dh/gh*) и гласных (в первую очередь — долгих и кратких) видно, что уже тогда чётко не осознавалась этимология многих слов, а норма правописания для некоторых пар чередующихся согласных еще не закрепились в языке. Синтаксис *Foirm* изучен пока недостаточно и ждет своего исследователя. В упомянутой выше статье Томсона затронуты лишь некоторые общие вопросы, относящиеся к этой проблеме.

Следует особо выделить и стиль Карсвелла, он во многом соответствует духу средневековых прозаических текстов на гэльском. Во-первых, для стиля его перевода характерна редупликация, особенно на уровне лексики. Обычно он передаёт одно понятие двумя приблизительными синонимами: *saothur nō obuir, dona poibleachaibh agas dona cineadhachaibh, dā sliocht agas dā lorg*. Во-вторых, часто использует другой свой излюбленный приём — аллитерацию, но тоже в рамках удвоения. Так как не все синонимы имеют сходное

звучание, то Карсвелл добавляет приставки (*buan-*, *comh-*, *fir-*, *gnáth-*, *lán-*, *mór-*, *ro-*, *sír-*, *trom-*), обычно ко второму синониму в группе, смысл при этом мало меняется, но группе слов придаётся красивое и поэтичное звучание. Пары же соединяются союзами (либо *agas*, либо *nó*). Прибегает он к этим приемам достаточно часто. И, в-третьих, более редкий прием, используемый им, — соединение разных слов, созвучных между собой. Это словосочетания, такие, как *sonas suthain, na sagairt shantacha*.

Подобные приёмы переводчик применяет очень умело. Там, где нужно воздать хвалу Аргайлу, Карсвелл использует много аллитераций и ассонансов, строки получаются звучные, стиль напыщенный. Там же, где переводятся строки Священного Писания, он предельно точен, перевод по возможности приближён к оригиналу, без излишних украшений. Стиль подобных отрывков строгий и простой, как, например, в вышеприведённом тексте «Символа веры». В целом можно сказать, что автор чувствует стиль и выдерживает его именно там, где надо. Его письмо-посвящение Аргайлу — образец эпистолярного жанра того времени.

В заключение перечислю основные заслуги Карсвелла и результаты, которые повлечёт за собой его перевод *Foirm na-nUrrnuidheadh*.

1. Это первая печатная книга на гэльском языке для Шотландии и Ирландии, она открыла для «гэлов Шотландии и Ирландии» возможность вести церковные службы на родном языке. Послужила мощным стимулом для дальнейших переводов на гэльский язык богослужебной литературы.

2. Именно она установила традицию использования латинского, а не ирландского шрифта в шотландском гэльском книгопечатании.

3. Для перевода *Foirm* был взят за образец классический гэльский 1400—1700 г., понятный и шотландцам, и ирландцам, что оказало значительное влияние на дальнейшую традицию перевода духовной литературы.

4. При переводе впервые была использована проза для негероического материала на гэльском языке.

5. Велика была роль Аргайла (*Earra Ghàidheal* — «границы земли гэлов») и клана Кэмпбелл в появлении *Foirm*. Многие представители этого могущественного рода будут продолжать традиции покровителей и хранителей шотландского гэльского языка и культуры.

6. Это издание заложило основы правописания современного шотландского гэльского языка.

7. Роль переводчика — духовного лица подчеркивает, что именно протестантская церковь дала начало основам современного гэльского прозаического текста как в Шотландии, так и в Ирландии.

8. Данный перевод стал основой преемственности и сохранения уже в Новое время связи средневековой гэльской традиции с традицией современной.



Как итог, хочется отметить заслугу и роль кельтской церкви (в широком понимании этого слова) в установлении преемственности прозаической гэльской традиции и литературной нормы современного шотландского гэльского языка.

### **Список литературы**

- Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов / Пер. с лат. В.В. Эрлихмана. СПб.: Алетей, 2001. 363 с.
- Калыгин В.П., Королев А.А.* Введение в кельтскую филологию. М.: Ком-Книга, 2006. 272 с.
- Королева М.В.* Судьба двух переводов Библии на гэльский язык // Мат-лы докл. XVI Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» [Электронный ресурс] / Отв. ред. И.А. Алешковский и др. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 23—25. Секция «Иностранные языки» (CD-ROM).
- Королева М.В., Сеница А.Л.* Гэлоязычное население Шотландии — от истоков к современности. Ч. 1: Этническая демография: Сб. статей / Под ред. М.Б. Денисенко, И.А. Данилова. М.: МАКС Пресс, 2009. Вып. 16 (в печати).
- Сниц Л.В.* История Реформации / Пер. с англ. И. Борягин. М.: Фонд «Лютеранское наследие», 2003. 452 с.
- A Bibliography of the Book of Common Order / Ed. by W. Cowan. Edinburgh: Edinburgh Bibliographical Society, 1913. P. 71—98.
- Carmichael A.* Carmina Gadelica: In 6 vols. Vol. 1. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1928. 336 p.
- Foirm na n-Urrnuidheadh / Ed. by T. M'Lauchlan. Edinburgh: Edmonston and Douglas, 1873. 248 p.
- Foirm na n-Urrnuidheadh / Ed. by R.L. Thomson. Edinburgh: Scottish Gaelic Texts Society, 1970. 244 p.
- Irish Grammatical Tracts / Ed. by O.D. Bergin. Dublin: School of Irish Learning, 1915—1955. 293 p.
- Knox J.* Works of John Knox: In 6 vols. Vol. 4. A Brieff Discours off the troubles begonne at Franckford in Germany Anno Domini 1554 / Eds. by J. Knox, D. Laing. Edinburgh: James Thin, 1895. P. 9—49.
- MacDomhnuill A.* Leabhar a Theagasc Ainmínnín, no A Nuadhfhcloir Gaoidheilg & Beurla. Dun-Edin: Raibeard Fleming, 1741. 194 p.
- Martin M.* A Description of the Western Islands of Scotland. London: Printed for Andrew Bell, 1716. 392 p.
- Matheson A.* Bishop Carswell // Transactions of the Gaelic Society of Inverness. 1953—1959. Vol. XLII. P. 182—205.
- Meek D.E.* The Scots Gaelic Scribes of Late Medieval Perthshire: An Overview of the Orthography and Contents of the Book of the Dean of Lismore // Stewart Style, 1513—1542. Essays on the Court of James V / Ed. by J.H. Williams. East Linton: Tuckwell Press, 1996. P. 254—272.
- The Edinburgh History of the Scots Language / Ed. by Ch. Jones. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1997. 689 p.
- The Liturgical Portions of The Genevan Service Book / Ed. by W.D. Maxwell. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1931. 222 p.
- Watson W.J.* Bishop Carswell's Liturgy // Transactions of the Gaelic Society of Inverness. 1919—1922. Vol. XXX. P. 287—312.

## МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

*Ю.А. Богатикова,*

кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета  
Высшая школа перевода МГУ имени М.В.Ломоносова.

*E-mail: bogatikova@gmail.com*

### **ПРИЕМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО «ГИПЕРТЕКСТА» И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА «БЛЕДНОЕ ПЛАМЯ»**

Статья посвящена «гипертексту» как формальному приему организации художественного произведения в соотношении с понятием «интертекста». На примере романа В.В. Набокова «Бледное пламя» показано функционирование приема в современной литературе. Набоков эстетизирует научный способ организации текста, заимствуя его из практики своей преподавательской и переводческой деятельности. В связи с этим обсуждается вопрос о способе создания переводческого комментария к роману-«гипертексту» и проблеме его смыслового содержания.

**Ключевые слова:** гипертекст, интертекст, теория текста, Набоков, переводческий комментарий, формальный перевод.

*Yulia A. Bogatikova,*

PhD, Senior Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, the Lomonosov State University of Moscow, Russia. E-mail: bogatikova@gmail.com

#### **«Hypertext» as a literary device and the problem of translation with commentaries in the novels by V. Nabokov**

The article deals with the term “hypertext” as a literary device in contemporary novel and in its connection with the term “intertext”. The example of V. Nabokov’s *Pale Fire* shows the functions of the academic device in fiction. Nabokov borrows the pragmatic academic way of textual organization into high literature, giving it a new aesthetic meaning. In connection with this the traditional form of translator’s commentary and its influence on the original textual meaning is discussed.

**Key words:** hypertext, intertext, the theory of text, Nabokov, translation commentary, formal translation.

Признанным фактом в литературоведении считается, что произведения В.В. Набокова объединены единой тематической чертой: мотивом памяти, воспоминания, соединяющим произведения разных лет. Время является определяющей категорией, в соответствии с которой строится и внутренняя композиция произведений. Набоков стремится завершить и объединить малейшие детали и сюжетные ходы внутри не только одного произведения, но и соединить комплекс своих произведений в единое смысловое целое, где доминантой становится именно тема времени и памяти. Мир романов писателя можно сравнить с постепенно складываю-

щимся рисунком, в котором взаимосвязанные элементы переходят друг в друга, и в узоре которого нет ни одной незавершённой линии. Возникающие повторы тех или иных деталей, мотивов, — считает Б.В. Аверин, — это ключ к тексту, имманентный самому тексту<sup>1</sup>.

Набоков утверждал, что подлинная биография художника прослеживается только в истории его стиля<sup>2</sup>, основная ценность произведения литературы — слово: «Мне нравится, когда слово — есть то единственное, что составляет истинную ценность шедевра. Принцип настолько же старый, насколько верный. Нет необходимости объяснять что бы то ни было. Мы опознаём друг друга благодаря языку знаков и через знаки языка»<sup>3</sup>.

Память приобретает в таком контексте новый аспект значения: важна память языка как такового, память формы, знака, из которых складываются художественные образы. Для обозначения формального приёма, объединяющего такие элементы произведений в единую взаимосвязанную систему, мы предлагаем использовать понятие «гипертекст».

Термин «гипертекст» уже широко используется в теории интертекста<sup>4</sup> и в генетической критике<sup>5</sup>, однако, вернемся к более узкому первоначальному пониманию термина: «Гипертекст — текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов»<sup>6</sup>. Гипертекст — это фрагментированный текст, связь между фрагментами которого обеспечивает система ссылок, он имеет разветвлённую структуру и предполагает наличие нескольких равноправных стратегий чтения. Гипертекст является системой представления информации, которая создаёт семантическую сеть сложной топологии, позволяющую организовывать информацию на разных уровнях обобщения. Гипертекст в таком случае понимается в узком смысле, как один из художественных приемов, организующих взаимосвязь разноуровневых элементов текста в романах.

Гипертекст в самом общем понимании — это текст, ключевые элементы которого объединены связями-ссылками и который

---

<sup>1</sup> Аверин Б.В. Романы В.В. Набокова в контексте русской автобиографической прозы: Дис. ... докт. филол. наук. СПб, 1999. С. 242.

<sup>2</sup> Nabokov V. Strong Opinions. P. 155.

<sup>3</sup> Из интервью Бернару Пиво на Французском Телевидении. 1975 г. // Звезда. 1999. № 4. С. 54.

<sup>4</sup> См. например: Riffaterre M. La production du texte. Paris, 1979; Genette G. Palimpsestes: La littérature au second degré. Paris, 1982.

<sup>5</sup> Вайнштейн О. Удовольствие от гипертекста (генетическая критика во Франции) // НЛО. 1995. № 13. С. 383—388; Ferrand N. Banques de données et hypertextes pour l'étude du roman. Paris, 1997.

<sup>6</sup> Руднев В.П. Словарь культуры 20 века. М., 1999.

позволяет читателю непоследовательное перемещение в информационном поле<sup>7</sup>. Термин первоначально введён Т.Г. Нельсоном в 1965: «Под словом “гипертекст” я понимаю непоследовательное письмо — ветвящийся текст, который дает читателю выбор и который лучше всего читать с помощью интерактивного экрана»<sup>8</sup>. Нельсон представлял гипертекст в виде утопического собрания всех существующих печатных текстов в глобальной гипертекстовой издательской системе «Xanadu». В 1973 г. вышла его книга «Литературные машины», структура которой представляет собой реализацию этой идеи. «В ней есть вступительная глава, несколько первых глав, одна вторая глава, несколько третьих глав... Таким образом чтение не требует строгой пространственной и временной последовательности... Книга представляет собой открытый текст, который воспринимается только в совмещении глав и фрагментов»<sup>9</sup>.

Определим основные составляющие гипертекста. Гипертекст состоит из нескольких типов элементов: узлов и связей.

*Узел* — ячейка смысла, существенный элемент структуры, логически завершённый фрагмент текста. Узлы взаимодействуют между собой с помощью различных типов связей. Узлы могут организовывать иерархическую или равноправную, децентрализованную структуру. При этом в иерархической гипертекстовой структуре существует узел—ядро и дополнительные узлы, уточняющие информацию, а в равноправной гипертекстовой структуре узлы расположены в формально-логическом порядке и механизм их взаимодействия обеспечивается создателем или пользователем гипертекста. Узловые элементы в художественном тексте — это основные составляющие сюжета, которые выполняют динамическую роль в повествовании, они составляют суть и развитие сюжета произведения.

Связи между узлами текста устанавливаются посредством *перекрёстно-ссылочного аппарата*, работу которого обеспечивают *ссылки-маркеры* — элементы, включающие связь между двумя узловыми фрагментами. *Перекрёстные ссылки* представляют собой

---

<sup>7</sup> На этом типе организации текста основана современная технология Интернет, начало которой положила статья, опубликованная в 1945 г. военным научным советником Ф.Д. Рузвельта по имени Ванневар Буш. Буш рассматривал возможность создания устройств для хранения информации, связанных между собой, которые давали бы ученым, исследователям и всем прочим людям доступ к большим объемам информации, не обремененной громоздкими методами хранения и классификации, традиционно принятыми в архивах и библиотеках. Буш предложил устройство под названием «Memex» с полупрозрачными экранами, рычагами и двигателями, которое позволяло бы пользователю аннотировать и связывать информацию, хранящуюся на микрофильмах.

<sup>8</sup> Nelson T.H. Literary Machines. Sausalito, CA, 1993; Nelson T.H. Computer Lib: Dream Machines. Redmond, 1987.

<sup>9</sup> Купер И.Р. Гипертекст как способ коммуникации // НИР. 2000. № 1/2. <http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj1-2-00kuper.html>. (10.12.2003).

слова-маркеры, детали-маркеры, объединяющие два и более разделённых узловых фрагментов текста.

Форма гипертекста обладает следующими свойствами: нелинейность, ссылочная связь и отсутствие иерархичного центра. Это позволило некоторым исследователям (Ж. Деррида, Р. Барт и М. Фуко<sup>10</sup>) говорить о том, что гипертекст служит наглядным объяснением процессов чтения текста. В то же время такие критики, как Дж.П. Ландау<sup>11</sup> и Дж.Д. Болтер<sup>12</sup>, заявляют, что гипертекст делает возможным более «естественный» и ассоциативно облегчающий понимание способ чтения. По их мнению, гипертекст наглядно демонстрирует и облегчает процессы чтения и восприятия текста<sup>13</sup>. Дж.П. Ландау в книге «Гипертекст: взаимодействие современных критических теорий и технологий» заявляет, что «критическая теория обещает создать теорию гипертекста, а гипертекст обещает воплотить и тем самым проверить положения теории на практике, особенно ту ее часть, которая касается текстуальности, повествования, а также ролей и функций читателя и писателя»<sup>14</sup>.

Гипертекст — понятие, пока еще по большей части принадлежащее сфере информационных технологий и научному дискурсу. Правильно организованный научный текст предполагает наличие ссылок, комментариев, индексов, которые структурируют сам текст и вписывают его во внешнюю структуру сферы научного знания. По принципам гипертекста построены любая энциклопедия, тематический справочник, научная литература, комментарий к тексту, в том числе привычный нам литературоведческий комментарий к переводам художественного текста.

---

<sup>10</sup> См.: *Hypertext: Names and Terms // The Rutledge Companion to Postmodernism / Ed. by Stuart Sim. London; N.Y., 2002. P. 281—282.*

<sup>11</sup> *Landow G.P. Hypertext: the Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology. Baltimore, 1992.*

<sup>12</sup> *Bolter J.D. Writing Space: the Computer, Hypertext and the History of Writing. New Jersey, 1991.*

<sup>13</sup> Понятие «гипертекст», кроме того, часто связывают с французской генетической критикой, задачей которой является сопоставление признанного печатного варианта текста с рукописью, черновиками, материалами, требовавшимися для создания произведения. На основе этих материалов формируется своеобразная иерархическая сеть, которая позволяет провести множественные связи между текстом и реальностью его создания. Однако этот вид гипертекста относится не к самому тексту произведения, а к методу исследования, при котором критик создаёт собственную гипертекстовую структуру, ядро которой составляет текст произведения, а элементами гипертекста являются другие тексты автора или тексты других авторов. Таким образом гипертекстовая структура навязывается произведению извне, отчасти лишая его автономности, самодостаточности. При таком текстологическом подходе из поля зрения ускользает другой аспект гипертекста, встречающийся в художественной литературе, когда по его принципам организовано само произведение.

<sup>14</sup> Цит. по: *Hypertext: Names and Terms // The Rutledge Companion to Postmodernism. P. 285.*

Применительно к традиционной книжной форме бытования художественной литературы термин «гипертекст» может употребляться в качестве обозначения приёма, существовавшего продолжительное время, но только сейчас, с развитием технологий, получившего возможность наглядного применения. Так, по словам одного из исследователей этого явления в европейской культуре, «Первой системой гипертекста принято считать толкование Книги псалмов Гильберта Порретанского из Пуатье (1150 г.). Специальные пометки на полях отсылали читателя на страницы в других местах книги. Не хватало только компьютера, чтобы гиперссылками стало удобно пользоваться»<sup>15</sup>. Однако сам способ перекрёстно-ссылочного комментирования восходит еще к традиции толкования Талмуда. Обобщая свои наблюдения, критики перевода древнееврейских текстов отмечают, что происходят «резкие перемены в европейской культуре. Она становится космополитической, от единого канона переходит к множественности. И самое неожиданное — обращается к такому типу творчества, который удивительно напоминает мидраш (творение новых текстов из старых с помощью художественного и ассоциативного толкования). Все больше авторов настаивает, что мидраш — это и есть язык постмодернизма»<sup>16</sup>. В связи с таким выводом необходимо более подробно очертить сферу применения понятия «гипертекст», в том числе по отношению к термину «интертекст».

Термин «интертекст» введен в 1967 г. Ю.Кристева<sup>17</sup>. Её определение и определение Р. Барта стали классическими<sup>18</sup>. Эти определения тщательно разработаны и переосмыслены в теории литературы, однако постоянной особенностью толкования интертекста становится концентрация внимания на его *смыслопорождающем* аспекте. Сама концепция интертекста выросла из переосмысления работ М.М. Бахтина, его идеи о «диалоге» литератур и борьбы писателя с существующими литературными формами<sup>19</sup>. Р. Барт также выводит смысловое значение на первый план: «Тексту присуща множественность. Это значит, что у него не просто несколько смыслов, но что в нём осуществляется сама множественность смысла как таковая — множественность *неустрашимая*, а не просто допустимая — текст пересекает их, движется сквозь них, поэтому он не поддается

<sup>15</sup> Лебедев А. Краткий курс в историю гипертекста. М., 2003. С. 54.

<sup>16</sup> [http://www.judaicaru.org/tora/talmud/intro\\_6.html](http://www.judaicaru.org/tora/talmud/intro_6.html) (9/07/2009)

<sup>17</sup> Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Избранные труды: разрушение поэтики. М., 2004.

<sup>18</sup> Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989. С. 417.

<sup>19</sup> Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.373.

даже плюралистическому толкованию, в нем происходит взрыв, рассеяние смысла»<sup>20</sup>.

В противоположность рецептивной смыслопорождающей функции интертекста, вытекающей из формулы Р. Барта о «смерти автора», понятие «гипертекст» предполагает особое внимание к *форме* организации текста. Особенно важной при этом становится ограничительная функция гипертекстовой структуры по отношению к его содержанию. С позиции автора это становится незаменимым приемом введения в текст необходимого и достаточного объёма информации, требуемой для адекватной интерпретации. В частности, в произведениях Набокова этот приём «отсекает» возможные, но не релевантные тексту интертекстуальные связи. В результате автор сам обозначает сферу возможных интерпретаций, а выход за её пределы становится со-творчеством, частью самостоятельной рецептивной стратегии читателя. Таким образом гипертекст в художественной литературе рассматривается как особая форма организации произведения, техническая форма воплощения авторского замысла, основной функциональной нагрузкой которой является упорядочивание дополнительной интертекстуальной информации. Здесь можно продолжить высказывание Р. Барта «Каждый текст — это интертекст»<sup>21</sup>, но не каждый текст — это гипертекст.

Лимитирующие свойства гипертекста отмечает Ж. Женетт: «гипертекст — это текст, ведущий свое начало от предшествующего текста путём простой трансформации или путём не прямой трансформации, которую мы назовём имитацией»<sup>22</sup>. «В противоположность интертекстуальности, которую прекрасно описал Риффатерр, для смысла гипертекста никогда не требуется обязательного обращения к гипотексту. Любой гипертекст, например пастиш, может быть прочитан сам по себе без заметных искажений и может нести автономное, а потому, в той или иной мере, достаточное значение»<sup>23</sup>. Творчество Набокова автор труда относит к категории «автопастиша»<sup>24</sup>.

Женетт не упоминает о возможности нелинейного чтения, поскольку его гипотетические примеры не предполагают наличия в одном тексте одновременно гипо- и гипертекста, однако в более

<sup>20</sup> *Барт Р.* Там же. С. 418.

<sup>21</sup> *Barthes R. Texte / Encyclopedia universalis. Paris, 1973. Vol. 15. P. 78.* Цит. по: *Люксембург А.М.* Коварный конструктор игровых структур: организация набоковского метатекста в свете теории игровой поэтики // Набоковский сборник. Искусство как прием. Калининград, 2001. С. 15.

<sup>22</sup> *Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degré. Paris, 1982. P. 14* (перевод всех приведенных цитат мой. — Ю.Б.).

<sup>23</sup> *Genette G. Op.cit. P. 450.*

<sup>24</sup> *Genette G. Op.cit. P. 136.*

поздних исследованиях на эту тему широко обсуждается именно такой вариант структурной организации. Часть исследователей, например Е. Аарсет, доказывает, что линейный и нелинейный тип чтения — исключительно метафизическое разделение. Текст, в привычном понимании, предполагает наличие чтения, письма и стабильности. Линейный текст обладает семиотической возможностью казаться нелинейным, в то время как нелинейный текст не может предстать в виде линейного<sup>25</sup>. Вносится важное уточнение, что гипертекст в художественном произведении, существующем в форме книги, является вариантом формальной организации обычного линейного текста, который предполагает наличие нескольких вариантов стратегии чтения, но в результате читатель все равно воспринимает текст линейно протяженным во времени. При этом основное внимание художественного «гипертекста» сконцентрировано не на внешних связях текста с текстами-предшественниками, а на внутренних связях, объединяющих фрагменты или уровни повествования в единое целое.

В произведениях Набокова такая структурная форма обеспечивает функционирование темы памяти в произведениях, но при этом следует уточнить, что гипертекст имеет двоякое применение: как сознательно демонстрируемый литературный приём, и как аутентичный авторский приём или технический способ подачи материала в рамках полифонического повествования<sup>26</sup>.

Идея подобной организации текста возникает из особенностей писательской работы Набокова, который писал черновик на карточках и сортировал их в нужном порядке. Демонстрация приема в данном случае выражается в предельной фрагментации текста, которая в какой-то мере повторяет фрагментацию авторского черновика. Приведем два фрагмента интервью, в которых писатель рассказывает о своих методах работы:

«В настоящее время я считаю, что справочные карточки — это, пожалуй, лучший вид бумаги, который можно использовать для этой цели. Я не пишу последовательно от начала до следующей главы и так далее, до самого конца. Я просто заполняю пробелы в картине, в этой вырезной картинке, которую я совершенно ясно себе представляю, выбирая кусочек тут и кусочек там, заполняя часть неба, часть пейзажа, часть... не знаю чего — пирующих охотников»<sup>27</sup>.

<sup>25</sup> Aarseth E.J. *Nonlinearity and Literary Theory // Hypertext theory*. Baltimore, London, 1994. P. 53—54.

<sup>26</sup> О других критических определениях этого явления в творчестве Набокова см.: Богатикова Ю.А. Структурная организация романов В.В. Набокова 1960—1970-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. С. 147—148.

<sup>27</sup> Набоков В.В. Интервью телевидению ВВС, 1962 г. // Собр. соч. американского периода. Т. 1. С. 574.



Справочные карточки оказываются для писателя лучшим способом фиксации фрагментированного текста черновиков:

«Поскольку передо мной или надо мной с самого начала присутствует удивительно ясный предварительный образ романа, карточки кажутся мне особенно удобными, когда я не следую логической последовательности глав, сочиняя взамен тот или иной пассаж, который может занимать в романе какое угодно место, и заполняя оставшиеся прогалы также без соблюдения какого-либо порядка»<sup>28</sup>.

Из романов Набокова собственно в форме гипертекста полностью написан только один — «Бледное пламя». «Форма “Бледного пламени” нова в видовом, если не в родовом отношении», — отмечал сам автор<sup>29</sup>. Произведение состоит из «Предисловия», поэмы в четырех песнях «Бледное пламя», «Комментария» и «Указателя». Возникновение текста такой структуры в творчестве Набокова можно объяснить тем, что роман создавался одновременно с работой писателя над комментированным переводом «Евгения Онегина», который предполагал наличие обширнейшего страноведческого материала в качестве пояснения к тексту перевода романа в стихах.

«В десятилетней работе над “Евгением Онегиным” сказались мои пристрастия и неприязни. При переводе 5500 строк на английский язык пришлось выбирать между рифмой и разумом — я выбрал разум. Единственное мое устремление состояло в том, чтобы дать дотошный подстрочник, абсолютно буквальный перевод книги с обильными и педантичными примечаниями, объём которых превышает размеры текста поэмы. «Легко читаются» только переложения; мой перевод читается нелегко; он честен, неуклюж, тяжеловесен и рабски верен. К каждой строфе имеется по несколько примечаний (а строф там более четырёхсот, считая и варианты). Комментарий посвящён мелодике оригинала и развёрнутому толкованию текста»<sup>30</sup>.

Поскольку перевод «Евгения Онегина» по мысли Набокова — это скорее не художественная, а научная работа, то гипертекст в данном случае можно с полным правом отнести к научному стилю письменной речи. В романе «Бледное пламя» научный приём организации текста подвергается художественному осмыслению и становится одним из приёмов, определяющих стиль автора.

---

<sup>28</sup> *Набоков В.В.* Интервью Альфреду Аппелю, сентябрь 1966 г. // Собр. соч. американского периода. Т. 3. С. 595—596.

<sup>29</sup> Там же. С. 603.

<sup>30</sup> *Набоков В.В.* Интервью, Нью-Йорк, 5 июля 1962 г. // Собр. соч. американского периода. Т. 2. С. 582—583.

Роман оформлен в виде академического издания поэмы, а его части имеют форму сопроводительных исследовательских текстов. Системой перекрёстных ссылок обладает только Комментарий, релевантные комментарии фрагменты Поэмы не отмечены.

Гипертекст, приём научного стиля организации текста, подвергается в романе художественному переосмыслению и принимает различные формы. Феномен гипертекстовой структуры романа заключается в том, что история Кинбота стремится стать текстом-предшественником по отношению к Поэме Шейда: *последующий* Комментарий стремится доказать, что содержащаяся в нем история предшествует Поэме. Поэма является *формальным* ядром, центром гипертекста романа, Комментарий — это боковые ответвления, которые при этом формируют основное *содержательное*, сюжетное наполнение произведения.

При такой организации художественной формы встаёт вопрос о способе перевода и комментирования такого произведения. Так, перевод С. Ильина и А. Глебовской в Собрании сочинений американского периода в пяти томах<sup>31</sup> сопровождается комментарием С. Ильина и А. Люксембурга. Перед составителями сразу же встала проблема разделения Комментария Кинбота и традиционных переводческих комментариев к произведению. Само наличие переводческого комментария как традиционной формы академического издания художественного произведения ставит вопрос о форме чтения гипертекстового романа и понимании смысла такой формы. Рассмотрим возможные варианты способов чтения и интерпретации.

Автор предполагал два способа чтения, линейный и нелинейный — устами Кинбота: «мне представляется разумным обойтись без хлопотного перелистывания взад-вперед, для чего следует либо разрезать книгу и скрепить вместе соответственные листы произведения, либо, что много проще, купить сразу два экземпляра настоящего труда, которые можно будет затем разложить бок о бок на удобном столе...»<sup>32</sup>.

Третий (современный нам) способ — воспользоваться существующим электронным гипертекстом романа, где соответствующие строки поэмы помечены гиперссылками, которые мгновенно осуществляют связь Поэмы и Комментария. Фактически, создатели электронного гипертекста поверили совету вымышленного персонажа романа, что именно этот способ позволяет «правильно» понять произведение, и это свидетельствует о серьезной, но наивной читательской увлечённости именно формальной организацией романа.

---

<sup>31</sup> *Набоков В.В. Бледное пламя / Собр. соч. американского периода: В 5 т. Т. 3. СПб.: Симпозиум, 2000. 700 с.*

<sup>32</sup> Там же. С. 307.

Создание переводческого комментария предлагает, а возможно, и *навязывает* читателю еще один уровень интерпретации текста. С точки зрения содержания своего комментария С. Ильин и А. Люксембург раскрывают ряд существенных интертекстуальных и биографических внетекстовых связей романа. Необходимость такого пояснения для творчества Набокова представляется спорной, поскольку, как показывает более подробное изучение вопроса, автор чаще всего сам подсказывает читателю необходимые толкования интертекстуальных элементов текста. По сути, получается, что переводчик и комментатор, следуя академической традиции, невольно «разжёвывают» текст для читателя-профана, лишая произведение части сложного авторского игрового замысла, поскольку в идеале заинтересованный читатель Набокова использует лишь собственные фоновые знания, фантазию и словарь<sup>33</sup>.

При наличии переводческого комментария возникает четвёртый, самый запутанный способ чтения, при котором практически одновременно надо иметь перед собой Поэму, Комментарий Кинбота и комментарий переводчика. При этом смешивается авторский и переводческий ссылочный аппарат, ведь при чтении Поэмы в одном случае следует читать Комментарий Кинбота (т.е. имманентный тексту), а в другом — комментарий переводчика. В наиболее тяжёлых случаях происходит переход от текста Поэмы к Комментарию Кинбота, затем переводческому комментарию поэмы и/или переводческому комментарию и Комментарию Кинбота. Таким образом, вместо двух ступеней нелинейного чтения возникает три или даже четыре, причём последние не имеют отношения к тексту оригинала, поскольку они добавлены переводчиком и комментатором.

Несомненно, подготовленный читатель способен разграничить авторский и переводческий гипертекст, однако при этом возникает противоречие: опытный читатель самостоятельно играет в разгадку текста с автором, и ему не требуется дополнительное разъяснение переводчика (чаще всего направленное на восполнение пробелов фоновых знаний). Для неподготовленного читателя изначально трудный текст становится непреодолимым, во-первых, по способу чтения — необходимо постоянно перелистывать книгу вперёд-назад, во-вторых, по способу интерпретации, поскольку гипертекст внутри романа сливается с переводческим гипертекстом. В такой ситуации «рама» переводческого комментария оказывается *внутри* «картины» романа, что вряд ли соответствует принципам адекватного перевода.

---

<sup>33</sup> *Набоков В.В.* О хороших читателях и хороших писателях // Лекции по зарубежной литературе. М.: Независимая газета, 1998. С. 23—32.

В такой ситуации для переводоведения возникает больше вопросов, чем выводов. Нужен ли вообще традиционный комментарий к тексту, в котором уже есть внутренний авторский Комментарий? Не будет ли добавочная культурологическая справка переводчика излишне расширять смысловые границы произведения, тем самым противореча авторской интенции? В какой форме должен быть изложен комментарий переводчика, чтобы уточняющая справочная информация не сливалась с авторскими дополнениями? И в целом, что же может и должен комментировать переводчик: смысловые связи (которые не всегда оказываются релевантными), или сугубо формальные связи текста, или связь формы со смыслом текста? Каковы смысловые границы такого комментария?

В случае перевода романа «Бледное пламя» новаторский художественный приём, эстетизирующий научную организацию текста, входит в противоречие с традиционной формой бытования перевода с комментарием (и/или примечаниями переводчика), который способен существенно исказить авторский замысел. С очевидностью можно утверждать только одно: в подобном случае перевести следует не просто смысл или форму, а смысл формы.

### *Литература*

- Аверин Б.В.* Романы В.В. Набокова в контексте русской автобиографической прозы: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999. С. 242.
- Барт Р.* От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989. — С. 417.
- Бахтин М.М.* К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 373.
- Богатикова Ю.А.* Структурная организация романов В.В. Набокова 1960—1970-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 205 с.
- Вайнштейн О.* Удовольствие от гипертекста (генетическая критика во Франции) // НЛО. 1995. № 13. С. 383—388.
- Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Избранные труды: разрушение поэтики. М., 2004.
- Купер И.Р.* Гипертекст как способ коммуникации // НИР. 2000. № 1/2. <http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj1-2-00kuper.html>. (10.12.2003).
- Лебедев А.* Краткий курс в историю гипертекста. М., 2003.
- Набоков В.В.* Бледное пламя / Собр. соч. американского периода: В 5 т. Т. 3. СПб.: Симпозиум, 2000. 700 с.
- Набоков В.В.* Интервью Альфреду Аппелю, сентябрь 1966 г. // Собр. соч. американского периода. Т. 3. СПб.: Симпозиум, 2000. 700 с.
- Набоков В.В.* Из интервью Бернару Пиво на Французском Телевидении. 1975 г. // Звезда. 1999. № 4.
- Набоков В.В.* Интервью, Нью-Йорк, 5 июля 1962 г. // Собр. соч. американского периода. Т. 2. СПб.: Симпозиум, 2000. 700 с.

- Набоков В.В.* Интервью телевидению ВВС, 1962 г. // Собр. соч. американского периода. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 2000. 700 с.
- Набоков В.В.* О хороших читателях и хороших писателях // Лекции по зарубежной литературе. М.: Независимая газета. 1998. 507 с.
- Пояснения к принципам перевода // [http://www.judaicaru.org/tora/talmud/intro\\_6.html](http://www.judaicaru.org/tora/talmud/intro_6.html) (9/07/2009)
- Руднев В.П.* Словарь культуры 20 века. М., 1999. 275 с.
- Aarseth E.J.* Nonlinearity and Literary Theory // Hypertext theory. Baltimore; London, 1994.
- Barthes R.* Texte / Encyclopedia universalis. Paris, 1973. Vol. 15. P. 78. Цит. по: Люксембург А.М. Коварный конструктор игровых структур: организация набоковского метатекста в свете теории игровой поэтики // Набоковский сборник. Искусство как прием. Калининград, 2001. С. 15.
- Bolter J.D.* Writing Space: the Computer, Hypertext and the History of Writing. New Jersey, 1991.
- Ferrand N.* Banques de donnees et hypertexts pour l'étude du roman. Paris, 1997.
- Genette G.* Palimpsestes: La littérature au second degré. Paris, 1982.
- Landow G.P.* Hypertext: The Convergence Of Contemporary Critical Theory And Technology. Baltimore, 1992.
- Nabokov V.* Strong Opinions. N.Y., 1973. P. 155.
- Nelson T.H.* Literary Machines. Sausalito, CA, 1993.
- Nelson T.H.* Computer Lib: Dream Machines. Redmond, 1987.
- Riffaterre Michael.* La production du texte. Paris, 1979.
- Stuart S.* Hypertext: Names and Terms // The Rutledge Companion to Post-modernism / Ed. by Stuart Sim. London; N.Y., 2002. P. 281—282.

**П.П. Дашинимаева,**

кандидат филологических наук, доцент, почётный работник высшего профессионального образования РФ, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации Бурятского государственного университета. *E-mail*: polinadash58@mail.ru

**ОТ ОНТОЛОГИИ РЕЧИ К МОДЕЛИРОВАНИЮ ПЕРЕВОДА  
(ПОСЛЕСЛОВИЕ К ЛЕКЦИЯМ Е.Ф. ТАРАСОВА)<sup>1</sup>**

Автор статьи исходит из убеждения в том, что методология перевода должна основываться в онтологии речи. Так, на основе шести исходных психолингвистических постулатов о производстве и восприятии речи моделируется примерный алгоритм действий одного переводческого акта <овнешнение-1 ⇒ [декодирование-1 ⇒ овнешнение-2] ⇒ декодирование-2>. К данным постулатам относятся вопросы о соотношении мысли к слову, о внутреннем промежуточном коде, о стабильной и подвижной составляющей этнического сознания и о своеобразии ассоциативных связей лексикона индивида.

**Ключевые слова:** производство, восприятие речи, исходный язык, язык перевода, адресант, адресат, переводчик, код, мысль, овнешнять, сознание, смысл, значение, информация.

**Polina P. Dashinimaeva,**

candidate of philology sciences, associate professor, honoured worker of higher education of the Russian Federation, associate professor at the chair of translation and intercultural communication Buryat State University. *E-mail*: polinadash58@mail.ru

**From speech anthology towards translation modeling (after word to Ye.F. Tarasov's lectures)**

The author's position consists in the belief that the foundation of interpretation methodology is speech ontology. So, a preliminary translation act sequence <exteriorization-1 ⇒ [decoding-1 ⇒ exteriorization-2] ⇒ decoding-2> is modeled on the basis of the six finite psycholinguistic presuppositions of speech production and perception. These presuppositions are as follows: a correlation between thought and word, interior intermediate code, stable and movable ethnic mind constituents and the specifics of individual associative verbal net.

**Key words:** speech production, perception, source language, target language, addresser; addressee, translator, code, thought, exteriorize, mind, sense / essence, meaning, information.

Наше методологическое убеждение заключается в том, что исследователь не может предлагать модели перевода из одного языка на другой, не изучив ситуацию «на самом деле» (термин Р.М. Фрумкиной), т.е. не изучив, **что** происходит в коре головного мозга говорящего при порождении и восприятии речи. Другими словами, как нам представляется, «все пути» в переводоведении должны

<sup>1</sup> Данная статья написана в рамках проекта № 08-06-62603 а/т, получающего поддержку РГНФ.

вести в психолингвистику, когнитивную психологию и нейрофизиологию, ибо в рамках данных наук исследуют исходную точку — механизм овнешнения мысли в телах языкового знака<sup>2</sup> и механизм декодирования информации при её восприятии.

Данная статья — это попытка обнаружения в основных постулатах онтологии речи, а именно в её «малой программе», некоторых последствий, которые были бы релевантны в интеръязыковом пространстве в целом и в переводческом пространстве, в частности. Конечно, некоторые части описываемого ниже алгоритма переводческих действий представлены в той или иной версии в теории перевода, но наша задача состоит в соединении онтологии речемышления с онтологией перевода для представления одного целостного когнитивного переводческого акта межкультурной коммуникации. Понятно, что в условиях невозможности применения принципов верификации, связанной с тем, что и постулаты, и последствия недоступны опытному познанию, наши теоретические обобщения носят гипотетический характер.

Вначале курсивом излагаются идеи психолингвистики, затем формулируются гипотезы моделирования перевода.

1. *Функция планирования внешней деятельности (в частности, общения) — это функция мышления. Речь — это движение от мысли к слову. «Именно потому, что мысль **не совпадает** (выделено мной. — П.Д.) не только со словом, но и со значениями слов, в которых она выражается, путь от мысли к слову лежит через значение. В нашей речи всегда есть задняя мысль, скрытый подтекст. Так как прямой переход от мысли к слову невозможен, а всегда требует прокладывания сложного пути, возникают жалобы на несовершенство слова и lamentации по поводу невыразимости мысли»* [Выготский, 1999, с. 329].

Слова не способны выразить полностью мысль субъекта. Экстраполяция данного положения в межкультурное пространство означает, что исходная мысль отправителя информации претерпевает ряд неизбежных потерь, проходя следующие стадии производства речи: внутренняя речь ⇒ внутренний язык ⇒ внешний язык>. Так, при восприятии текста переводчик исходит из того, что данная линейная последовательность языковых знаков не есть идеальная экспликация мысли субъекта.

Каким образом можно обнаружить наличие семантических опущений? Понятно, что в устном переводе часть потерянной информации восполняется, прежде всего, из сопровождающих речь паралингвистических средств, т.е. звуковых сигналов (тона, стиля

---

<sup>2</sup> В современной научной литературе процесс языкового выражения мысли именуется синонимичными терминами «объективация», «означивание», «вербализация» и «овнешнение» (термин Е.Ф. Тарасова), из которых в аспекте онтологии речи наиболее релевантным представляется последнее наименование.

речи, интонации, артикуляции, темпа и громкости речи, степени высоты голоса, специфики звуковых сочетаний) и невербальных знаков — лексикографии жестов, поз и телодвижений, взглядов, межличностной дистанции, тактильного поведения<sup>3</sup>. При этом переводчику следует осознавать идиолектность (уникальность) паралингвистических средств. Из всех перечисленных неязыковых иллюстраторов речи взгляд нам представляется, с одной стороны, наиболее универсальным средством, с другой — наиболее значимым кодом передачи информации. О важности «прочтения» другого средства — пространственной лексикографии — отмечено у Эдварда Холла: «Изменение дистанции задаёт общению тон, расставляет акценты, а иногда даже перевешивает по значимости сказанные слова» [Нэпп, 2004, с. 91].

По мере экспликации неязыковых «подсказок» переводчик совершает интуитивный вероятностный прогноз относительно недостающей мысли исходя из самого текста, т.е. «из-под поверхности» языка. Переводчик совершает инференцию невыраженного в исходном языке<sup>4</sup> на основе предвосхищения возможных «ветвей» ассоциативной связи лексем, имеющих в когнитивной базе адресанта. Конечно, одновременное аудирование высказывания и прогнозирование (*автор, должно быть, понимает под этим X и Y*) чрезвычайно сложно, но цель эпистемологического описания перевода как раз и заключается в том, чтобы выявить последовательность всех ментальных действий переводчика и обнаружить степень сложности этих действий.

С другой стороны, в переводческой практике нередко имеет место интерпретация смысла и одновременная коррекция (мысленная) внешней структуры услышанного. Например, в высказывании носителя *Vernacular American In order for that to happen it ain't no black God* смысл еле уловим в связи с региональной диалектностью речи. Для того, чтобы корректно перевести сообщение, переводчик сначала должен сконструировать нормативный вариант, типа *There is no black God to make that happen*. Воссоздать стандартную версию ему помогут просодия, возможные жесты адресанта, с

---

<sup>3</sup> Чем более официален, т.е. формален, уровень перевода, тем менее эксплицитен невербальный язык, поэтому «сопроводители» устной речи больше способствуют восстановлению полноты заданной мысли в переводе, не носящем публично-официальный характер.

<sup>4</sup> В постнеклассической парадигме язык перестает считаться релевантным вместилищем смысла: вслед за Ж. Дерридой постулируется презумпция только трансцендентального означаемого. Как нам представляется, данная максима больше применима к интерпретации художественного произведения, поскольку в создании текста, предназначенного для перевода, субъект мотивируется идеей о необходимости максимального означивания отправляемой мысли, потому старается облекать мысли в более понятные структуры.



одной стороны, собственный опыт, интуиция и надлежащий уровень технических навыков и умений — с другой.

2. *Промежуточным звеном между мышлением и языком является предметно-схемный/универсальный предметный код* (Н.И. Жинкин), *или мыслекод* (С. Пинкер), *онтологически тяготеющий больше к мышлению, так как он формирует «мысль для себя», а языковые знаки формируют «мысль для других». Здесь возникает проблема двойственного характера знаний* (см. Г.П. Щедровицкий), *который ранее описывался в терминах «ближайшее и дальнейшее значения»* (А.А. Потеня), *«глубинное и поверхностное значения»* (Г. Миллер и Н. Хомский).

По мнению Н.И. Жинкина, универсальный предметный код является посредником не только между языком и интеллектом, между устной и письменной речью, но и между разными языками [Жинкин, 1982]. Если принять данный тезис за аксиому, код-«трансформатор» напрямую связан и с переводческим процессом. Он обеспечивает многошаговость моделирования перевода: в рамках одного переводческого акта, состоящего в отправлении переводчиком одной интенции адресанта адресату, имеет место, по крайней мере, 4-кратное функционирование внутреннего кода.

Поясним вышесказанное. В голове субъекта неосознанно формируется мысль — «нонсенс» [Делёз, 1998, с. 89]. Данное название не только указывает на индетерминированную природу постоянно видоизменяющихся фантазмов, но и на их слабую идентифицируемость. Так, универсальный предметный код<sup>5</sup> придаёт мышлению некоторую конфигурацию, т.е. определённую долю ясности. Так, идентифицируемый смысл рождается как раз в процессе трансформации текучей мысли в более сознаваемое содержание, или, по Делёзу, в «бракосочетании между языком и бессознательным» [там же, с. 13]. Далее смысл, который всегда оказывается «эффектом», подвергается вербализации.

У переводчика мыслекод работает в двух форматах — как интракод и интеркод. Восприятие внешней формы отправленного высказывания сопровождается процессом понимания, в результате приобретающая некую смутную конфигурацию мысль для себя (т.е. для переводчика) перекодируется на второй язык. В связи с тем, что первый и второй языки локализируются в коре головного мозга в разных полушариях, нейронная траектория охватывает оба полушария<sup>6</sup>.

---

<sup>5</sup> Сам Жиль Делёз не описывает превращение бессознательной мысли в осознаваемую сущность посредством некоего средства, типа кода, поэтому естественно то, что им термин не используется.

<sup>6</sup> Билатеральное нейронное движение имеет место и в интракоде, когда смысловая структура из зоны Вернике правого полушария передается для вокализации в зону Брока левого полушария [Гешвинд 1982; Deacon 1998; Горошко 2005].

Таким образом, учитывая то, что универсальный предметный код участвует в любом семиотическом акте как «трансформатор», у переводчика имеет место его 2-кратное функционирование (на этапах [декодирование-1] ⇒ [овнешнение-2]), стало быть происходит 2-кратная потеря некоторых фрагментов исходной информации. 4-й этап семантической потери имеет место уже у реципиента.

Из вышесказанного следует вывод:

- семантические потери, имеющие место в процессе движения мысли по направлению к языковой объективации, — это неизбежный психофизический процесс;
- осознавая естественную природу данного механизма, переводчик должен стараться свести к минимуму семантический ущерб искусственного плана — тот, который вызывается недостаточным знанием языка перевода.

3. *Понятие об обыденном языковом сознании<sup>7</sup> этноса складывается на основе изучения индивидуального этнического сознания, имеющего базовую часть, связывающую концептуальными ориентирами разные поколения, и единичные реакции, иллюстрирующие индивидуальные представления. Так, представления о культуре обычно составляют стабильную часть сознания, о социуме — подвижную.*

Для адекватного восприятия речи отправителя информации переводчик обязан идентифицировать, прежде всего, некоторые устойчивые аксиологические ориентиры этноса. Сразу оговорим, что, с нашей точки зрения, невозможно говорить об абсолютно тождественной и стабильной части концептуально-семантической системы: она будет различаться даже у двух представителей этноса. Возможно говорить о похожих архетипических образах, которые хранятся в этническом сознании большинства носителей культуры, но которые, активируясь в мыслительном процессе, сопровождаются единичными интерпретациями — данными от восприятия лиц и объектов, действиями, субъективно-сенсорной информацией и т.д. Из этого следует, что переводчик должен предполагать наличие индивидуальной части концептуального сознания, которая находится в прямой зависимости от соответствующих социальных характеристик говорящего.

Можно проиллюстрировать вышеизложенное так называемыми «мелкими словами» (термин А.Д. Шмелёва), трудно переводимыми на другой язык из-за вовлеченности в языковую модель мира. Например, базовую семантику слова *авось* передают варианты *cross-one's-finger-mentality*, *chance it(-approach)*. А варианты типа *muddle*

---

<sup>7</sup> По нашему мнению, в свете современных достижений когнитивной психологии и нейрофизиологии термин «языковое сознание» отсылает нас к старой догматической сосюрговской традиции отождествлять означаемое и означающее.

*through somehow, hope for the best, scatterbrained, confused and hurried* и т.д. выражают более частичные интерпретации состояния надежды человека на то, что «обойдется или пронесет». По мнению П.Р. Палажченко, вариант «*muddle through somehow*» подойдет не во всех контекстах и в устах носителей языка отражает несколько иную «жизненную установку», которую я бы условно назвал «стоически-колониалистской» [Палажченко, 2005, с. 9].

Проиллюстрируем наличие в сознании константной и единичной компонент на уровне текста в бурятском языке: *Иимэ буянтай, бурхантай, арюунаар нарилжа, бээ абажа ябадаг эхэнэрэй алтан умайда бодисада эрьежэ, түрэбэ* [Цырендашиев, 2008, с. 168]. Близкий к дословному перевод на русский язык выглядит следующим образом: *Бодхисаттва посетил золотое чрево этой женщины, которая развила чрезвычайные заслуги и бога в себе, и вела себя настолько «чисто», что Бодхисаттва родился в ней.* Как видно, смысл здесь полностью не раскрыт, так как читателю или слушателю осталось непонятным, как женщина вела себя, что в ней (не у неё) родился Бодхисаттва. Релевантный смысл следует искать в частотной/стабильной части этнического сознания бурят, которая, в свою очередь, основывается в буддийской культуре. Так, во-первых, под «чистым» поведением женщины имеется в виду сдержанность, пристойность и почтительность в поведении (*lead a virtuous and righteous life of female*), что в соответствии с традиционным устоем и буддийским учением означает «не быть болтливой, не ходить широко расставляя ноги, не подходить к буддийскому алтарю и к огню в “критические дни”, понимать, что мужчина — существо выше, чем женщина», и т.д. Во-вторых, иметь высокие заслуги означает накопить добродетельные акты, исходящие из сострадания и любви ко всем живым существам, поэтому человек, развивший добродетели и заслуги, мог переродиться Бодхисаттвой только в чреве подобной женщины. В-третьих, буддийское исчисление возраста начинается с пребывания ребёнка во чреве матери, поэтому он рождается годовалым.

Автору данной книги Д.-Н. Цырендашиеву присуще именно такое понимание вышеназванных концептов. Как глубоко верующий буддист, он описал условия реинкарнации человека (*здесь: объективировал стабильную часть сознания*), как мужчина, придерживающийся консервативных взглядов относительно поведения женщины, он представил свои приоритеты в оценке (*здесь: объективировал индивидуальную часть сознания*). Если бы данный текст исходил из уст более молодого мужчины, глагол *нарилжа* (*вести себя «чисто»*) передавал бы однозначно меньший список ограничений в поведении женщины.

Данный пример также релевантен для иллюстрации второго постулата. Трём ступеням [мысль  $\Rightarrow$  смысл для себя  $\Rightarrow$  смысл, овнешнённый для других] соответствуют значения [восхищение жертвенной, добродетельной жизнью женщины  $\Rightarrow$  не была болтлива, не ходила, широко расставляя ноги, и т.д., и т.п.  $\Rightarrow$  была чистой, добродетельной]. Получается, что информация, проходя путь от отправителя через переводчика к получателю, проявляется как «трёхликий» Янус.

4. *При переходе через культуру также обнаруживается общая/частотная и частная/единичная части, т.е. образы, представления и верования, совпадающие и не совпадающие в разных культурах*<sup>8</sup>.

Понятно, что переводить, понимая, что стоит за универсальными реалиями, нетрудно (к примеру, непреходящие ценности, которые постулируются во многих культурах). Если контекстное значение формируется дифференциальными смыслами, интерпретация смысла требует дополнительных когнитивных усилий со стороны переводчика. Поэтому, готовясь к выполнению роли медиатора между культурами, переводчик, прежде всего, должен «реанимировать» знания о том, что относительно тождественно и что отлично именно в культурах отправителя и получателя информации, и сформировать тем самым, скажем, когнитивно-аксиологическую платформу для непосредственной трансляции. Для того, чтобы неосознаваемые в силу слабой активации знания стали осознаваемыми, от переводчика требуется предварительная и целенаправленная подготовка по «реаниминированию» знаний.

К примеру, при переводе реалий переводчик «вызывает» из памяти дифференциальные семы культурных предметов и передаёт их тем или иным приёмом — транслитерацией или транскрипцией, калькой или полукалькой, уподобляющим или гипонимическим переводом, неологизмом. Подобрать эквивалент — дело не самое трудное, сложнее — предугадать возможность «появления» в дальнейшем тексте нити, исходящей из алгоритма, скрипта, лежащего в основе той или иной реалии. Например, в отличие от российской реалии *bedroom* — это не только спальня, но и комната наверху, поэтому повеление *Go up!* может потребовать перевода *Иди спать! Walk in a street* для англичан — это прогуливаться по улице, а не стоять и не есть при этом какую-нибудь пищу, что имеет

---

<sup>8</sup> Например, во многих восточных культурах супруги вербально сдержанны в выражении чувств. Иной раз муж может признаться жене в любви один раз за всю совместную жизнь, а то — и вовсе не признаться. Экстраполяция данной ситуации в переводческую сферу означает, что высказывания, в которых субъект выражает определённые чувства к другому, должны переводиться, по крайней мере, с осознанием того, что данный речевой акт представляет собой некий психологически сложный акт.

место в нашей культуре. *Гунгарбаа* (с бур. шкафчик-алтарь, icon-case) подразумевает целый набор соответствующих актов поведения со стороны людей, находящихся в той комнате, и т.д., и т.п.

Здесь резонно напомнить вопрос приоритета «форенизации» или одомашнивания при переводе реалий: позиция автора статьи — чужое оставлять чуждым, т.е. не недооценивать когнитивный багаж реципиента. Если для слушателя или читателя реалия оказалась неизвестной, стратегия форенизации, применённая переводчиком, даёт шанс ему самому познать онтологию объекта. По нашему мнению, предоставление возможности узнавать себя и своих в чужой культуре есть не только недооценка общего интеллекта, способностей современного индивида, весьма рафинированного и пополняющего межкультурные знания в условиях глобализующегося мира, но и выход за рамки переводческих полномочий, которые ограничены самим авторским текстом. Когда драматург из Квебека Michel Tremblay адаптировал «Ревизора» Гоголя как «Le gars de Québec», тем самым перенёс русский быт в канадскую провинцию, или Баир Жигжитов перевёл «Macbeth» как «Максар, шуһата тала» («Максар, кровавая степь»), тем самым «бурятизировал» английскую трагедию, перевод превратился в переложение с выполнением другой функции. Или domestикация «Властелина колец» Дж.Р. Толкина В. Муравьевым, где представлены ратники и витязи, воевода Ополченья, дружинники в стольном граде, волхвы и чернокнижники, орки, вооруженные бердышами, ятаганами и тесаками, Арагорн, претендующий на великокняжеский престол, что вызывает у читателя образы не английского, а русского средневековья, тем самым данная стратегия как бы говорит: «ваше воображение не способно представить чуждую вам картину мира».

Вышеперечисленные примеры свидетельствуют о стремлении переводчика обеспечить «гладкий», не режущий ухо читателя текст. Здесь исходным мотивом транслятора является избежание возможного недопонимания чуждых объектов и явлений. Как нам представляется, подобное гладкописание есть недопонимание того, что при восприятии текста сам психофизиологический когнитивный механизм адресата проведёт ассоциативные параллели со своей картиной мира и тем самым неизбежно «одомашнит» описываемую ситуацию.

*5. Восприятие и конструирование речи — почти одновременный процесс. При перцепции речи вызываются из памяти не только отдельные лексемы, но и реанимируются прилежащие соседние связи, в результате чего активируется некий набор релевантных признаков объекта. Знания при создании содержания формируются заново в том смысле, что в результате восприятия и поступления новых данных субъект дополняет, корректирует старые знания.*

При производстве или восприятии речи вместе с той или иной лексемой автоматически активируется её ассоциативное окружение. Другими словами, данный постулат отвечает на вопрос «Почему не может быть идентичным понимание объектов или явлений мира у всех участников коммуникации?»

То, что транслятор представляет в межкультурном общении третье звено (или второе звено из трёх), не только нарушает естественный ход обмена убеждениями, но и удваивает, или утраивает, как было выше отмечено, возможность семантических потерь, поскольку по мере восприятия линейной последовательности фонем или графем текста переводчик производит его декодирование, исходя из своих ассоциативных связей лексикона. Получается, что задача переводчика — не «запускать» последнее в речемыслительный процесс, т.е. стараться сразу адаптировать эти самые прилежащие связи к когнитивной ситуации отправителя информации, как бы спрашивая *«Что бы я имел в виду, если бы я был на вашем месте?»*. Скорректировав под таким углом естественную интерпретацию информации и готовясь её эксплицировать, теперь он «примеривается» к сознанию, менталитету, интеллекту адресата. Второй вопрос звучит следующим образом: *«Как бы я понял переведённую мной мысль адресанта, если бы я был на вашем месте?»*. Помимо социальных характеристик получателя вышеописанные в постулате 3 общее и переменное его сознания являются основными индикаторами того, какие лексемы наиболее релевантны для объективации в коде второго языка. Другими словами, «слуга двух господ», подбирая оптимальный вариант и под адресанта, и под адресата, должен функционировать в качестве «хамелеона». В связи с тем, что в голове переводчика имеется своя ассоциативно-аксиологическая вербальная сеть, которая «не интересна» ни первому, ни второму, здесь можно допустить крамольно-фривольную мысль следующего содержания: совершенным переводчиком будет робот, у которого инсталлирована программа со сканированными данными об ассоциативной сети обоих господ и полной языковой системой двух кодов.

6. *За словом обычно стоит больше значений, чем одно, при этом объём знаний и представлений о знаниях, связанных с исходным словом, разнятся у коммуникантов внутри одной культуры.*

Прежде всего следует оговорить, что речь идёт не о статической лексикографической таксономии значений, а об актуальной динамической таксономии, исходящей из психической природы семантических связей, обуславливающих динамичность и вариативность смыслов. Также оговорим, что данный постулат напрямую

связан с предыдущим: у каждого индивида слово ассоциируется с объектами и признаками объектов по-своему, поэтому сохранённые в памяти причудливые конфигурации ассоциативно-вербальной сети разнятся от индивида к индивиду.

Детализируем вопросы, поставленные в предыдущем пункте. Проблема подбора наиболее точного переводческого эквивалента слова или словосочетания решается в зависимости от двух ментальных шагов: 1) вычислить, какие семы<sup>9</sup> исходного слова актуализирует отправитель информации; 2) спрогнозировать, в каком переводном слове реализовал бы данные значения получатель информации.

К примеру, скажем, предстоит перевести русское слово *пошлость*, которое, по мнению В. Набокова, является одним из самых непере译имых слов русского языка. Подобный статус слова подтверждается его социально-мотивированной функциональностью: слово семантизируется по-разному представителями разных социальных слоев. Перевод на английский язык а *mixture of banality, commonality and vulgarity* является хорошим только по отношению к собирательному образу англичанина, чего не бывает в реальной практике. Здесь, по-видимому, нужно понять, какое смысловое предпочтение запрашивает социальный статус реципиента. Это может быть *banality, platitude, triteness, vulgarity* или *commonness*, или еще что-нибудь другое, вызванное прагматическими параметрами ситуации. Далее нужно учесть то, что эти пять лексем реализуются во множестве подпризнаков.

Вышеизложенные концепции из области психолингвистики, которые представляют только часть идей, объясняющих механизм восприятия и порождения речи, услышаны автором статьи на лекциях докт. филол. наук Е.Ф. Тарасова, зав. сектором психолингвистики Института языкознания РАН. Для предварительной иллюстрации возможности применения в моделировании переводческого поведения междисциплинарного подхода, с нашей точки зрения — перспективного и единственно возможного в силу того, что только нейро-, психолингвистика приближают исследователя к ситуации «на самом деле», нами осуществлён выбор базовых гипотез. Большинство из существующих моделей перевода в виде абстрактных теоретических конструкторов в духе референции к объективной действительности не кажется реальным подспорьем в практике перевода.

---

<sup>9</sup> Здесь мы абстрагируемся от современной идеи о том, что слово «сема» звучит нерелевантно в связи с гипотезой о совокупной — с прилежащими связями — активации той или иной лексемы в процессе производства и восприятия речи.

## *Список литературы*

- Выготский Л.С.* Мышление и речь / Под общ. ред. Г.Н. Шелогорова. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
- Гешвинд Н.* Специализация человеческого мозга / Пер. с англ. Н.Ю. Алексеенко // Мозг. М.: Мир, 1982. С. 219—239.
- Горошко Е.И.* Функциональная асимметрия мозга, язык, пол / Е.И. Горошко. Изд. Дом Инжэк. М.; Харьков, 2005. 280 с.
- Делёз Ж.* Логика смысла / Ж. Делёз. М.: Раритет — Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
- Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. М.: Политиздат, 1982. 250 с.
- Нэп М., Холл Дж.* Невербальное общение. [Мимика, жесты, движения, позы. Визуальный контакт. Прикосновения. Голосовые сигналы. Паузы и молчание. Внешность]: Учебник. 6-е междунар. изд. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-Пресс, 2004. 254 с.
- Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 7—22.
- Палажченко П.Р.* Несистематический словарь-2005. М.: Р. Валент, 2005. 248 с.
- Фрумкина Р.М.* Психолингвистика: Учеб. пособие. М.: Академия, 2003. 320 с.
- Цырендашиев Д.-Н.* Сүүгэлэй дасан. Домог, түүхэ, баримтанууд (XIX-дэхи зуун жэл). Улаан-Үдэ: Нова Принт, 2008. 340 с.
- Deacon T.W.* The Symbolic species. The Co-evolution of language and the brain: W.W. Norton & Company. N.Y.; L., 1998.



## ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

*Е.Ю. Булыгина,*

канд. филол. наук, профессор кафедры современного русского языка ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет»

*Т.А. Трипольская,*

профессор кафедры современного русского языка ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет».

*E-mail:* tr\_tatiana@ngs.ru

### ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ЕВРОПЕЙЦЕВ: СТРАТЕГИИ АДЕКВАТНОГО ПЕРЕВОДА

В статье исследуется тематическая группа городских номинаций в лингвокультурологическом аспекте, предполагающем сопоставление нескольких языков. Изучение наименований «городских пространств» позволяет получить новую информацию о семиотической системе «Город» в разных языковых картинах мира.

Особую значимость подобные исследования имеют для теории и практики перевода: деятельность переводчика осложняется наличием безэквивалентных лексем, существованием параллельных наименований в разных языках, которые семантически значительно разошлись, а также различиями в картинах мира разных народов, эксплицированными лексикой города.

**Ключевые слова:** языковая картина мира, теория и практика перевода, семантика, безэквивалентная, заимствованная лексика.

*Yelena Yu. Bulygina,*

Director of the Institute of Philology, Mass Information and Psychology, PhD in Philology, Professor at the Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Russia

*Tatyana A. Tripolskaya,*

Doctor of Philology, Professor at the Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Russia

#### Urban Space in the European Language Picture of the World: Strategy of the Appropriate Translation

In the current article the authors explore a thematic group of urban nominations in lingua-culturological aspect, supposing the comparison of several languages. Investigation of the urban spaces' names provides us with new information about the semiotic system "City" within different language pictures of world.

Such investigations become highly significant for the theory and practice of translation. The translator's activities can be complicated because of the culture-specific (nonequivalent) vocabulary, semantically shifted parallel nominations as well as differences in the pictures of the world of different nations, explicated in the urban lexics.

**Key words:** language picture of the world, theory and practice of translation, semantics, culture-specific (nonequivalent) lexics, borrowed lexics.

*Путешествие* русские словари определяют как поездку или передвижение пешком куда-нибудь далеко за пределы постоянного местожительства с какой-либо целью, а также литературное произведение, посвященное описанию всего виденного или слышанного путешественником в чужом или неизвестном крае (ТСУ)<sup>1</sup>.

В настоящей статье *путешествие* рассматривается не как перемещение из пункта А в пункт В, а как передвижение внутри городского пространства, где маршруты определены топографически и картографически: совершая городское путешествие, человек волен в выборе направления, но ведом улицами, переулками, бульварами, аллеями и др., вытекающими и впадающими в площади (Place Etoile как имя собственное и как устройство площади).

«Для человека нового времени главные точки приложения и проявления культурных сил — города»<sup>2</sup>. Город — специфическое пространство, которое формируется и существует в разных странах по-разному, в соответствии с их историей, природой, традициями. История города, его настоящее, прошлое и будущее фиксируется в организации его пространства. Мы имеем в виду соотношение улиц, бульваров, площадей, набережных, образующих неповторимый облик города как места обитания человека и культурного пространства как особой семиотической системы<sup>3</sup>.

В филологии принято говорить о городском тексте: петербургский, венецианский, московский и др.<sup>4</sup> Городской текст включает в себя в качестве «субстратных элементов» природный: климатическо-метеорологический (ветер, холод, жара, наводнение и др.) и ландшафтный (вода, суша, открытость, гористость/равнинность и др.); а также материально-культурный (планировка, характер застройки, дома, улицы и т.п.)<sup>5</sup>. И природные и материально-культурные элементы неразрывно связаны между собой. Для города характерна органическая привязка к естественному ландшафту. Городское пространство адекватно отражает его структуру и особенности: есть города, расположенные на холмах, где в качестве улиц фигурируют спуски и подъемы (Владимировский спуск в Новосибирске и Киеве; Васильевский спуск в Москве и др.); в горо-

---

<sup>1</sup> Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935—1940. Т. 1—4 (ТСУ).

<sup>2</sup> Вайль П. Гений места. М., 2007. С. 9.

<sup>3</sup> Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург // Труды по знаковым системам XVIII. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 30—45.

<sup>4</sup> Там же; Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999; Топоров В.Н. Петербург и Петербургский текст в русской литературе // Семиотика города и городской культуры. Петербург // Труды по знаковым системам XVIII. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 5—29.

<sup>5</sup> Топоров В.Н. Указ. соч. С. 18—19.

дах у воды (река, лагуна, море) городскими артериями являются каналы (Канал Грибоедова, Canale Grande, каналы Брюгге и др.).

Обычно в современных лингвистических работах языком города называют специфический язык горожан (городское просторечье, литературно-разговорная речь и др.), мы рискнём использовать этот термин как наименование частей города, прежде всего касающихся его горизонтальной пространственной организации (улица, улочка, проспект, площадь, переулок, набережная, проулок, закоулок, бульвар, сквер и др.). Эта система наименований, состоящая как из древнейших, так и недавно образованных лексем, включается в сложный семиотический механизм города, отражающий прошлое и настоящее любого города. Ср.: «<...> архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого <...>. В этом отношении город, как и культура, — механизм, противостоящий времени»<sup>6</sup>.

Этот фрагмент лексической системы языка в силу его небольшого объёма и прозрачной денотативной семантики обычно не является объектом семасиологических исследований. Однако в лингвокультурологическом аспекте, предполагающем сопоставление нескольких языков (мы привлекаем для анализа данные русского, французского, итальянского и английского языков), изучение этой тематической группы позволяет получить новую информацию о семиотической системе «Город» в разных языковых картинах мира. Городские номинации в европейских языках, помимо номинативной функции, используются в составе имён собственных, в словарях они иногда сопровождаются комментирующей пометой: **Канал** (Канал Грибоедова) (лат. Canalis) **Название улицы, расположенной на берегу канала** (в Ленинграде) (ТСУ); **Canal Les canaux d'une ville bâtie sur l'eau** (1606). **Le grand canal (écrit Grand Canal), à Venise; Rue 1. Voie bordée, au moins en partie, de maisons, dans une agglomération (ville ou village, bourg), et souvent identifiée par un nom (R)**<sup>7</sup>; **Via nella toponomastica urbana (senza articolo)... Via Roma, via Dante** (SC)<sup>8</sup>; **Avenue (capital as part of a street name) a road, esp in a built-up area Shaftesbury Avenue; Boulevard (capital as part of a street name) Sunset Boulevard; Lane (capital as part of a street name) Drury Lane; (as part of a proper name) narrow street or alley between buildings; Road (capital when part of a name) London Road (H)**<sup>9</sup> и др.

<sup>6</sup> Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001. С. 35.

<sup>7</sup> Le nouveau petit Robert. Nouvelle édition du Petit Robert de Paul Robert. Dictionnaires le Robert. Paris, 2002 (R).

<sup>8</sup> Il Sabatini Coletti. Dizionario della Lingua Italiano. Rizzoli Larousse. 2006 (SC).

<sup>9</sup> Hornby A.S., Cowie A.P., Gimson A.C. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1974 (H).

Анализ словарей и «текстов» городских карт позволяет увидеть специфику не только русских и европейских городов, но и своеобразии каждого города внутри одной страны. Приведем основные городские номинации, включённые в состав собственных имен, выделив те, которые характеризуют неповторимый облик города. Сравним наименования городского пространства, например, в русском и итальянском языках.

Санкт-Петербург	Москва	Рим	Милан	Верона	Венеция	Падуя
улица	улица	Via	via via privata	via	calle	via
проспект	проспект	corso viale	viale corso	viale corso	viale	viale
площадь	площадь	piazza piazzale largo	piazza piazzale piazzetta largo foro	piazza piazzetta	campo campiello piazzetta S-Marco	piazza piazzale piazzetta
набережная	набережная	Lungote- vere degli Altoviti	—	Lungadige	fondaménta Riva dei Sette Martiri	—
переулок	переулок	Vicolo	Vicolo	vicolo	—	vicolo
дорога	—	Via Appia	—	—	strada	—
аллея	аллея	—	—	—	—	—
шоссе	шоссе	—	—	stradone	—	—
бульвар	бульвар	Viale	Viale	—	—	—
двор (Апрак- син)	—	—	—	Cortile mercato vecchio	Corte Nuova	—

Характерными номинациями для Петербурга являются: *линия, канал, проток, дорога* (Южная, Анисимовская и др.); для Москвы — *тупик* (Басманный), *просек* (Майский и др.), *Сад Александровский, Садовое кольцо*; в Риме — *circonvallazione, passeggiata, vico, Lungotevere degli Altoviti, borgo Vittorio*; в Милане — *Galleria del Corso, cavalcavia, passaggio, sottovia, belvedere, alzaia* (подъём, повышение); в Венеции — *campo* (площадь), *campiello, calle* (улица), *fondaménta* (тротуар, идущий вдоль канала; набережная), *Riva (dei Sette Martiri), Rio Tera* (улица на месте засыпанного канала), *ramo* (тупик), *Ruga S. Giovanni, Salizzata* (salita — подъём), *Sottoportego e corte dei zucchero* (Сахарный проход и двор); в Падуе — *Prato della Valle* (площадь).

Особую значимость подобные исследования имеют для теории и практики перевода: материалы двуязычных словарей, на первый взгляд, снимают эту проблему. Однако знакомство с городскими реалиями в разных странах и их интерпретациями в толковых и синонимических словарях показывает, сколь велики могут быть «смысловые зазоры» при сопоставлении русского и французского бульваров, русских, английских и итальянских площадей, аллей, пешеходных улиц и проспектов и др. Деятельность переводчика осложняется, во-первых, наличием безэквивалентных номинаций, во-вторых, существованием параллельных наименований в разных языках (заимствованная лексика), которые семантически значительно разошлись, в-третьих, существенными различиями в картинах мира разных народов, эксплицированными лексикой города.

Проблема безэквивалентной лексики обычно обсуждается в методике преподавания любого языка как иностранного, применительно к русскому языку речь идет о *валенках, самоваре, щак, матрешках, квасе* и др. Область городских номинаций традиционно к безэквивалентной зоне не относят, однако в небольшой по составу тематической группе подобные лексемы обнаруживаются практически в каждом языке. В первую очередь это касается так называемых экзотических номинаций, характерных для того или иного города со своим местоположением, природными и культурными особенностями. Ср.: *Largo* 4. (anche con iniziale main) In urbanistica e toponomastica, slargo in forma di piccola piazza all'incrocio di pui vie cittadine. *Largo Augusto* (SC). *Largo* 2. Ширина, простор; расширение улицы, небольшая площадь: *largo della Gancia* (в собственных именах) (L)<sup>10</sup>. В Венеции: *Rio Tera S. Leonardo, Sottoportico dei Pegolotto, Ruga Orefici*.

Отметим, что в этом лексическом фрагменте понятие безэквивалентности имеет свою специфику: в составе городских номинаций встречаются слова, которые, будучи известными в других языках, не используются в составе топонимов. Ср.:

**Parvis** 1. Espace situé devant une église et généralement entouré d'une balustrade ou de portiques — Mod. Place située devant la façade d'une église, d'une cathédrale. *Le parvis de Notre-Dame. Place du Parvis Notre-Dame*. 2. Mod. Espace dégagé en general reserve aux piétons, devant un edifice important, dans un espace urbanisé (R); *Parvis de St-Moris, à Lille*. В итальянском языке слово *sagrato* (*sacrado*) имеет сходное значение: церковный двор, площадь вокруг церкви. Русское слово *панерть* обозначает «церковное крыльцо, площадку перед входом в церковь» (ТСУ). Значение «площадка перед входом в церковь» обнаруживается в разных языках, однако русское слово не используется в составе городских номинаций.

<sup>10</sup> ABBYY Lingvo. Электронный словарь. Вып. 14.0.0.390. 2008. ABBYY (L).

Сходная ситуация наблюдается и со словом *cour* (двор):

*Cour* 1. *Espace découvert clos de murs ou de bâtiments et dépendent d'une habitation* (R). Например, *Cour de la Saint-Chapelle* (Париж).

Ср.: в итальянском языке: *Corte Cazza*; *Corte d. Cordami* (в Венеции).

В русском языке *двор* в составе городских номинаций не используется (но встречается в названиях, например, торговых рядов: *Гостиный двор*, *Апраксин двор* в Санкт-Петербурге).

*Fondamenta* — *тротуар вдоль канала* (в Венеции)<sup>11</sup>. Например, *Fondamenta Nuova*, *Fondamenta dei Croce* и др.

Специфика перевода городской безэквивалентной лексики сводится к двум основным стратегиям: а) переводчик стремится найти в той или иной степени адекватные оригиналу номинации, чаще всего описательные обороты, или б) вводит в текст варваризм, комментируя его в подстрочнике. Ср.: <...> *другой шёл на работу в больницу, фасад которой выходил на просторную кампо* (комментарий в подстрочнике: венецианское название **маленькой площади, обычно около церкви**); *Брунетти ответил взмахом руки и двинулся по узкой калле* (комментарий в подстрочнике: улочка в Венеции)<sup>12</sup>. Обратим внимание на очевидное противоречие между увиденной переводчиком вслед за автором реалии (*просторная кампо*) и словарным толкованием, с опорой на которое сделан комментарий (*венецианское название маленькой площади, обычно около церкви*), кроме того из текста следует, что *кампо* — это площадь перед зданием (не только церковью), которое доминирует в городском пространстве.

Комментарий-перевод к городским номинациям может стать и частью художественного и/или публицистического текста: *Памятник Дюма — на площади генерала Катру, 17-й аррондисман (округ), рядом с парком Монсо <...>*; *Бельэтаж по сей день в Италии называется piano nobile — дворянский этаж, этаж для благородных; Виллы Палладио очень хороши снаружи. Палаццо и вилла — разница между фасадом и силуэтом <...>*<sup>13</sup>.

Рассмотренные лексемы снабжаются в переводных и толковых словарях страноведческой пометой (в Венеции; во Франции, Великобритании, США и некоторых других странах). Ср.: *Авеню. Во Франции, Великобритании, США и некоторых других странах: широкая улица, обычно обсаженная по обеим сторонам деревьями* (СИС)<sup>14</sup>.

<sup>11</sup> Зорько Г.Ф., Майзель Б.Н., Скворцова Н.А. Большой итальянско-русский словарь. 6-е изд. М., 2002.

<sup>12</sup> Донна Леон. Смерть в чужой стране / Пер. И. Бочкаревой. М., 2003.

<sup>13</sup> Вайль П. Гений места. М., 2007. С. 119, 85.

<sup>14</sup> Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2007 (СИС).

Лексемы рассматриваемой тематической группы активно включаются в разнонаправленные и многоступенчатые процессы заимствования, подчиняясь общим семантическим тенденциям: слово заимствуется с сохранением всего семантического объёма (*квартал, центр, шоссе* и др.), включая коннотации, или заимствование сопровождается разного рода смысловыми модификациями (*сквер, аллея* и др.).

Определим основные направления процессов заимствования городских номинаций: в русский язык пришло значительное количество городских номинаций (из французского, английского, немецкого языков), которые имеют разный статус в лексической системе. Во-первых, это освоенные лексемы: *проспект, бульвар, аллея, сквер, квартал, канал, магистраль, артерия, шоссе, центр* и др.; во-вторых, лексемы, сохраняющие статус варваризмов или иноязычных вкраплений: *авеню, эспланада, эстакада, стрит (Пешков стрит), корсо* и др. Ряд номинаций активно используется в узкой профессиональной сфере (*эстакада, виадук* и др.).

**Квартал** ← нем. ← лат.; **проспект** ← нем. ← лат.; **центр** ← нем., фр. ← лат.; **канал** ← фр. ← лат.; **авеню** ← фр.; **бульвар** ← фр.; **магистраль** ← нем. ← лат.; **артерия** ← греч.; **шоссе** ← фр. (СИС).

Процесс заимствования в изучаемой группе характерен и для европейских языков: в английский язык *alley* ← from Old French alee, from aler to go, ultimately from Latin ambulāre to walk; *avenue* ← from French, from avenir to come to, from Latin advenīre, from venīre to come avenue — explore every avenue; *street* ← Old English stræt, from Latin via strāta paved way (strāta, from strātus, past participle of sternere to stretch out); compare Old Frisian strēte, Old High German strāza; see STRATUS street — be down smb.'s street — be in the same street as smb. — be streets ahead of smb.; *boulevard* ← from French, from Middle Dutch bolwerc BULWARK; so called because originally often built on the ruins of an old rampart (Н).

Особый интерес представляют слова, значения которых существенно модифицируются в языке-реципиенте. Так, слово *аллея* заимствовано из французского языка русским и английским, причем в русском языке значение соответствует французскому, в английском *аллея* обозначает узкую улицу, что соответствует русской *улочке* и французской *ruelle*. Ср.: *Allée* 2. Dans un jardin, une forêt, chemin bordé d'arbres, de massifs, verdure... Dans une ville, Promenade plantée d'arbres → avenue, cours (R). *Alley* 1.narrow passage between buildings (often a narrow street in a slum quarter) (Н); *Аллея* — дорога, усаженная по обеим сторонам рядами деревьев // дорожка в парке или в саду. Фр. Allee (ТСУ).

Результаты детального сопоставительного анализа городских наименований (возможно с использованием фотографического иллюстративного материала) были бы полезны в теории и практике перевода, а также в двуязычной лексикографии. Приведем типичные примеры из очень профессионального франко-русского словаря В.Г. Гака, Ж. Триомфа<sup>15</sup>, которые вряд ли позволяют адекватно представить себе пространство французского города со всеми его особенностями: *Boulevard* — бульвар; *avenue* — 1. проспект, авеню. *L'avenue des Champ Elysée*; *parvis* — паперть и др.

Рассмотрим смысловые модификации слова *бульвар*, заимствованного разными языками из французского (с. 81).

Заметим, что в итальянском языке слово бульвар существует как варваризм (**Boulevard** (fr.) *In Francia strada larga e alberata. Syn. Viale* (SC)). Как свидетельствуют дефиниции толковых словарей, вид бульвара отличается в России, Франции и Англии. Так, все бульвары характеризуются тем, что это широкая улица, вдоль которой посажены деревья, предназначенная как для пешеходных прогулок, так и для проезда транспорта. В России *бульвар* сохраняет ещё одну черту французского **Boulevard** — это улица, делающая круг по городу (*Promenade large rue plantée d'arbres faisant le tour d'une ville (sur l'emplacement des anciens ramparts). Boulevards circulaire → Cercle*. Ср.: бульварное кольцо в Москве (Рождественский, Сретенский, Чистопрудный и др. бульвары).

Однако бульвары в России и во Франции (а также в Англии) различаются расположением деревьев: в России это широкая аллея на городской улице, обычно по её середине; во Франции Сен-Жак, Сен-Жермен и др. бульвары устроены иначе: это широкая улица, обсаженная по обеим сторонам деревьями. Ср. также *boulevard* (в Канаде) дорога между населенными пунктами.

Выявленные смысловые различия свидетельствуют о своеобразии соответствующих фрагментов картин мира у разных народов, которые отражают наше представление о городском пространстве, обусловленном историческими, географическими и культурными факторами. Воссоздание городского пространства во вторичном тексте-переводе, или в тексте-травелогe, с помощью городских номинаций оказывается весьма приблизительным: сквозь языковую сетку *бульваров, площадей, набережных* мы видим скорее не чужой город, а город неуловимо похожий на свой. Так, парижские бульвары мы воспринимаем через «призму» бульваров Садового кольца; а итальянские площади (*piazza, piazzale, piazzeta, piazzhetto, largo* и др.) через образ Дворцовой площади или Красной площади.

<sup>15</sup> Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В.Г. Гака, Ж. Триомфа. 3-е изд. М., 2000 (ГТ).



Русский язык	Итальянский язык	Французский язык	Английский язык
<p><b>Бульвар</b> — широкая аллея в городе (фр. Boulevard) (ТСУ).</p> <p><b>Бульвар</b> — широкая аллея на городской улице, обычно по середине её, а также сама такая улица (СИС).</p>	<p><b>Boulevard</b> (fr.) ◊ In Francia strada larga e alberata. Суп. Viale (SC).</p> <p><b>Viale</b> — проспект, бульвар, авеню; <b>viale alberato</b> — бульвар, аллея. Суп: stradone viale — эспланада</p> <p><b>via alberata</b> — бульвар (L).</p>	<p><b>Boulevard*</b> П . Mod. 1. (1803) Promenade large rue plantée d'arbres faisant le tour d'une ville (sur l'emplacement des anciens ramparts). Boulevards extérieurs, boulevards périmétrique, boulevards circulaires → <b>Cercle</b>.</p> <p>◊ 2. Large voie, large rue, souvent plantée d'arbres → avenues, cours (R).</p> <p><b>Les grands boulevards</b> — Большие бульвары (в Париже); boulevard Saint-Michel (Boul'Mich) — бульвар Сен-Мишель (в Париже) (L).</p>	<p><b>Boulevard</b> 1) a wide usually tree-lined road in a city, often used as a promenade (capital as part of a street name) Sunset Boulevard. Wide street, often with trees on each side (H).</p> <p><b>Boulevard</b> 1) бульвар We made the circuit of the city on the boulevards. — Мы объехали город по бульварам. 2) проспект (американ.) • Суп: avenue.</p>

Представленная таблица показывает качественное и количественное разнообразие наименований площадей в разных культурах и соответственно в разных городах (с. 83).

Средневековый город воплощает в себе феномен закрытости. Площадь — символ другой эпохи: она несёт в себе идею открытости не только вверх, но и в стороны через улицы, переулки, окна... Площадь производит впечатление мгновенно распахивающегося пространства. Городская площадь — освобождение от мистических тайн и воплощение в себе откровенно десакрализованного пространства. Л.Б. Альберти понял, что главное украшение городам придают положение, направление, соответствие улиц и площадей<sup>16</sup>. Арка у Альберти осознаётся как противоположность запирающимся городским воротам. Арка всегда открыта, она является рамой для открывающихся видов (Триумфальная арка на площади Звезды).

Если сравнивать европейские города, то столицы обладают «мощной центрирующей силой, достаточно взглянуть на Москву, Лондон, тот же Париж. Но уже всё мешается в Италии, где с Римом открыто соперничает Милан, и самодостаточны Флоренция и Венеция»<sup>17</sup>. Многообразие итальянских городов порождает многообразие и неповторимый облик *piazza*, *piazzale*, *piazzetta*, *piazzalelto*, *largo*, *campo* и др. Очевидно, что именно в итальянском языке выделяется наиболее богатый синонимический ряд номинаций площади: это и словообразовательные дериваты, отражающие размер площади (*piazzetta Luchino Visconti*, *piazzale Rosa Gabriele* в Милане; *piazzale Michelangelo*), её форму, местоположение (у фасада здания, около церкви — *sagrato*, на пересечении улиц — *largo*, окружённая/не окружённая зданиями), назначение (*mercato*, *piazza del mercato* — рыночная площадь), принадлежность к конкретному городскому пространству (*campo* — площадь в Венеции).

Итальянское представление о площади, по данным языка, совмещает в себе все возможные характеристики этого городского пространства: любой формы и размера, на пересечении улиц, окружённая/не окружённая зданиями, с растениями или без растений, украшенная или не украшенная фонтанами, памятниками и др. С этим, видимо, связано множество номинаций.

Признак формы является актуальным в английском языке — *square* (этимологически «квадрат»), а во французском независимо от формы, открытости/закрытости — *place*. Ср., например, площадь прямоугольной формы, закрытая с четырех сторон однотипными зданиями (вход через арки) — *Place Vogese*. Специальное наимено-

<sup>16</sup> Альберти Л.Б. Десять книг о зодчестве. М., 1935. Т. 1—2.

<sup>17</sup> Вайль П. Гений места. М., 2007. С. 122.

Русский язык	Итальянский язык	Французский язык	Английский язык
<p><b>Площадь</b> — 2. В городе, незастроенное большое и ровное место, от которого обычно расходятся стороны улицы (L).</p> <p><b>Площадь</b> — 1. Большое незастроенное место в пределах города или села (ТСУ).</p>	<p><b>Piazza</b> 1. Spazio urbano di forma variabile più o meno ampio e libero, circondato da caseggiati, sito di solito all'incrocio di più strade.</p> <p><b>Piazzale</b> Vasta area non completamente circondata da edifici, talvolta posizione panoramica. P. Michelangelo; anche sagrato. Dim. piazzaleto</p> <p><b>Largo</b> 4. (anche con iniziale mai) In urbanistica e toponomastica, slargo in forma di piccola piazza all'incrocio di più vie cittadine. <i>Largo Augusto</i> (SC).</p>	<p><b>Place</b>*1. Espace plus ou moins étendu, où s'exercent certaines activités ou qui sert à un usage déterminé.</p> <p>◊ 1. (Attestation isolée, XII: 1370) Lieu public, espace d'écouvert, généralement entouré de constructions dans une ville, une agglomération → <b>Espanade, parvis, rond-point. Petite place</b> → <b>Placette. Place ornée d'une fontaine, d'une statue, plantée d'arbres</b> (R).</p>	<p><b>Square</b> [1. 1] a) квадрат (геометрическая фигура) the length of the side of a square — длина стороны квадрата &lt;...&gt;; 4) участок городской застройки, по форме напоминающий квадрат; а) площадь market square — базарная, рыночная площадь; Belgrave Square — Белгрейв-Сквер (площадь в фешенебельном районе Лондона); б) квартал (города); area, square, park, place, (торговая) plaza, space, surface (L).</p>

вание имеет только *Place Charles de Golle* — *Place Étoile* или *L'Étoile*, максимально открытая, увенчанная Триумфальной аркой; от неё отходят, образуя лучи, многочисленные *avenue*. В русском языке пространство, именуемое архитекторами *площадь* или *аванплощадь*, имеет только одно имя (редко встречается эспланада — например, в Перми). Характерными чертами русской площади являются достаточно большой размер, пересечение нескольких улиц, любая форма.

Еще одна городская реалья, по-разному представленная в разных языках, — это *набережная*, улица вдоль реки/канала или около другого водоёма (с. 85).

В отличие от русского недифференцированного наименования *набережная*, французского *quai d'Orsay*, английского *embankment*, характерных для всех городов у воды (река, море, озеро), в итальянском присутствует языковая детализация наименования набережной реки (*lungofiume*), моря (*lungomare*), озера (*lungolago*). Кроме того, при наименовании набережных в некоторых городах (например, Рим, Верона) образуется имя собственное, состоящее из *lungo*, названия реки и лексического конкретизатора — собственного имени: *Lungotevere degli Altoviti* (Рим, набережная Тибра Альговити), *lungadige Catena* (Верона, набережная Адиге Катена). Ср., например, в Париже: *quai d'Orsay*, *le quai Voltaire*, *un quai de la Seine*; или в Петербурге: Дворцовая набережная, набережная лейтенанта Шмидта, набережная Невы (как родовое наименование, не являющееся официальным названием улицы). Города каналов (Венеция, Петербург, Брюгге) отличаются разнообразием наименований улиц, идущих вдоль воды: набережная Английская, набережная канала Грибоедова, набережная реки Мойки (составные номинации); **Fondamenta** — *тротуар вдоль канала* (в Венеции): *Fondamenta Nuova*, *Fondamenta dei Croce* и др.; **Riva dei Sette Martiri**; **Rio Terra S. Leonardo** и др.

Анализируемая тематическая группа, как видим, представляет интерес в двух аспектах: как фрагмент лексической системы языка, отражающий представление социума о городском пространстве; а также как объект осмысления в практике перевода, в частности текстов-гравелогов.

Отметим два взгляда на языковую презентацию городского пространства в художественном тексте.

1. **Позиция переводчика**, когда в большинстве случаев чужой город приспособляется («верстается») под язык перевода. См., например, в переводе романа Роже Мартен дю Гара «Семья Тибо» появляются *улицы*, *проспекты*, *набережные*, однако сохраняются имена собственные — приметы Парижа (École Normale). Ср. также оригинал и перевод «Праздник, который всегда с тобой» Э. Хемингуэя:

Русский язык	Итальянский язык	Французский язык	Английский язык
<p><b>Набережная</b> — 2. Удли- ца, идущая вдоль укрепленной берего- вой полосы или во- обще вдоль берега реки, водоёма (ТСУ).</p>	<p><b>Quai</b> Vanchina, molo lungo un fiume; anche, banchina, ferrugiata, marcia- piede (SC). <b>Lungomare</b> (морская набережная), <b>lungofiume</b> (реки), <b>lungolago</b> (озера) (L). <b>Lungo</b> 1. Indica moto o anche, estens, disposizione che si svolge accanto e parallelamente a un oggetto visto nella sua lunghezza. Sin.: rasente, l. la riva del mare; il ciglio del burrone, il muro di china; il bordi del prato. 2. Indica moto o anche, estens, dispo- sizione che si svolge su una superficie nel senso della lunghezza (SC).</p>	<p><b>Quai</b>. 2. Voie publique, chaussée (route, rue, trottoir...) aménagée le long du quai, de la berge, entre les maisons et un cours d' eau ou un canal...; Rue piétonne. Rue pave. Rue au bord de l' eau → quai. <i>Un quai de la Seine, le quai Voltaire; Les bouquinistes des quais</i> (R). <b>Quai</b>. 1) прич.; набережная, пристань; • <i>le Quai d'Orsay; le Quai</i> — Ми- нистерство иностранных дел (во Франции) <i>le Quai des Orfèvres</i> — Судебная полиция (в Париже) (L).</p>	<p><b>Embankment, quay</b> []; (морская) <b>sea-front</b> — part of a town facing the sea: <i>The best hotels are on the sea-front</i> (H). <b>Wharf</b> набережная; <b>(реки) levee</b> — embankment built to protect land from a river in flood; <b>quay</b> набережная bund, embankment, front, quay, sea wall набережная embankment, border levee, bund, quayside (L). <b>Embankment</b> — wall of earth, stone, etc., to hold back water or support a raised road or railway; roadway supported of such a way: <i>the Thames Embankment</i> (H). <b>Quay</b> — solid, stationary landing-place, usu. Of stone or iron, alongside which ships can be tied up for loading and unloading (H).</p>

...and bookstore of Sylvia Beach at 12 *rue de l'Odeon*. On a cold windswept street, this was a warm, cheerful place...<sup>18</sup>

Автор в своем тексте дифференцированно употребляет французские слова *rue*, *quai*, *place* и английские *street*, *river bank*, *square*, используя первые в составе имени собственного, а вторые применительно к улице, набережной, площади вообще. Это сквозная стратегия представления городских реалий в тексте Э. Хэмингуэя: ...windy stretch of **river bank** with *Halle aux Vins* on your right; ...**the quai des Grandes Augustins**, **the quai Voltaire**; I found one in **the rue Descartes** at the corner of the **Place Contrescarpe**; There was the church and there were shops selling religious objects and vestments on the north side of the **square**.

В русском переводе авторский приём Э. Хэмингуэя не учитывается: английские и французские наименования нейтрализуются и переводятся с помощью лексем *улица*, *улочка*, *набережная*, *площадь*. Ср.: *На улице Одеон, 12... После улицы, где гулял холодный ветер; ...набережная Великих Августинцев, набережная Вольтера; ...продуваемый ветрами участок набережной; Я нашёл её на углу улицы Декарта и площади Контрэскарп.*

Использование «чужого» слова для Э. Хэмингуэя является способом формирования образа Парижа, о котором автор писал: «Если тебе повезло и ты в молодости жил в Париже, то, где бы ты ни был потом, он до конца дней твоих останется с тобой, потому что Париж — это праздник, который всегда с тобой» (Из письма Э. Хэмингуэя). Русские переводчики сочли варваризмы излишними, посчитав, что прецедентных имен Парижа в тексте достаточно.

Особый интерес представляют собой «городские» тексты, авторы которых прекрасно владеют языком страны, являющейся объектом описания — к таким и относится «Праздник, который всегда с тобой». Рассмотрим некоторые примеры, демонстрирующие процессы конкуренции городских номинаций из разных языков в художественном тексте.

Слово *сквер* заимствовалось из английского языка в русский и французский с трансформацией лексического значения: семантика геометрической фигуры, а также площади соответствующей конфигурации оказались не востребованными в языках-реципиентах, в них закрепилось значение «небольшой городской сад для прогулок».

При создании текста — городского путешествия (открытия и освоения чужого города) наблюдается интерференция: «своя и чужая» картины мира начинают накладываться одна на другую.

<sup>18</sup> Hemingway E. A Moveable Feast. Moscow, 2004; Хэмингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой / Пер. М. Брука, Л. Петрова, Ф. Розенталя. Кишинев, 1973.

Так, в описании Парижа Э. Хемингуэем слово *сквер* употребляется как в значении, свойственном английскому языку («площадь»), так и в значении «городской сад», закрепившемся во французском и русском языках.

<p>E. Hemingway. <i>The Moveable Feast</i></p>	<p>Э. Хемингуэй. Праздник, который всегда с тобой (перевод М. Брук, Л. Петров, Ф. Розенталь)</p>
<p><i>After you came out of the Luxembourg you could walk down the narrow rue Férou to the Place St-Sulpice and there were still no restaurants, only the quiet square with its benches and trees. There was the church and there were shops selling religious objects and vestments on the north side of the square.</i></p>	<p><i>Из Люксембургского музея можно пройти по узкой улице Феру и площади Сен-Сюльпис, где тоже нет ни одного ресторана, а только тихий сквер со скамьями и деревьями. На северной стороне площади — церковь.</i></p>

У Э. Хемингуэя один и тот же объект назван сначала *Place St-Sulpice*, затем *square* (в значении площадь), а *square with its benches and trees* описывает небольшой общественный сад с рядами деревьев и скамейками.

2. Позиция путешественника (писатель, публицист, «фланёр» и др.), создающего текст-травелог на своём языке, но о чужом городе (о фрагменте чужой культуры). В этой ситуации главное — сохранить колорит чужого мира, включая в текст травелога варваризмы и экзотизмы, которые отражают, в частности, реалии городского пространства. Например, П. Вайль в «Гении места» использует *пьяцца*, *виале*, *Fondamenta* и др.: *пьяцца дей Синьори; От вокзала пересекаешь по виале Рома широкое Марсово поле... Монументальные фасады вичентинских палатцо на узких улицах не рассмотреть — хрустят шейные позвонки... В Венеции все не так: площадь — не пьяцца, а кампо (пьяцца только одна — Сан-Марко), улица — не виа, а кале... А здесь даже площадь Сан-Марко — не прямоугольник, а трапеция... Что до пьяццы Сан-Марко, то сейчас она явно эффективнее — с нарядной толпой... До сих пор в районе Риальто сохранилось название *Fondamenta di Tette* — набережная Тутек (именно так грубо, не «бюстов»), вдоль которой торчали из домов проститутки, для вящей завлекательности обнаженные по пояс; ...к Сан Джорджо дельи Скьявони надо идти по Рива дельи Скьявони (славянской набережной), главному променаду Венеции...*

П. Вайль стремится передать не только местный колорит, но и атмосферу города; он не только автор травелога (он путешествует с читателем не только по городам и странам, а также по эпохам и культурам: «хотелось отклониться от российской традиции литературоцентризма, обращаясь не только к писателям, но и к живо-

писцам, архитекторам, композиторам, кинематографистам»<sup>19</sup>), но одновременно и переводчик.

Таким образом, благодаря сопоставительному анализу вырисовывается инвариантный образ европейского города, а также выявляются отличия французского города с многообразием номинаций пешеходных улиц и итальянского, в пространстве которого язык фиксирует, например, множество площадей разных типов. Облик города у воды или на холмах демонстрирует свою специфику в наименовании городского пространства: *каналы и протоки, Рива дельи Скьявони, фундамента, калле* и др. в Венеции; *спуски и подъёмы в Москве и Киеве*. Геометрия городского пространства находит своё выражение в соотношении *авеню и «стритов»* в Нью-Йорке; *проспектов и линий*, их пересекающих, в Петербурге; *бульваров*, образующих кольцо в Москве и Париже. Соотношение этих номинаций в разных языках далеко не однозначно, перевод текстов, в частности текстов-травелогов, осложняется наличием безэквивалентной лексики, а также смысловыми расхождениями заимствованных слов. Приёмы и стратегии в интерпретации городского пространства в значительной мере зависят от авторских интенций.

---

<sup>19</sup> Вайль П. Гений места. М., 2007. С. 10.



**Т.Н. Горохова,**

аспирант Института стран Азии и Африки при МГУ  
имени М.В. Ломоносова

## **ПРОБЛЕМЫ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА ЯПОНСКИХ «АИДЗУТИ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

В статье приводится определение явления «айдзути» или «сигналов слушающего», а также рассматривается специфика употребления японских «айдзути» в устных и письменных текстах. Кроме того, подробно разбираются примеры перевода с японского на русский язык ряда весьма распространенных, однако трудных для понимания иностранцев японских «айдзути».

**Ключевые слова:** «айдзути», перевод, русский язык, японский язык.

**Tatyana N. Gorokhova,**

Graduate Student at the Institute of Asian and African Studies, the Lomonosov State University of Moscow, Russia

### **Russian Translation Adequacy Issues for Japanese Backchannels**

The article contains a definition for “backchannels” and specifies its usage features in case of Japanese oral and written backchannels. It is a well known fact that backchannels in Japanese are commonly used, but some of them continue to remain difficult for foreigners’ correct understanding. The examples of backchannel’s translation from Japanese into Russian are carefully examined in attempt to clarify the situation.

**Key words:** backchannel, translation, Russian, Japanese.

В традиционном понимании японцев «айдзути» — это своеобразные контактоустанавливающие и некоторые другие элементы, используемые слушающим.

Но поскольку мнения исследователей относительно терминологии и состава категории «айдзути» расходятся, мы сочли возможным предложить своё собственное определение, «сигналы слушающего», для изучения японских «айдзути» (а также аналогичной им категории в других языках).

Сигналы слушающего — это система вербальных и невербальных знаков, используя которую слушающий, принимая во внимание (но не подчиняясь им!) контактоустановительные действия говорящего и стиль его рассказа (в первую очередь, ритмику дыхания, фонетические минимальные предикации, заключительные паузы, просодию, тематику разговора, мимику, изобразительную и прочую жестикуляцию), влияет на дальнейшее развитие разговора, не выходя при этом за рамки коммуникативной роли «слушающего». Сигналы слушающего не обладают функцией захвата инициативы ведения разговора, не являются ответами на вопрос, этикетными формулами приветствия, благодарности, прощания и т.п.

В качестве вербальных сигналов слушающего используются: односложные и многосложные междометия (собственно лексические единицы «айдзути» или междометия внимания), эмотивно-оценочные междометия, реплики-реакции на услышанное, уточняющие вопросы, переспрашивания, подсказывания, повторы за говорящим, междометия или слова, сигнализирующие о желании слушающего прекратить обсуждение затрагиваемой тематики, но при этом не являющиеся требованием «передать слово» с целью высказаться самому. К последней группе принадлежат и «нулевые» сигналы слушающего — своеобразная «блокада» говорящего, вплоть до его полного игнорирования.

В качестве невербальных сигналов употребляются движения головы, улыбка, смех, взгляд, мимика, жесты.

Японская устная диалогическая речь представляет собой, как правило, следующую коммуникативную цепочку: высказывание говорящего — его ожидание «айдзути» — «айдзути» слушающего — высказывание говорящего — и так до окончания беседы.

Подобное строение отражается и в грамматической характеристике предложений японской устной речи. Начало предложения говорящего строится по обычным правилам, а его окончание имеет незаконченную или прерванную форму: «...тэ», «...кэдо», «...га», «...кара», «...нодэ». В конце таких предложений часто появляются «сю:дзёси» («заключительные вспомогательные частицы», например «нэ»), представляющие собой обращённые к слушателю контакто-установительные частицы говорящего.

В японской устной диалогической речи практически не употребляются глагольные сказуемые в заключительной форме, свойственные кодифицированной письменной речи — формы на «мас», «дэс», «масита», «дэсита». Они появляются только при «закрытии» определённой темы разговора. Такое построение устных текстов облегчает слушающему задачу выбора места и времени произнесения «айдзути».

Наш подход к переводу японских художественных письменных диалогов совпадает с концепцией О.Б. Сиротининой о том, что художественная литература не является буквальным переложением реальной разговорной речи — примеры из художественных произведений допустимо рассматривать только в качестве стилизации живого диалога, но отнюдь не его прямого отражения<sup>1</sup>. Тем не менее основные черты и особенности устных диалогов все-таки сохраняются и в печатных текстах.

---

<sup>1</sup> Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и её особенности: Учеб. пособие для студентов пед.институтгов по специальности «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1974. С. 39.

Письменные японские «айдзути» представляют собой частный случай общей закономерности построения письменных текстов. «Айдзути» являются характерной чертой устной разговорной диалогической речи, но в художественных диалогах они отображаются с меньшей точностью — разительно сокращается их количество, часть невербальных «айдзути» заменяется их вербальным описанием. Тем не менее автор художественного произведения, как правило, не может отказаться от использования «айдзути» в тех местах текста, где читатель не в силах их домыслить, или где они играют исключительно важную изобразительную роль.

Несмотря на устойчивую тенденцию к сокращению, опущенные «айдзути» в большинстве случаев легко восстанавливаются японским читателем из контекста, и их отсутствие, таким образом, не создает затруднений при понимании литературных произведений.

В противоположность «айдзути», легко подвергающимся эллипсису, в письменных текстах диалогов гораздо труднее обойтись без разговорной грамматики и контактоустанавливающих частиц, употребляемых говорящим в реальной ситуации диалогического общения. Эта особенность японской художественно-изобразительной практики в литературе исполняет роль «лакмусовой бумажки» для японского читателя в процессе вычленения им диалога из повествовательной массы художественного текста, неразграниченной кавычками, и помогает лучше сориентироваться при интерпретации письменных «айдзути».

Несмотря на наличие правил употребления в литературных текстах и вполне определённый смысл каждой из лексем «айдзути», ряд российских переводчиков испытывает, по всей видимости, определенные сложности при столкновении с «айдзути». К нашему сожалению, помимо явных упущений в неквалифицированных переводах (обнаруживающих исключение из русскоязычной версии «трудных» отрезков японского текста, «придумывание» перевода, значительное снижение стиля вежливости относительно японского оригинала), даже в относительно хороших переводах на русский язык встречаются курьёзные несовпадения между японскими «айдзути» и предлагаемыми читателю аналогами из русского языка.

### **Различия диалога и монолога на письме**

Прямая речь в японском тексте не всегда выделяется кавычками, что может поставить в тупик неопытного читателя и создать дополнительный сумбур с пониманием письменных «айдзути» слушающего.

Дело в том, что наличие контактоустановительных частиц говорящего в диалогическом тексте, естественно, подразумевает при-

сутствие слушающего и всегда довольно доходчиво сигнализирует читателю о том, что он столкнулся с прямой речью. Благодаря этим частицам необходимость обозначать прямую речь кавычками в японской художественной прозе отпадает в принципе, и кавычки выступают, в большей мере, как стилизация японского текста под западноевропейскую или американскую прозу. Приведём, например, фрагмент из «Мураками Рю:. Койн рокка: бэйби:дзу»<sup>2</sup> и перевод на русский язык:

Хаси о сутэта онна ва акамбо: о аравадзу ни дзэнра дэ камибукуро ни цумэ койн рокка: ни осиконда. Хаси ва тампаку арэруги: ни ёру сиссин но тамэ дзэнсин ни тэнкафун о нуларэ сэки о сицудзукэ о:то сита. Бё:ки то кусури но ниои га хако но сукима кара нагарэдэтэ гу:дзэн тоорикакатта мо:до:кэн о хоэсасэта но да. Сорэ нэ, о:кикутэ курой ину датта но, дакара боку нэ, ину ва дайдзи ни суру но, ину ва дайсуки нан да.

*Бросившая Хаси женщина положила младенца, невымытым, голеньким, в бумажный пакет и запихнула в камеру хранения. Из-за экземы, вызванной аллергией на белки, всё тельце Хаси было присыпано тальком, а от непрерывного кашля его вырвало. Запах болезни и лекарств просочился сквозь щели ячейки наружу и заставил залаять собаку-поводыря, которая случайно проходила мимо. — Представь, это был огромный черный пес. Поэтому, понимаешь, я ценю собак, я их обожаю!* (перевод мой. — Т.Г.)

Сравним с существующим переводом Мураками Рю «Дети из камеры хранения»<sup>3</sup>:

«Мать положила голенького младенца в бумажный пакет и заперла в камере хранения. Хаси был припудрен детской присыпкой, которая вызвала у него аллергию. Младенец кашлял до тех пор, пока кашель не перешел во рвоту. Запах лекарств сквозь щели в камере хранения просочился наружу, и случайно оказавшаяся поблизости собака-ищейка залаяла на камеру. Огромный чёрный пёс.

— Собаки для меня очень важны, я их очень люблю, — говорил Хаси».

Переводчик не заметил начало прямой речи в японском языке, совершенно четко отображенное посредством обращения говорящего к слушающему: «сорэ нэ» (в данном контексте — «представь»). Если переводчик неправильно разграничивает реплики слушающего и говорящего, то он оказывается в плену потенциального риска потерять в текстовой массе «айдзути» слушающего.

<sup>2</sup> Мураками Рю:. Койнрокка: бэйби:дзу (Т.1). Коданся бунко:. Токио, 2007. С. 9.

<sup>3</sup> Мураками Р. Дети из камеры хранения / Пер. с яп. А. Кабанова (гл. 20—34), Е. Рябовой (гл. 1—19). СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2006. С. 8.

## Вербальные «айдзути» слушающего в диалогах художественных произведений

Здесь мы рассмотрим случаи наиболее часто встречающихся затруднений и противоречий, связанных с переводом сигналов слушающего из японской языковой системы в русскую.

В то время как эмотивно-оценочные междометия, уточняюще-наводящие вопросы, переспрашивания, подсказывания и повторы за говорящим, лексические единицы с негативным значением, выступающие в функции «сигналов слушающего», как правило, не представляют собой серьёзных препятствий для переводчиков, междометия внимания сложнее поддаются адекватной интерпретации.

Под междометиями внимания нами подразумеваются односложные междометия, произносимые участником коммуникативного акта, слушающим чей-либо монологический отрезок устной речи. Помимо собственно первообразных междометий, к группе междометий внимания можно отнести и ряд устойчивых лексем. С их помощью слушатели выражают свое внимание, демонстрируют говорящему факт понимания произносимого текста. Основной функцией междометий внимания является поощрение собеседника к продолжению своего рассказа. Наиболее часто употребляемые в японском языке междометия внимания: «хай», «э:», «ун», «о», «а» (в зависимости от контекста они могут переводиться как «угу», «да»).

**«Наруходо» («действительно», «и в самом деле!», «ну да!», «точно», «реально» и т.п.)**

«Наруходо» — совершенно определённо на лексическом уровне выражает согласие с собеседником, сигнализирует говорящему о том, что ему удалось убедить слушающего в правильности своего высказывания. Поэтому и перевод «наруходо» на русский язык должен сохранять в себе данную семантику. В качестве примера можно рассмотреть отрывок из «Мураками Харуки. Норууэй но мори»<sup>4</sup>:

«Со:нэ:» то иттэ Мидори ва сукоси куби о хинэтта. «Мицукэё: то омоэба нантока мицукару моно да си, мицукаранака гай но най тэйдо ни цукаттяэба ий но ё». «Наруходо» то боку ва кансин ситэ итта.

*«Да-а, — Мидори задумчиво склонила голову, — захочешь отыскать — так или иначе найдешь, а не найдешь — так можно и придумать что-нибудь безвредное!» «Точно!» — восхитился я (перевод мой. — Т.Г.)*

<sup>4</sup> *Мураками Харуки. Норууэй но мори. (Т. 1) Коданся бунко: Токио, 2006. С. 133.*

Мураками Харуки «Норвежский лес»<sup>5</sup>:

— Да. — Мидори задумчиво склонила голову. — Захочешь заметить — так или иначе заметишь. А если не получится, достаточно писать посредственно.

— Вот как?

С таким вариантом перевода сложно согласиться — «наруходо» с вопросительной интонацией в качестве «сигнала слушающего» в японской устной разговорной речи просто не существует, не говоря уже о лексической составляющей версии перевода.

**«Со: нэ» («да-а», «да уж...» и т.п.)**

«Со: нэ» — пример лексемы, входящей не во все словари (её нет, например, в двухтомном японско-русском словаре под редакцией Н.И. Конрада), что создаёт определённые трудности при переводе. Согласно статьям толковых словарей, «со: нэ» означает согласие слушающего с собеседником, его общий положительный настрой, душевное расположение.

Например, «Мураками Харуки. Норууэй но мори»<sup>6</sup>:

«Дзаннэн нэ:, мо: сукоси юккури ситэйкэба ий но ни». «Сонна кото ситэтара, боку мо дзутто коко ни ицу итяисо: дэс ё» то боку ва вараттэ итта. «Ма, со: нэ» то Рэйко сан ва итта. Сорэ кара Наоко ни «Со: да, Ока сан но токоро ни иттэ будо: мораттэ конакуття. Суккари васурэтэта» то итта.

— *Жаль, хорошо бы так пожить ещё немного без спешки.*

— *Если так вот поживёшь, то и меня тоже потянет остаться здесь навсегда, — рассмеялся я.*

— Да-а, — сказала Рэйко. А затем обратилась к Наоко:

— *Слушай! Надо же сходить к Ока за виноградом! Совсем вылетело из головы* (перевод мой. — Т.Г.)

Мураками Харуки «Норвежский лес»<sup>7</sup>:

— Жаль. Пожил бы еще немного.

— Поживу — глядишь, останусь навсегда, — рассмеялся я.

— Держи карман. — И Рэйко, обращаясь к Наоко, воскликнула: — *Надо же сходить к Ока за виноградом! Совсем вылетело из головы.*

Совершенно очевидно, что здесь получился перевод «с точностью до наоборот» — «со: нэ» ни в коем случае не подразумевает возражение собеседнику, пусть даже и в шуточной форме.

<sup>5</sup> Мураками Х. Норвежский лес: роман / Пер. с яп. А. Замилова. М.: Эксмо, 2006. С. 89.

<sup>6</sup> Мураками Харуки. Норууэй но мори. (Т. 2) Кодансан бунко.: Токио, 2006. С. 7.

<sup>7</sup> Мураками Х. Норвежский лес: роман / Пер. с яп. А. Замилова. М.: Эксмо, 2006. С. 191.

### «Фу:н» («угу», «ага», «а-а», «м-мм» и т.п.)

«Фу:н» — лексема «айдзути», практически не встречающаяся в словарях.

По нашему мнению, данный «сигнал слушающего» сообщает рассказчику о недостаточной заинтересованности партнёра в разговоре и употребляется главным образом для демонстрации формального внимания.

Исходя из этого можно предположить, что наиболее подходящие русские эквиваленты «фу:н» — междометия внимания, такие, как «угу», «ага», «а-а», «м-мм» и т.п. Чем длиннее гласный «у:» — тем меньше степень обозначаемого энтузиазма. Однако в случае сокращения гласного «у:» до «у» речь должна идти, по всей видимости, уже о другой лексеме. В отличие от «фу:н», «фун» выражает фамильярное согласие с собеседником, но может иметь и оттенок недовольства, пренебрежительного отношения к партнеру по диалогу. Что касается последних негативных значений, то в толковых словарях для «фун» приводится синоним «хэн». При этом «фун» также может совпадать по смыслу с лексемой «фуму». В подобных случаях «фун» допустимо переводить на русский язык междометиями «хм» или «гм», имеющими и в русской языковой практике негативные коннотации. Тем не менее, в процессе перевода не всегда удается проводить различия между такими «айдзути», как «фу:н», «фун» и «фуму».

Например, «Мураками Харуки. Норууэй но мори»<sup>8</sup>:

«Дорэ курай ватаси но кото суки?» то Мидори га кийта. «Сэкайдзю: но дзянгуру но тора га минна токэтэ бата: ни наттэ симау курай суки да» то боку ва итта. «Фу:н» то Мидори ва сукоси мандзоку сита ё: ни итта. «Мо: итидо дайтэ курэру?»

«Как сильно ты меня любишь?» — спросила Мидори. «Люблю так сильно, как если бы расплавились и превратились в сливочное масло все тигры джунглей в мире», — сказал я. «А-а, — произнесла с неким удовлетворением Мидори, — обнимешь меня ещё раз?» (перевод мой. — Т.Г.)

Мураками Харуки «Норвежский лес»<sup>9</sup>:

— Как сильно ты меня любишь?

— Как если бы расплавились и стали маслом все тигры джунглей в мире.

— Хм-м, — недовольно протянула Мидори. — Обними-ка меня еще раз.

<sup>8</sup> Мураками Харуки. Норууэй но мори. С. 236.

<sup>9</sup> Мураками Х. Норвежский лес. С. 331.

Представляется, что в этом переводе отразилась неверная трактовка японского «фу:н», в результате чего отождествлены «фу:н» и «фун» и выбран неподходящий русский эквивалент. Более того, к подобранному таким образом переводу «айдзути» на русский язык искусственно притянут и ошибочный перевод японского «сукуси мандзоку сита ё: ни» (в данном контексте — «с неким удовлетворением», а не «недовольно»).

### «Ун» («угу», «ага» и т.п.)

Японское междометие внимания «ун» означает в целом положительную реакцию слушающего, иногда даже его согласие с получаемой информацией. При этом «ун» стилистически отличается от синонимичных лексем «хай» и «э»: — междометие «ун» более фамильярно. «Ун» — одна из самых широко используемых лексем среди «айдзути» в неофициальном устном диалоге и является, прежде всего, выражением внимания слушающего к говорящему.

Например, «Мураками Харуки. Дансу, дансу, дансу»<sup>10</sup>:

«Аната то иру но ттэ суки ё» то канодзё ва йу. «Токи доки нэ, сугоку аната ни аитаку нару но. Кайся дэ хатарайтэ иру токи то ка нэ». «Ун» то боку ва йу. «Токидоки» то канодзё ва котоба о кё:тё: ситэ йу. Соситэ сандзю: бё: курай ма о оку. Хю:ман ри:гу но ута га овари, сиранай бандо но кёку ни нару. «Сорэ га мондайтэн на но ё, аната но» то канодзё ва цудзукэру. «Ватаси ва аната то футари дэ ко: ситэ иру но ттэ дайсуки нан да кэдо, майнити аса кара бан мадэ дзутто иссёни итай то ва омоэнай но ё. До: йу вакэ ка». «Ун» то боку ва йу.

*«Люблю, когда мы вдвоём, — говорит она, — иногда ужасно скучаю по тебе. На работе, например...». «Угу», — произношу я. «Иногда», — подчёркивает она. Потом молчит с полминуты. Заканчивается «Хьюмэн Лиг», начинается что-то незнакомое. «Вот в чем проблема-то, твоя проблема, — продолжает она, — я очень люблю, когда мы вот так, вдвоём, но быть с тобой всё время, каждый день с утра до вечера, не хочется... И отчего?». «Угу», — повторяю я (перевод мой. — Т.Г.)*

Мураками Харуки «Дэнс.Дэнс.Дэнс»<sup>11</sup>:

— Ужасно люблю, когда мы вдвоем, — говорит она. — Иногда бывает — так захочу к тебе, прямо сил нет! На работе, например...

— Хм...

— Иногда, — подчёркивает она. И потом молчит с полминуты. Заканчивается «Хьюмэн Лиг», начинается что-то незнакомое. — Вот

<sup>10</sup> Мураками Харуки. Дансу, дансу, дансу. (Т. 1) Коданса бунко.: Токио, 2007. С. 21.

<sup>11</sup> Мураками Х. Дэнс.Дэнс.Дэнс / Пер. с яп. Д. Коваленина. СПб.: Амфора, 2004. С. 15.



в чем проблема-то... *Твоя* проблема, — продолжает она. — Мне, например, страшно нравится, когда мы вот так... Но быть с тобой каждый день с утра до вечера почему-то не хочется... Отчего бы, а? — Хм, — повторяю я.

Приведённый перевод, по крайней мере, не точный. Относительно значения «хм» в толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова указывается, что «хм» и «гм» обозначают сомнение, недоверие, иронию. Они также служат для выражения двусмысленного намека, многозначительного умолчания<sup>12</sup>. Контекст произведения Х. Мураками иронии или недоверия не подразумевает — слушающий употребляет стандартные для японцев междометия внимания «ун», которые следует переводить на русский язык междометиями внимания соответственно.

**«Хэ:» («ничего себе!», «ого!», «вот это да!» и т.п.)**

Анализ словарных статей позволяет сделать вывод о том, что в стандартном японском языке «хэ:» выражает удивление, восхищение, восторженную заинтересованность, и даже удивлённую подозрительность слушающего. Помимо общепринятого значения «хэ:» имеет и диалектный смысл — женщины из района Кансай употребляют данную лексему в качестве междометия внимания для обозначения согласия, своего позитивного настроения на ведение беседы. Как показывает практика, некоторые переводчики отождествляют «хэ:» с «хэ», видя в них синонимы. Однако словари подтверждают обратное. Лексема «хэ» может быть синонимичной слову «хэй» в своем устаревшем значении — они использовались торговцами в качестве междометий фамильярной речи и были синонимичны современному междометию «хай».

В настоящее время «хэ» может использоваться для подшучивания над собеседником, и синонимом такой лексемы «хэ» считается слово «хэн». Таким образом, согласие с собеседником выражают только устаревшее «хэ» и «хэ:» в своем диалектном значении, а в стандартном японском слово «хэ:» определённо несёт в себе смысл передачи сильных эмоций, близких к удивлению.

Например, «Мураками Харуки. Дансу, дансу, дансу»<sup>13</sup>:

«Коно кёку ситтэру» то боку ва итта. «Мукаси Миракурудзу га утатта н да. Сумо:ки: Робинсон то Миракурудзу. Боку га дзю: го ка дзю: року но коро». «Хэ:» то Юки ва кё:ми наса со: ни итта.

<sup>12</sup> Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Электронный ресурс] / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935—1940. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>.

<sup>13</sup> *Мураками Харуки*. Дансу, дансу, дансу. С. 231.

«О, эту песню я знаю, — сказал я, — её раньше “Мирэкэлз” пели. Смоуки Робинсон и “Мирэкэлз”. Мне тогда было лет пятнадцать-шестнадцать». «Ничего ж себе», — протянула Юки без особого интереса (перевод мой. — Т.Г.)

Мураками Харуки «Дэнс.Дэнс.Дэнс»<sup>14</sup>:

— О, эту песню я знаю! — сказал я. — Её раньше «Мирэкэлз» пели. Смоуки Робинсон и «Мирэкэлз». Мне тогда было лет пятнадцать или шестнадцать...

— А-а, — протянула Юки без особого интереса.

На протяжении всего текста героиня романа Юки не использует кансайский диалект и говорит на обычном токийском — вряд ли она внезапно переключилась на использование диалектизмов в своей речи. Поэтому «хэ:» следует перевести на русский язык междометием, выражающим удивление, независимо от того, что Юки в действительности произнесла своё «хэ:» «без особого интереса» — это задуманное автором противопоставление экспрессивных слов героини и её действительных эмоций.

\* \* \*

Анализ «айдзути» и перевода этих единиц на русский язык подтверждает, что неверно оценивать их всего лишь как незначительную деталь художественного текста, которой можно и пренебречь. Именно «айдзути» создают важные смысловые оттенки, эмоциональный фон художественных диалоговых сцен. «Айдзути» — это те штрихи художника, которые помогают придать индивидуальность характеру героя, драматизм или безмятежность изображаемой ситуации человеческих отношений.

Помимо очевидной переводческой «неряшливости» существует, несомненно, и чисто техническая трудность — недостаточная проработанность аспекта «айдзути» в словарях. Зачастую лексемы «айдзути» или отсутствуют, или указано только одно значение из ряда возможных.

Более глубокое и систематическое изучение вербальных и невербальных «сигналов слушающего» в японском языке будет способствовать решению проблемы адекватного перевода на русский язык.

### **Список литературы**

Мураками Р. Дети из камеры хранения / Пер. с яп. А. Кабанова (гл. 20—34), Е. Рябовой (гл. 1—19). СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2006. 556 с.

---

<sup>14</sup> Мураками Х. Дэнс.Дэнс.Дэнс / Пер. с яп. Д. Коваленина. СПб.: Амфора, 2004. С. 163.

- Мураками Х.* Дэнс.Дэнс.Дэнс: Роман / Пер. с яп. Д. Коваленина. СПб.: Амфора, 2004. 571 с.
- Мураками Х.* Норвежский лес: Роман / Пер. с яп. А. Замилова. М.: Эксмо, 2006. 368 с.
- Раздорский А.И.* Национально-культурные особенности коммуникации в японском устном диалоге: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 212 с.
- Сиротинина О.Б.* Современная разговорная речь и ее особенности: Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1974. 144 с.
- Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Электронный ресурс] / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935—1940. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>.
- Yngve Victor H.* On getting a word in edgewise. Chicago Linguistic Society. 6<sup>th</sup>. 1970. P. 567—578.
- Мидзутани Нобуко.* Аидзутирон. Нихонгогаку. № 12. Сб. 7. Токио: Мэйдзи сёин, 1988. С. 4—11.
- Миядзи Ацукю.* Укэкотаэ. Кокугогаку. № 39. Токио, 1959. С. 85—98.
- Мураками Рю.* Койнрокка: бэйби:дзу (Т. 1). Ко:данся бунко:. Токио, 2007. 258 с.
- Мураками Харуки.* Дансу, дансу, дансу. (Т. 1) Ко:данся бунко:. Токио, 2007. 415 с.
- Мураками Харуки.* Норууэй но мори. (Т. 1, 2.) Ко:данся бунко:. Токио, 2006. 302, 293с.
- О:хама Руйко, Ямадзакки Миюки, Нагата Рё:та.* Мити кики данва ни окэру аидзути но кино:. Нихонго кё:ику. № 96. Сб. 3. Токио, 1988. С. 73—84.

**И.Х. Хунтхужева,**

аспирант, старший преподаватель кафедры романских языков  
Кабардино-Балкарского Государственного университета

## **СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ЯЗЫК» В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ**

Эта статья посвящена структурно-семантическим аспектам перевода концептосферы «язык» в различных лингвокультурах, представленных русским, французским и кабардино-черкесским языками. Ключевой проблемой теории перевода, на наш взгляд, является достижение эквивалентности при коммуникативном столкновении двух и более языков. Большой интерес, проявляемый лингвистами к данной проблеме, приводит к необходимости разграничения понятий *значение* и *смысл*. Выделенный нами семантический компонент «язык» особенно продуктивен в образовании фразеологизмов трёх рассмотренных нами языков и демонстрирует в исследуемых языках высокую степень соответствия концептов, установленных нами в процессе структурно-семантического подхода к исследованию переводного текста.

**Ключевые слова:** коммуникативная теория перевода, эквивалентность, значение, смысл, концепт, язык.

**Inna Kh. Khuntkhuzheva,**

Senior Lecturer at the Chair of Romance Languages, Kabardino-Balkarian State University, Russia

### **The structural-semantic aspects of the translation of conceptosphere «language» in languages of different systems**

The article is devoted to the structural-semantic aspects of the translation of conceptosphere «language» in different lingo-cultures which are presented by the Russian, the French and the Kabardian-Cherkessian languages. To our mind, the key problem is the attainment of equivalence at communicative collusion of two or more languages. The great interest the linguists show to that problem leads to the necessity to differentiate the notions *sense* and *meaning*. The semantic component “language” which we singled out is particularly productive in the formation of phraseologisms of the three investigated languages and it demonstrated the high level of congruence of concepts which we revealed in a process of the structural-semantic search from the point of view of the translated text.

**Key-words:** communicative translation theory, equivalence, sense, meaning, concept, language.

Язык является неотъемлемым, сущностным свойством человека. В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека [Бенвенист, 1974, с. 293].

Но язык подобно своему создателю не стоит на месте. Он как полноценный организм живет и развивается. Так язык в настоящее время вышел далеко за рамки своей первоначальной коммуника-

тивной функции, он отражает окружающий нас мир, как губка, впитывая его различные проявления, традиции, культуру. И прежде всего это касается словарного состава языка, представляющего собой систему ценностей, передаваемую из поколения в поколение. Слово определяется как «коллективная память носителей языка», «памятник культуры», «зеркало жизни нации» [Верещагин, Костомаров, 1980, с. 105]. И все же основной функцией языка, на наш взгляд, остаётся его коммуникативная мотивация, конечной целью которой является достижение эквивалентности. Понятие эквивалентности по-прежнему остается ключевой проблемой теории перевода. Решение этой проблемы требует уточнения иерархического отношения, существующего между языковым значением текста (его семантикой) и его прагматическим смыслом, и без ее предварительного решения невозможно рассматривать какую-либо теорию речевой коммуникации, тем более двуязычной. Именно смещение этих понятий было главной причиной несколько запоздалого развития коммуникативной теории перевода, в рамках которой рассматривается коммуникативная эквивалентность, определяемая на основании базового принципа перевода и предполагающая максимально возможную верность концептуальной программе автора исходного текста и приемлемость переводного текста в принимающей культуре [Львовская, 2007, с. 74].

Значение является языковой категорией. Значение любой языковой единицы всегда будет иметь объективный характер для социально-культурного сообщества, потому что значение — это социально-кодифицированная форма общественного опыта [Леонтьев, 1972, с. 136]. В то же время объективный характер языковых значений не подразумевает, что они воспринимаются индивидом как абсолютные. Каждый коммуникант воспринимает и интерпретирует языковое значение в зависимости от своих мотивов и целей, своих экстралингвистических знаний, ценностей, предпочтений, и именно здесь осуществляется выход из сферы значения (лингвистика) и вхождение в сферу смысла (коммуникация) [Львовская, 2007, с. 50]. В отличие от значения, смысл представляет собой экстралингвистическую и субъективную категорию, так как является результатом мотива и цели коммуникативной деятельности индивида в данной ситуации.

Будучи лингвистической категорией и поэтому принадлежащей к языковой системе, значение, равно как грамматические формы и другие элементы системы, может не совпадать в двух языках по различным параметрам. Смысл же, являясь коммуникативной и субъективной категорией, зависит не от совпадений между двумя языками, а от менталитета носителей этих языков, восприятия ими мира, привычек, ценностей, а также от самой реальной

действительности, в которой действует индивид, наконец, от многочисленных факторов, которые образуют культурную полисистему [Львовская, 2007, с. 53].

Разграничение или выделение смысла в определении слова-имени мы находим в известной работе А.Ф. Лосева, который полагает, что «слово или имя, есть смысл или понимаемая, разумеваемая сущность», т.е. *слово*, согласно А.Ф. Лосеву, не просто смысл, но именно «смысл, данный в ином; *имя* есть символически-смысловая, умно-символическая энергия сущности» [Лосев, 1990, с. 135]. Отходя от понимания имени как психологического, метафизического к диалектической логике — логике противоречий, А.Ф. Лосев отмечает, что диалектическая логика обязана дать не только описание раздельно данных моментов «смысла», которые как-то и кем-то, какими-то мистическими «фактами» и каким-то агностицистским «миром» естественной установки приводятся в связь, создаются и «аналогически» действуют, но объяснить смысл во всех его смысловых же связях, во всей его смысловой, структурной взаимосвязанности и самопорождаемости [Лосев, 1990, с. 135].

Таким образом, А.Ф. Лосев приходит к выводу о том, что одну категорию надо объяснять другой категорией, так чтобы видно было, как одна категория порождает другую и все вместе — друг друга не натуралистически, но — эйдетически, категориально, оставаясь в сфере смысла же [там же, с. 13]. Еще ранее подобное высказывание можно было найти в даосизме, например: «Сравнивая свойство со свойством, отрицают, [что это] свойство; но лучше отрицать, [что это], свойство сравнивая не со свойством. Сравнивая коня с конем, отрицают, [что это] конь; но лучше отрицать, [что это] конь, сравнивая коня не с конем» [Антология мысли, 2000, с. 159].

В связи с этим большой лингвистический интерес представляет мнение А.В. Бондарко, который обращает внимание на постановку вопроса о специфике языкового представления смыслового содержания, на то, как соотносятся универсальные мыслительные основания языковых значений с особенностями плана содержания в каждом языке. В настоящее время рассматриваемый круг проблем, по мнению А.В. Бондарко, приобретает свою актуальность еще и с развитием когнитивной лингвистики, семантической типологии и теории перевода семантических единиц. Так, согласно А.В. Бондарко, необходимо различать: 1) языковые значения, т.е. значения единиц, классов и категорий данного языка и 2) смысл (смысловое, мыслительное, когнитивное содержание) [Бондарко, 1996, с. 4—5].

Большой интерес, проявившийся в последнее время к структурной семантике, не случаен. Не случаен и всё возрастающий интерес к изучению различных лингвистических аспектов, связанных

с рассмотрением структурно-семантических связей языковых значений с привлечением к исследованию языков различных типов. О.Н. Селиверстова пишет, что сопоставление языков давно привлекает лингвистов. С этим направлением исследований связаны, в частности, имена таких учёных, как И.А. Бодуэн де Куртенэ, М.М. Покровский, Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов и др. [Селиверстова, 1990, с. 3].

Подобное отношение к языку выявило актуальность перехода от лингвистики, занимающейся вопросом о том, как устроен язык, т.е. рассматривающей «язык в самом себе и для себя», к сопоставительной лингвистике, изучающей конкретную специфику и многообразие свойств и категорий каждого языка в сравнении с другими. Сопоставительные исследования сквозь призму переводного текста играют большую роль в изучении специфики номинативных средств языка, так как нельзя не согласиться с тем фактом, что культурные модели невидимы в рамках своего культурного сообщества и будут выделяться при сопоставлении с другими [Сысоев, 2003, с. 111].

Сопоставительная проблема антропологизации знаний о языке и культуре в конце XX в. затронула практически все сферы научного познания, в том числе и перевод, который всегда эксплицитно (цель) и имплицитно (средство) присутствует в сопоставительной лингвистике, способствующей раскрытию не только закономерностей развития как самого языка, но и содержательной (смысловой) стороны, его культурологической специфики, заложенной в языковых единицах [Шомахова, 2008, с. 223].

У каждого народа своя история, свои исторически сложившиеся условия жизни, собственная специфика развития общественного сознания, что в совокупности обуславливает путь от внеязыковой реальности к понятию и далее к его словесному выражению. Соответственно у разных народов различной будет и языковая картина мира, проявляющаяся в принципах категоризации действительности и материализующаяся в лексике и грамматике. Изучение смыслового (содержательного) уровня эквивалентности «языков» культур поможет исследователю установить их сходства и различия, сложность которых, по справедливому замечанию Н.К. Гарбовского, состоит в асимметрии языковых картин мира, различном членении действительности языками, сталкивающимися в переводе, различных тенденциях языкового общения, проявляющихся, в частности, в стремлении одного языка использовать более конкретные обозначения там, где другой использует более общие, и наоборот [Гарбовский, 2007, с. 235].

В семантических теориях перевода на первый план выходит категория концепта как одной из форм познания, формирующая

систему смыслов речевого произведения и отражающая в обобщенном виде явления действительности и связи между ними. Концепт включает в себя максимальное количество признаков отражаемых объектов. В его содержании находит отражение отношение народа, носителя данной культуры, к объекту в определённую историческую эпоху, в определённых социальных условиях. Для семантической теории перевода чрезвычайно важно различать общекультурные концепты (универсальные культуремы), присущие человеческой культуре в целом, концепты культуры некоторого этноса (этнокультуремы), возникающие на основе какого-либо конкретного языка, и концепты, формирующиеся в сознании конкретного индивида [Кольцова, 2008, с. 45]. В рамках данной статьи мы попытаемся установить степень универсальности/уникальности некоторых концептов, выведенных при сравнении фразеологических единиц разносистемных языков.

Объектом нашего исследования стали фразеологизмы, так как они справедливо считаются одними из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка. По справедливому замечанию В.М. Телия, взаимодействие языка и культуры проявляется в способности языка воплощать выделенные в культуре и облечённые в характерные для неё знаковые формы категории, образующие концептосферу культуры, теми средствами и способами, которые характерны для языка как особой, отличной от культуры знаковой системы, с одной стороны, а с другой — в способности концептов культуры или отдельных концептообразующих их признаков воплощаться в знаковые средства естественного языка [Телия, 2006, с. 776].

В свете вышесказанного любопытным становится изучение фразеологизмов в различных лингвокультурах. Фразеологическая единица представляет собой особый тип языкового знака, характеризующийся такими важными аспектами, как форма, содержание и употребление. В аспекте содержания или семантическом аспекте фразеологизмы характеризуются идиоматичностью, т.е. тем, что их значение не выводится непосредственно из прямых значений входящих в них слов, в их основе лежит определённый образ. Употребляя термин идиоматичность, мы подразумеваем прежде всего понятие «межъязыковой идиоматичности», определяемой В.М. Савицким как отношение между разноязыковыми аналогами. Межъязыковая идиоматичность как свойство языковой единицы — это её структурное своеобразие, т.е. позитивное структурное отличие от аналога (аналогов) в другом языке (языках) в рамках мотивационного сектора. При этом, как правило, структурное различие или своеобразие в одном плане устанавливается на фоне совпадения структур в другом плане [Савицкий, 2006, с. 33—34].



Данное суждение мы постараемся проиллюстрировать, исследовав фразеологизмы французского, русского и кабардино-черкесского языков, содержащих семантический компонент *langue/язык/бэз (бэзгу)*. Выбор данной категории фразеологизмов, а именно тех, лексическим компонентом которых являются части человеческого тела, не случаен, так как люди часто соизмеряют окружающий его мир посредством частей своего тела. Используя их названия в переносном значении, человек более полно передаёт свои мысли и чувства, своё душевное состояние, поэтому названия частей тела являются важным объектом исследования современной семантической теории перевода.

#### КРАСНОРЕЧИЕ

**фр. яз.** *Langue dorée* ‘златоуст, краснобай’ [НБФ-РФС, с. 880], *avoir la langue dorée* ‘говорить увлекательно, очаровывать речью, иметь дар слова’ [там же, с. 880]. *faire merveilles du plat de la langue* ‘разглагольствовать, краснобайствовать’ [там же, с. 985].

**рус. яз.** *Язык* хорошо подвешен ‘кто-л. умеет свободно, гладко, красноречиво говорить’ [ФСРЯ, с. 541].

**каб.-черк. яз.** *Бэз лэпл* ‘ласковый добрый на слово, златоуст’ [К-РФС, с. 36].

#### ЗЛО/ЗЛОБА

**фр. яз.** *Langue effilée* ‘острый язык’ [НБФ-РФС, с. 880], *langue de serpent (de vipère)* ‘ядовитый, злой язык’ [там же, с. 880], *mauvaise (méchante) langue* ‘злой язык’ [там же, с. 880], *coup de langue* ‘колкость, злословие’ [там же, с. 394].

**рус. яз.** *Злой язык* ‘кто-либо очень зло, саркастически говорит о ком-либо или о чем-либо’ [УР-ФФС, с. 540].

**каб.-черк. яз.** *Бэз бзаджэ, бэз дыдж* ‘злой язык’ [К-РФС, с. 36].

#### ДВУЛИЧИЕ

**фр. яз.** *Langue d'or* ‘медовый язык, льстивый язык’ [НБФ-РФС, с. 880].

**каб.-черк. яз.** *И бээр лэплрэ и гур флеуэ* ‘язык сладок, да сердце грязно’ [К-РФС, с. 36].

#### БОЛТЛИВОСТЬ

**фр. яз.** *Bonne langue* ‘болтун’ [НБФ-РФС, с. 880], *à pleine langue* ‘не закрывая рта’ [НБФ-РФС, с. 880], *avoir la langue bien longue* ‘не уметь держать *язык* за зубами’ [там же, с. 880], *ne pas savoir (tenir) sa langue* ‘проболтаться, не уметь держать язык за зубами’ [там же, с. 882], *mal gouverner (ne pas savoir conduire) sa langue* ‘не уметь держать *язык* за зубами, быть несдержанным на *язык*, не уметь хранить тайну’ [там же, с. 881], *sa langue va comme un claquet de moulin* ‘у него *язык* без костей, у него *язык* как трешетка’ [там же, с. 882], *il n'aura pas de langue pour la moitié de sa vie* ‘если он будет так болтать, ему до конца жизни слов не хватит’ [там же, с. 882], *la langue lui va toujours* ‘Он болтает без умолку’ [там же, с. 882].

**рус. яз.** *Длинный язык* ‘излишняя болтливость, разговорчивость’ [СОВРЯ, с. 31], *язык без костей* ‘безудержная болтливость’ [там же, с. 47], слаб на *язык* ‘чересчур болтлив’ [ФСРЯ, с. 429].

**каб.-черк. яз.** *Бзэгум кьунцхьэ хэлкьым* ‘язык без костей’ [Львовская, 2007, с. 35], и *бзэм хуитыжыркьым* ‘не уметь держать язык за зубами’ [К-РФС, с. 35].

#### НЕСДЕРЖАННОСТЬ/НЕТЕРПЕЛИВОСТЬ

**фр. яз.** *Bruler la langue* à qn ‘вертеться у кого-либо на языке’; *cela lui brule la langue* ‘у него язык так и чешется’ [НБФ-РФС, с. 880], *être sur la langue* ‘быть готовым сорваться с языка, быть на языке’ [там же, с. 881], *la langue me (lui) démange de dire* ‘у меня (у него) язык чешется сказать, не терпится сказать’ [там же, с. 882], *avoir qch au bout de la langue* ‘вертеться на языке, так и просится с языка’ [там же, с. 209], *avoir un mot sur le bout de la langue* ‘Слово вертится на языке’ [там же, с. 1034].

**рус. яз.** *Язык чешется у кого-либо* ‘трудно молчать, не терпится сказать’ [ТСРЯ, с. 913], *на языке вертится* ‘очень хочется, не терпится рассказать’ [там же, с. 913].

**каб.-черк.яз.** *Бзэгупэм пыльын* ‘вертеться на языке’ [К-РФС, с. 37],  
МОЛЧАНИЕ

**фр. яз.** *Avaler sa langue* ‘молчать словно воды в рот набрать, прикусить язык’ [НБФ-РФС, с. 880], *n’avoir point de langue* ‘не болтать, хранить молчание, держать язык за зубами’ [там же, с. 880], *ravaler sa langue* ‘прикусить язык’ [Савицкий, 2006, с. 881], *garder la langue* ‘держат язык за зубами’ [НБФ-РФС, с. 881], *tenir sa langue* ‘помалкивать, держать язык за зубами’ [там же, с. 882].

**рус. яз.** *Проглотить язык* ‘замолчать, перестать говорить’ [УР-ФФС, с. 361].

**каб.-черк. яз.** *Бзэгум едзэкэжын* ‘прикусить язык’ [К-РФС, с. 35].

#### ОНЕМЕНИЕ/РАСТЕРЯННОСТЬ

**фр. яз.** *Perdre sa langue* ‘язык отнялся’ [НБФ-РФС, с. 881].

**рус. яз.** *Язык отнялся* [УР-ФФС, с. 305], *язык завалился за щеку* ‘кто-л. замолчал от неожиданности, растерянности’ [ФСРЛЯ с. 271].

**каб.-черк. яз.** *И бзэ иубыда* ‘бессловесный’ [К-РФС с. 36].

#### ОПЬЯНЕНИЕ

**фр. яз.** *Langue empatée* ‘заплетающийся язык’ [НБФ-РФС, с. 880], *avoir la langue mêlée* ‘языком не ворочает, лыком не вязать’ [там же, с. 880], *avoir un cheveu sur la langue* ‘говорить заплетающимся языком’ [там же, с. 301].

**рус. яз.** *Язык заплетается* ‘Кто-л. не может членораздельно, ясно сказать что-л.’ [ФСРЯ, с. 540].

**каб.-черк. яз.** *И бзэгур клэрэхьужыркьым* ‘языком не ворочает’ [К-РФС с. 35].

## ДЕФЕКТЫ

**фр. яз.** *Avoir la langue grasse* ‘картавить’ [НБФ-РФС, с. 881].

**каб.-черк. яз.** *Бээгурафэ* ‘картавить, шепелявить’ [К-РФС, с. 36].

## НЕОБДУМАННОСТЬ/НЕУМЕСТНОСТЬ

**фр. яз.** *Avoir la langue légère* ‘говорить необдуманно, опрометчиво’ [НБФ-РФС, с. 881], *la langue lui a fourché* ‘он оговорился, обмолвился’ [там же, с. 882].

**рус. яз.** *Сорваться с языка* ‘невольно некстати быть высказанным в речи’ [СОВРЯ, с. 231].

## СПЛЕТНИ/СЛУХИ

**фр. яз.** *Faire aller (courir) les langues* ‘вызвать толки, пересуды’ [НБФ-РФС, с. 881], *passer qn. au fil de la langue* ‘перемывать чьи-либо косточки’ [там же, с. 667], *être sujet aux langues* ‘быть предметом злословия, чьих-либо пересудов’ [там же, с. 1455], *passer qn au fil de la langue* ‘перемывать чьи-л. косточки’ [там же, с. 667].

**рус. яз.** *Длинный язык* ‘у кого-либо есть обыкновение распускать сплетни, слухи’ [СОВРЯ, с. 31], *чесать языками* ‘сплетничать, судачить, злословить о ком-л.’ [ФСРЯ, с. 526].

**каб.-черк. яз.** *Зи бээ дыкбуакбуэ* ‘сплетик’ [К-РФС, с. 35], *бээгуцэ* ‘сплетник’ [там же, с. 35].

## СИЛА

**фр. яз.** *Un coup de langue est pire qu’un coup de lance* ‘Злые языки страшнее пистолета’ [НБФ-РФС, с. 394], *la langue n’a ni grain ni os, et rompt l’échine et le dos* ‘не ножа бойся, а языка’ [там же, с. 882].

**каб.-черк. яз.** *Бээгур джатэм нэхэрэ нэхэ жаниц* ‘язык острее мяча’ [К-РФС, с. 36].

## ИЗНЕМОЖЕНИЕ

**фр. яз.** *Tirer la langue* ‘дойти до полного изнеможения, выбиться из сил, надорваться’ [НБФ-РФС, с. 882].

**рус. яз.** *Высунув язык бежать, искать* ‘изо всех сил, очень быстро, на пределе своих физических возможностей’ [СОВРЯ, с. 54].

## СВЯЗЬ

**фр. яз.** *La langue va où la dent fait mal* ‘что у кого болит, тот о том и говорит’ [НБФ-РФС, с. 882].

**рус. яз.** *Что на уме, то и на языке* [ТСРЯ, с. 913].

**каб.-черк. яз.** *Бээгур гум и тэрмэшиц* ‘язык переводчик сердца’ [К-РФС, с. 37].

## КЛЯТВА

**фр. яз.** *Perdre sa langue* ‘отдать голову на отсечение, ручаться головой’ [Савицкий, 2006, с. 881], *donner sa langue à couper* ‘дать голову на отсечение’ [НБФ-РФС, с. 881].

**рус. яз.** *Отсохни (у меня) язык* ‘клятвенное заверение в том, что сказанное правда’ [УР-ФФС, с. 306].

## НЕПРИСТОЙНОСТЬ/БРАНЬ

**фр. яз.** *Langue des carrefours* 'площадная брань' [НБФ-РФС, с. 253].

**рус. яз.** *Распутить язык* 'не сдерживая себя говорить непристойности, употреблять грубые, бранные слова' [СОВРЯ, с. 228].

**каб.-черк. яз.** *Бээр къэтлэтэн* 'говорить непристойно' [К-РФС, с. 35].

## ПОБУЖДЕНИЕ

**фр. яз.** *Délier (dépouet) la langue* 'развязать язык' [НБФ-РФС, с. 881].

**рус. яз.** Тянуть за *язык* 'вынуждать говорить' [СОВРЯ, с. 232].

## РАСКАЯНИЕ/ ДОСАДА

**фр. яз.** *Se mordre la langue d'avoir parlé* 'раскаиваться в своих словах' [НБФ-РФС, с. 881].

**рус. яз.** Черт дернул за *язык* (дернуло за *язык*) 'угораздило сказать' [СОВРЯ, с. 232].

## ТРУДНОСТЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ

**рус. яз.** *Язык* сломаешь 'очень трудный для произношения' [ФСРЯ, с. 433].

**каб.-черк.** *Бээр хуэкьутэн* 'сломать язык, обучаясь говорить на народном, трудном для произношения языке' [К-РФС, с. 35].

Проведённый структурно-семантический анализ переводного текста с дальнейшим его сопоставлением с русским языком на уровне концептосферы ЯЗЫК дает нам основание сделать следующие выводы:

а) полное структурно-семантическое совпадение концептов: красноречие, зло/злоба, болтливость, нетерпеливость/несдержанность, молчание, онемение/растерянность, опьянение, сплетни/слухи, связь, непристойность/брань в трех исследуемых языках;

б) в русской и во французской лингвокультурах устанавливаются следующие совпадения: необдуманность/неуместность, изнеможение, клятва, побуждение, раскаяние/досада;

в) для французского и кабардино-черкесского языков отличительной чертой являются совпадения концептов: двуличие, дефекты, сила, трудность произношения, которых нет в русском языке.

Как видно, лексемы, обозначающие части тела человека, чрезвычайно продуктивны в образовании фразеологизмов как во французском, так и в русском и кабардино-черкесском языках. Приведенные выше примеры демонстрируют высокую степень соответствия друг другу, так как они непосредственно связаны с восприятием мира, его познанием, изменением и вызывают ассоциации с жизнью, чувствами, физической и умственной активностью, характером человека.

Возвращаясь же к вопросу о структурно-семантических аспектах перевода рассмотренной нами концептосферы «язык» на мате-

риале трёх разносистемных языков хотелось бы подтвердить мысль З.Д. Львовской о том, что смысл, являясь коммуникативной и субъективной категорией, зависит не от совпадений между двумя (а в нашем случае тремя) языками, а от менталитета, восприятия мира, привычек, ценностей, а также от самой реальной действительности, в которой действует индивид, наконец, от многочисленных факторов, которые образуют культурную полисистему [Львовская, 2007, с. 53]. И если при одноязычной коммуникации один и тот же смысл может быть выражен посредством различных языковых значений, то при переводе эта возможность не только возрастает, но и превращается иногда в необходимость вследствие экстралингвистических причин и также причин языкового характера, рассмотренных сквозь призму культуры, иными словами, вследствие когнитивно-культурных причин, поскольку язык — это одно из самых сильных проявлений культуры.

### **Список литературы**

- Антология мысли. Дао. Гармония мира. М.: Фолио, 2000. 860 с.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика / Пер. с фр.; под ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 399 с.
- Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 218 с.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Рус. яз.; 1980. 320 с.
- Гарбовский Н.К. Французский художественный текст в зеркале перевода // Исследования в области французского языка и французской культуры. Текст: Проблемы смыслопорождения, перевода, преподавания: Материалы второй международной конференции 26—27 апреля 2007. Пятигорск: МГУ им. М.В. Ломоносова, ПГЛУ. 2007. С. 232—243.
- Кольцова Ю.Н. Концепт как категория семантической теории перевода // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2008. № 4. С. 37—48.
- Леонтьев А.Н. Деятельность и сознание // Вопр. философии. 1972. № 12.
- Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Правда, 1990. 655 с.
- Львовская З.Д. Современные проблемы перевода. М.: Изд-во ЛКИ. 2007. 220 с.
- Савицкий В.М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 206 с.
- Селиверстова О.Н. Контрастная синтаксическая семантика. М.: Наука, 1990. 150 с.
- Сысоев П.В. Когнитивные аспекты овладения культурой // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. 2003. № 4. С. 110—123.
- Телия В.Н. Предисловие. Замысел. Цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс книга, 2006. 784 с.
- Шомахова Т.М. Семантико-когнитивный концепт «добро» во французской и русской сказке // La traduction: philosophie, linguistique et didactique / Lille: Conseil Scientifique de l'Université Chares-de-Gaulle. 2008. С. 444.

## *Словари*

- Кабардино-русский фразеологический словарь / Б.М. Карданов и др. Нальчик: Эльбрус, 1968. 364 с. (К-РФС).
- Новый большой французско-русский фразеологический словарь / В.Г. Гак и др. М.: Рус. яз., Медиа, 2005. 1625 с. (НБФ-РФС).
- Словарь кабардино-черкесского языка / М.П. Багов. М.: Научный центр РАН, Дигора, 1999. (СК-ЧЯ).
- Словарь образных выражений русского языка / В.Н. Телия и др. М.: Отечество, 1995. 368 с. (СОВРЯ).
- Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. 944 с. (ТСРЯ).
- Учебный русско-французский фразеологический словарь / А.И. Молотков. М.; Л.: Жост; АСТ, Астрель, 2001. 330 с. (УР-ФФС).
- Фразеологический словарь русского литературного языка / А.И. Федоров. Новосибирск: Наука, 1991. 273 с. (ФСРЛЯ)
- Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков. М.: Рус. яз., 1986. 638 с. (ФСРЯ).

**М.О. Алексеева,**

преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ  
имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* monorime@mail.ru

## **СВОЕОБРАЗИЕ ПРОСТРАНСТВА СМЫСЛОВ В ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ**

В статье рассматривается терминология русского православия с позиций семиотики. Раскрывается значение категории «смысл» и понятия «знак». Исследуется сложная смысловая структура религионимов, рассматривается образная и символическая составляющие конфессиональной лексики. Выявляются вербальные и невербальные семиотически значимые элементы терминологии православия.

**Ключевые слова:** терминология православия, религионим, фидеистическая лексика, семиотика, знак, символ, образ, пространство смыслов.

**Marianna O. Alekseeva,**

Teacher at the Higher School of Translation and Interpretation (Lomonosov MSU).  
*E-mail:* monorime@mail.ru

### **The Peculiarities of the Space of Sense in the Russian Orthodox Terminology**

The article discovers the Russian orthodox terminology from the point of view of semiotics. The meanings of categories “sense” and “sign” are being disclosed. Complicated structure of sense of religionyms and symbolic part of confessional lexicon are studied. Verbal and non-verbal semiotically important elements of orthodox terminology are stressed.

**Key words:** orthodox terminology, religionym, phydeistic lexicon, semiotics, sign, symbol, image, space of sense.

Культура как внешняя сторона сознания многоязычна и включает в себя множество кодовых систем, образующих смысловую сферу сознания. Категория «смысл» рассматривается не только — и даже не столько — в лингвистике, но и в философии, психологии, социологии, богословии. В сущности, любая духовная деятельность оперирует смыслами, так как именно в них воплощается сознание человека. На вопрос, что такое «смысл», есть разные ответы, связанные с различными аспектами исследования пространства смыслов. С культурологической точки зрения смысл — это сокровенное духовное начало в культуре. Смыслы присущи всем формам, явлениям, продуктам культурной деятельности, но они не воспринимаются органами чувств. Скрытый (сокровенный) смысл произведений культуры можно понять (постичь) только путем умственного труда, т.е. через знаковую работу понимающего себя сознания. Поэтому область бытия культурологических смыслов можно рассматривать как некое идеальное пространство смыслов [Никитина, 2006, с. 12].

Постижение смысла требует специального воспитания, обучения и развития и находится в центре внимания лингвистов вообще и переводоведов в частности. Семиотика позволяет применять знак как интеллектуальное орудие смыслопостижения и смыслопорождения. Знак неисчерпаем в своем содержании, как неисчерпаем предмет, который он замещает — у него может быть столько значений, сколько контекстов его употребления может быть найдено.

Письменная культура тяготеет к тому, чтобы рассматривать созданный богом или природой мир как текст, и стремится прочесть сообщение, в нем заключенное [там же, с. 115]. В последние десятилетия в языкознании наметился переход от структурных (созданных Ф. де Соссюром, Р. Якобсоном и др.) к антропоцентрическим основам теории языка (заложенных В. Гумбольдом, А.А. Потебней и др.), позволяющим выявить и изучить связи языка с сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью человека. Очевидно, что языковой материал терминологии православия, содержащей богатейшую информацию о характере, системе ценностей, этической ориентации и исторической судьбе народа, дает возможность реализовать многие теоретические положения современной лингвистики. Описание языка в его антропоцентрической парадигме позволяет нам не только фиксировать отдельные факты и явления этого языка, но и, в некоторых аспектах, исследовать материальную и духовную культуру его носителей. Органическое вхождение терминологии православия в общелитературный язык при сохранении терминологической точности, её теснейшая соотнесённость с экстралингвистической действительностью, идеологическая детерминированность и интернациональный характер значительной её части, наличие в семантике термина эмоционально-экспрессивных и национально-культурных коннотаций составляют специфику данной терминологии и требуют от переводчика глубокого погружения в сложную иерархию смыслов религионимов<sup>1</sup> для достижения необходимого уровня адекватности перевода.

Православную терминологию необходимо рассматривать с позиций семиотики — науки о знаковых системах, так как, во-первых, специальные лексические единицы, как и другие единицы

---

<sup>1</sup> Термин «религионим» не является устоявшимся в лингвистике, иногда он употребляется для определения онимической лексики в качестве неполного синонима терминов «мифоним», «теоним» и «культоним», обозначающих культовые имена и отражающие духовные понятия в монотеистических религиях (Бог Отец, Святой Дух, Святая Троица, Богородица, Создатель), чаще — как слово или составное наименование, используемое в религиозной сфере и обозначающее конфессиональное понятие. Мы будем называть религионимами термины конфессионального характера, имеющие непосредственное отношение к православной религии и церковной практике.



языка, представляют собой знаки, а во-вторых, язык православия включает в себя огромное разнообразие невербальных знаков. Фидеистическое слово, безусловно, зародилось как вербальная часть ритуала, и, естественно, оно сохраняет свою близость к нему, но в ритуале мы также видим множество семиотически значимых невербальных элементов. В христианских обрядах, каждый из которых можно рассматривать как своего рода текст, практически каждый элемент церковной службы, интерьера храма или одежды священнослужителей несёт свою смысловую нагрузку: так, например, термин «омофор», именующий деталь архиерейского облачения в виде полосы ткани через плечо, может означать заблудшую овцу (человечество), которую добрый пастырь (Христос) взял на плечи и отнёс к стаду (привёл к вере). Знаком может быть последовательность действий (определённый чин обряда), жест или поза (крестное знамение или коленопреклонение), форма одежды (вид облачений и их детали), цветовая гамма (цвета церковного убранства и одежд священников), звуковой ряд (церковное пение, чтение молитв и священных текстов, возгласы служителей церкви), запах (каждение ладаном), вкус (просфора и красное вино при причащении), игра света (дневного или от зажжённых свечей и лампад). Из этого сложного комплекса знаков и рождается то, что мы называем «языком церкви», т.е. возникает особый вид коммуникации, насыщенный сложными конвенциональными знаками — образами и символами.

Глубинное понимание плана содержания слова, умение выстроить адекватную иерархию смыслов, заключённых в лексической единице, восприятие слова как части семиотической системы — необходимые качества переводчика. Проблема верности перевода была и остается наиболее значимой как в теории, так и в переводческой деятельности. Предлагая свою интерпретацию, переводчик пытается расшифровать субъективные смыслы исходного текста, оперируя общими, т.е. объективными смыслами знаков [Гарбовский, 2004, с. 272]. Очевидно, что центральной категорией перевода как особого вида деятельности является категория переводческого эквивалента. Н.К. Гарбовский полагает, что категории общей семиотики лежат в основе переводческой эквивалентности и что «приёмы закономерных переводческих преобразований, необходимых для достижения эквивалентности между речевыми произведениями оригинала и перевода, должны непосредственно соотноситься с теми семиотическими категориями, на которых основывается многоуровневая система переводческой эквивалентности». «Эквивалентный перевод это тот, в котором все преобразования смыслов, заключённых в исходном сообщении, носят рациональный характер и не зависят непосредственно от воли переводчика» [там же, с. 388, 389].

Н.И. Мечковская отмечает в религиозной лексике не только более высокую формально-смысловую организованность, но и образность, иносказательность, метафоричность, символизм, принципиальную противопоставленность «обычному» языку [Мечковская, 1998]. В значительном корпусе православных терминов содержится сакральная символика, онтологически присущая фидеистической лексике: термин «**родостапна**», именующий розовую воду, употребляемую при освящении престола, в своём плане содержания сохраняет значение благовония, которым Мария умастила ноги Иисуса Христа, термин «**воскомастих**», означающий специальную мастику, необходимую принадлежности освящения православных храмов, содержит значение той благородной мази, которой помазали тело Спасителя, снятое с креста, и др. Философ и поэт В.С. Соловьев, рассматривая различные способы постижения мироздания, писал: «Извне, со стороны нашей феноменальной отдельности, — знание относительное, в двух видах, как эмпирическое и рациональное, и изнутри, со стороны нашего абсолютного существа, внутренне связанного с существом познаваемого — знание безусловное, мистическое» [Соловьев, 1988, с. 724]. Символ, по Соловьеву, не знак вещи, но знак трансцендентного мира, выступающего как отрицание мира вещественного. Следует заметить, что своеобразии конфессиональных терминов состоит как раз в том, что они содержат знаки, которым в коммуникативном акте приписываются некие трансцендентные свойства. И В. Соловьев, и Ч. Пирс рассматривали символ как высшее проявление возможностей языка, а именно, возможности выхода за границы обозначения вещей. Но если Ч. Пирс считал символизацию результатом саморазвития мышления и способом его знакового выражения, связанным с предельным иносказанием, с предельной конвенциональностью, то для В. Соловьева символ связан не с конвенциональностью или иносказанием, но с обозначением полноты Божественного содержания, с данностью идеи в Слове [Пирс, 2000; Соловьев, 1988]. Такая идея выражена, например, в термине «**просфора**», именующем причастный хлеб. Просфора является символом тела Христа, кроме того, просфора, приготовленная из муки от зерен бесчисленного множества колосьев, означает и человеческое естество, состоящее из множества элементов природы, и человечество в целом, состоящее из множества людей; при этом нижняя часть просфоры соответствует земному (плотскому) составу человека и человечества, а верхняя часть с печатью — небесному (духовному) началу в человеке и человечестве, в котором запечатлён образ Божий и таинственно присутствует Дух Божий. Некоторые лингвисты считают, что в словах-символах заложен смысл, представляющий некую идею, а не собственный референт

слова [Марковина и др., 2008, с. 57]. Это справедливо для терминов православия, которые становятся вместилищем сложных поэтических образов и отсылок к событиям, отражающим земную жизнь Иисуса Христа, что многократно расширяет семантику слова и временные рамки связанных с ним ассоциаций. Так, например, термин «**убрус**» обозначает ткань удлиненной формы, которой украшают иконы, она же символизирует полотенце, которым Христос отер ноги апостолам; кроме того, Святым Убрусом называется христианская реликвия, на которой отпечатался лик Христа, когда он отер своё лицо.

Информация о внешнем мире, сохраняющаяся в человеческом сознании, содержит не только факты деятельности, но и их оценку; вербализуются концепты, связанные как непосредственно с языком, так и с другими каналами получения информации, и этот процесс носит сугубо индивидуальный характер. Переводческая интерпретация подчинена индивидуальному когнитивному опыту, способности переводчика понять частное, субъективное через общее, объективное. Индивид в языковых формах выражает не столько саму объективную действительность, сколько своё восприятие этой действительности, т.е. отражение субъективного образа объективного мира и лежит в основе «ословливания» объекта или явления [Ивина, 2003, с. 30, 31], соответственно переводчик «расшифровывает то, что увидел, осмыслил, прочувствовал и затем описал автор оригинального текста» и «пытается воссоздать виртуальный образ действительности». «В результате такого воссоздания рождается еще одна картина, в которой реальность просматривается сквозь призму двойной субъективности мировосприятия» [Гарбовский, 2004, с. 319]. «Каждая ситуация может быть по-разному описана языковыми средствами, так как существует возможность использовать неидентичные подходы к трактовке ситуации и разноструктурные единицы номинации» [Ивина, 2003, с. 33]. В качестве иллюстрации этого утверждения можно использовать термины православия, например «**крещение**» или «**венчание**». Они содержат разные палитры смыслов для тех, кто участвует в обрядах, называемых этими терминами, — т.е. для субъектов (духовных лиц, совершающих таинство), и объектов («**крещаемых**» или «**венчаемых**»). При переводе языковых единиц со сложной смысловой структурой необходимо расшифровывать смыслы комбинаций знаков исходного текста, которые переводчик принимает за единицу ориентирования, и следовать от знака к значению, выделяя «такую когнитивную категорию, которая соответствовала бы знанию о предмете конкретного индивида, строящего конкретное высказывание в конкретном речевом акте, т.е. ту, которая и формирует субъективный смысл высказывания» [Гарбовский, 2004,

с. 272—273]. Н.К. Гарбовский неоднократно подчёркивал, что в задаче переводчика входит воспроизведение системы смыслов, заключённой в оригинале, средствами иной семиотической системы [там же, с. 354].

Кроме того, в основе переводческой деятельности лежит художественно-образная форма воспроизведения действительности [там же, с. 351]. Абрам Соломоник замечает, что слово занимает промежуточное положение между образом, с одной стороны, и символом, с другой. Образ более тесно связан с обозначаемым; он по природе своей конвенционален, но не настолько конвенционален, как символ [Соломоник, 1992, с. 86]. В семиотическом аспекте образ есть знак, т.е. средство смысловой коммуникации в рамках данной культуры. Если образ является знаком, т.е. вещественным элементом, в котором зашифрована информация о каком-либо фрагменте действительности, то и избранный переводчиком эквивалент также является знаком, в котором зашифрована информация о том объекте действительности, каким является оригинал [Гарбовский, 2004, с. 353]. Однако термины православия содержат в себе отчётливую символическую составляющую, при этом православная символика не допускает произвольного символотворчества, оставляя человека в жёстких рамках ветхо- или новозаветных литургических пластов и основных догматов веры.

В церковном обиходе принято выделять два вида символов, условно обозначая их как *знаки* (символы, иносказательно намекающие на то, что изображают) и *образы* (символы, представляющие собой непосредственное сакральное изображение)<sup>2</sup>. Так, например, «**палица**» — ромбовидный плат с изображением креста, который носится на ленте, символизирует духовный меч, которым всегда должен быть вооружен пастырь, — является *знаком*, а «**распятие**» — один из видов православного креста — является *образом*, так как мы в нем воочию видим Иисуса Христа, распятого на кресте; обычный же крест — четырех-, шести- или восьмиконечный — это уже *знак*. К *образам* мы можем отнести термины «**копие**», означающий острую палочку для вынимания частиц из просфор в виде копья, пронзившего Христа на кресте, и «**вервие**», именующий длинную (около 40 метров) веревку, опоясывающую престол и вызывающую ассоциации с путями, которыми был связан Христос, ведомый на суд, т.е. эти термины обозначают атрибуты церковных обрядов, повторяющие по форме предметы, связанные со страданиями Христа. К *знакам* — термины, именующие внешние и внутренние архитектурные формы храма, священные

---

<sup>2</sup> Не случайно в православии иконы, изображающие лики и облики Христа, Богоматери или святых, называются образами.

сосуды, головные уборы и детали одежды священнослужителей, которые не вызывают столь прямых ассоциаций: например, **«параман»** — четырёхугольный плат с изображением восьмиконечного креста, который носится монахами на груди как символ мук Спасителя; **«митра»** — головной убор священнослужителя, который изображает терновый венец и символизирует верховную власть Христа; **«саккос»** — нижнее простое облачение епископов, символизирующее печаль и смирение, и многие другие.

Очевидно, что не только слово, но и любая знаковая система включает план выражения и план содержания. В плане содержания находится мысленный образ, наложенный на замысел структуры и выразительных возможностей языка церкви, в плане выражения — материальные носители сообщений в определённой форме (в языке церкви их множество). «Значимость» знака определяется только системой, в которую он включён. В процессе «субъективного отражения реальности и автор оригинала, и переводчик оперируют знаками языков как общественно значимых форм отражения действительности, которые заключают в себе информацию о культуре всего языкового социума» [Гарбовский, 2004, с. 319].

В фидеистической лексике знаки отличаются высокой степенью конвенциональности. Конвенциональные знаки связаны с реальностью не напрямую, а лишь опосредованно и передают более сложные связи между предметами и явлениями. Они построены на изоморфизме идей, связывающих знак с изображаемым, т.е. главной характеристикой образа является его изоморфизм по отношению к изображаемому [Дианова, 2000, с. 21]. Однако, как мы уже отмечали, в церковном дискурсе такие знаки, сохраняя условность, теряют свою произвольность в силу закреплённости за каждым знаком определённых смыслов. В конфессиональной практике за каждым знаком — иконическим или конвенциональным — стоит вполне определённый комплекс идей, который может подвергаться лишь незначительной корректировке. Сложная палитра смыслов отличает многие термины, именующие атрибуты православных обрядов: **«звездица»** — специальное сооружение на дискосе, которое символизирует звезду, возвестившую рождение Спасителя; **«дикирий»** («двусвечник») — ручной подсвечник, символизирующий единство божественной и человеческой природы Христа, который употребляется при архиерейском служении, и **«трикирий»** («трехсвечник»), который символизирует Святую Троицу.

«Если знаки письменной культуры обозначают смысл, то символы напоминают о нём. Они обретают смысл в ритуале и только в нём. Символы включены в синкретический текст ритуала или мнемонически связаны с устными текстами, приуроченными

к конкретному месту и времени» [Никитина, 2006, с. 114]. Это утверждение как нельзя более справедливо для терминологии русского православия, так как во всех ее терминосистемах символика играет особую роль. Специфика фидеистических терминов состоит в том, что огромное их количество образуется на основе сложных символов, связанных с основными догматами христианской церкви и с историей христианской религии. Символом принято считать предметный или словесный знак, условно выражающий сущность какого-либо явления с определённой точки зрения, которая и определяет сам характер, качество символа, в частности религиозного. В символе всегда содержится переносное значение и скрытое сравнение, наличествует та или иная связь с явлениями быта или исторического порядка, с историческими сказаниями или определёнными верованиями и т.п. [Словарь литературоведческих терминов, 1974, с. 348—349]. Глубокий символический смысл содержится в терминах, обозначающих церковные одежды и детали облачения священнослужителей: «**звонцы**» — принадлежность архиерейской одежды, символизирующая благовестие слова Божьего; «**стихарь**» — церковное облачение, которое символизирует одежду земной жизни Христа, а также чистую совесть, непорочную жизнь и духовную радость; «**фелонь**» — длинное и широкое облачение священников, изображает хламиду, в которую одели Христа воины, и символизирует Господа, приносящего себя в жертву; «**поручи**» — специальные нарукавники, являющиеся частью облачения священника и символизирующие узы, которыми были стянуты руки Христа.

Рассматривая язык как систему знаков, развивающуюся во времени, Фердинанд де Соссюр пришел к выводу, что в диахронии знак тяготеет к символу, далеко не всегда произвольному [Соссюр, 1977]. Своеобразие фидеистических текстов состоит в том, что они содержат вербальные знаки (слова, словесные формулы, высказывания, последовательность высказываний и т.д.), которым в коммуникации верующих приписываются те или иные трансцендентные свойства: магические способности, чудесное, «неземное» (божественное или, напротив, демоническое, адское, сатанинское) происхождение, святость (или, напротив, греховность), внятность потусторонним силам [Мечковская, 1998].

Теорию символического дискурса создал П.А. Флоренский, во многом опиравшийся на идеи В.С. Соловьева. В ней он утверждал связность и целостность словесного мира, благодаря которой открывается новая реальность. «Невидимые нити могут протягиваться между словами там, где при грубом учёте их значений не может быть никакой связи; от слова тянутся нежные, но цепкие щупальцы, схватывающиеся с таковыми же других слов, и тогда реальности,

недоступные школьной речи, оказываются захваченными этой крепкой сетью из почти незримых нитей», — писал он [Флоренский, 1973, с. 369]. Слово, с точки зрения Флоренского, есть символ, открывающий новое, христианское понимание мироустройства. Фидеистическая коммуникация противостоит земному, «межчеловеческому» общению — не только бытовому, но и официальному или праздничному (хотя, разумеется, испытывает их влияние и само влияет на них — особенно в сфере эстетического и статусно-ролевого общения) [Мечковская, 1998].

Такого рода символика, наполненная особым, мистическим содержанием придаёт плану содержания фидеистических терминов смыслы как постигаемые, так и непостижимые, но априори существующие. Многие фидеистические термины обладают вполне определённым предметным значением, самостоятельным символическим значением, отсылающим нас к протоевангельской истории или к событиям первохристианских веков, и одновременно сложной мистической составляющей, вызывающей особое, отличное от повседневного, состояние человека, в котором он способен прикоснуться к сферам, недоступным его сознанию<sup>3</sup>. Это своеобразное триединство заключено, например, в термине «**церковное вино**»: он означает вино, смешанное с тёплой водой (вещественная составляющая), символизирует жертву, принесённую Христом во имя искупления грехов человечества, заставляет вспомнить о событиях первого века — распятии и страданиях Иисуса Христа (символическая составляющая) и даёт возможность приобщиться к церковному таинству превращения вина с водой в кровь Христову (мистическая составляющая). Термин «**агнец**» называет частицу четырёхугольной формы, вынимаемую из просфоры во время проскомидии (вещественная составляющая), которая символизирует тело Христово в обряде освящения святых даров (символическая составляющая) и являет собой присутствие самого Спасителя в церковном таинстве (мистическая составляющая). Термин «**потир**» именуется особой чашу или кубок с длинной ножкой и круглым основанием (предметная составляющая), символизирует чашу, переданную Христом на Тайной вечере своим ученикам, заставляет нас вспомнить евангельскую историю (символическая составляющая), и является необходимым атрибутом таинства причащения, священным сосудом, в котором вино с водой превращается в кровь (мистическая составляющая). Важно, что в плане содержания термина эти три семантических пласта диффундируют, образуя единое нерасчленимое целое.

---

<sup>3</sup> Эта сакральная составляющая требует написания значительного количества православных терминов с прописной буквы — как знак исключительности подобных лексических единиц.

Поскольку храм отличается особой, семиотически насыщенной архитектурой, семиотически значимыми являются также детали интерьера и все внутреннее пространство храма, а термины, обозначающие архитектурные части, содержат дополнительное символическое и мистическое значение. Так, например, в терминах **«купол»** (символ вечного неба и «горнего мира») и **«купольный крест»** (символизирует пламя горящей свечи) заключается информация о глубокой связи небесного и земного в едином сакральном пространстве. Престол — прямоугольный стол, стоящий посередине алтаря и служащий, главным образом, для совершения евхаристии, он символизирует одновременно небесный трон Творца и гроб Спасителя, соответственно термин **«престол»** включает в себя почти неограниченное множество смыслов, составляющих основу христианской веры. В термине **«киворий»**, именующем купол над престолом, содержится символ омрачённого неба над телом Иисуса Христа после распятия и смерти. Термин **«амвон»** означает не только возвышение в пространстве храма — это и вифлеемская пещера, где родился Христос, и гора, с которой он проповедовал, и камень, с которого ангел возвестил женам о вознесении Христа, — таким образом, в плане содержания термина, помимо предметного значения, уместается едва ли не вся евангельская история.

Религиозный ритуал логично рассматривать как текст, сформированный на основе строгой конфессиональной иерархии. Особый смысл в этом тексте имеет даже символика цвета и света. В течение церковного дня, от вечерней до утренней церковной службы, свет организует определённым образом пространство храма и является знаком, несущим важную смысловую нагрузку (время, когда в храме зажигаются свечи, именуется особым термином — **«светильничное»**). Сложившийся цветовой канон облачений священников и покровов состоит из белого цвета, который является символом божественной благодати, семи цветов спектра солнечного света и чёрного цвета, который является символом отречения от земной жизни или траура.

С течением времени в церковной практике символическое значение терминов может проявляться, обнажаться или, наоборот, скрываться, вуалироваться. В качестве иллюстрации можно привести термин **«омовение ног»**. В XVI в. он имел прямое, хотя и наполненное сложной символикой, значение — архиерей во время службы омывал ноги священникам. В современном церковном речевом обиходе этот термин утратил прямое значение и превратился в метафору любви и смирения: так называется обряд, совершаемый в Великий Четверг, когда архиерей преклоняет колено перед каждым из 12 священников и целует им руку, а они затем целуют



митру и руку архиерея — как воспоминание о Тайной Вечери, на которой Христос совершил омовение ног своим ученикам<sup>4</sup>.

Кроме того, символическая составляющая плана содержания термина может меняться в зависимости от ситуации. Так, например, термином **«орарь»** называется длинная широкая лента в облачении диаконов; если она лежит на плече, то является символом смирения и целомудрия, а если орарь повязан крест-накрест, то он символизирует ангельские крылья.

Итак, мы видим, что фидеистическое слово включено в важнейшие ситуации в духовной жизни человека и что особый драматизм и напряженность в коммуникации, включающей религиони-мы, связаны с тем, что здесь человек обращается к высшим силам, во всем его превосходящим, не видимым и никогда не познаваемым до конца [Мечковская, 1998]. Очевидно, что терминология православия в семиотическом дискурсе является сложной знаковой системой, органично включающей в себя вербальные и невербальные группы знаков, содержащих образы и ассоциации, объединённые сакральным значением. Рассматривая понятие «язык церкви», мы должны констатировать, что данная семиотическая система характеризуется различными оперативными способами (зрение, слух, вкус, обоняние, осязание), определённой сферой действия, т.е. областью, в которой эта система является обязательной, признается и воздействует на поведение (религиозная практика православия), природой и количеством знаков (их множество: особым образом произносимые слова и фразы, звуки песнопений, цвет облачений и покровов, форма церковной утвари, аромат благовоний и т.д.) и сферой функционирования (церковно-религиозная практика). Особым знаком является даже круговая композиция церковных служб, выводящая человека из линейной временной системы: движение литургического времени имеет круговой характер, символизируя связь с вечностью. Внутри семиотической системы возникает почти неограниченное количество соответствий: различные знаки, вступая в сложные связи, образуют особый мир и формируют отражающую этот мир систему образов — так возникает гомологическое соответствие между словом, действием, жестом, позой, цветом, формой, запахом и т.д. Все это должно неизменно оставаться в сфере пристального внимания в процессе перевода терминов православия на другие языки. Речь идет не только о максимально точной передаче культурной составляющей, но и о на-

---

<sup>4</sup> В настоящее время патриарх Кирилл вернул термину его прямое значение, омыв в лохани и отерев убрисом (полотенцем) ноги двенадцати архиереям во время церковной службы в Храме Христа Спасителя. Следует отметить, что при всех корректировках чина обряда сложное символическое значение термина **«омовение ног»** сохранялось неизменным.

личии сложной духовной составляющей, формирующей план содержания каждого термина и носящей сугубо индивидуальный характер. И здесь нельзя не согласиться с мыслью Н.К. Гарбовского: «если нас интересует вопрос о том, как происходит контакт культур не вообще, а именно в переводе, мы должны непременно учитывать, что в переводе осуществляется не столько контакт, сколько столкновение культур» — «культуры, субъективно воспринятой и описанной автором оригинала, с субъективными представлениями переводчика о чужой культуре и об особенностях ее интерпретации автором оригинала (курсив мой. — М.А.) [Гарбовский, 2004, с. 320]. Специфика фидеистической лексики предполагает наличие индивидуальных коннотативных смыслов, связанных с внутренней, духовной жизнью человека, а искусство переводчика состоит в том, чтобы передать всю палитру смыслов в иной семиотической системе, сохраняя переводческую адекватность и эквивалентность.

### ***Список литературы***

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
- Дианова Г.А.* Термин и понятие: проблемы эволюции. М., 2000.
- Ивина Л.В.* Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем. М., 2003.
- Марковина М.Ю., Сорокин Ю.А.* Культура и текст. Введение в лакунологию. М.: Наука, 2008.
- Мечковская Н.Б.* Язык и религия. М., 1998.
- Никитина Е.С.* Семиотика: Курс лекций. М., 2006.
- Пирс Ч.С.* Логические основания теории знаков. СПб., 2000.
- Полный православный богословский энциклопедический словарь. Репринт. М., 1992.
- Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974.
- Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1.
- Соломоник А.* Язык как знаковая система. М.: Наука, 1992.
- Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
- Флоренский П.А.* Строение слова. Контекст. М., 1973.

## ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

*О.И. Костикова*

### НАУКА О ПЕРЕВОДЕ СЕГОДНЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВМЕСТНОЙ НАУЧНОЙ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ, ИСТОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПЕРЕВОДА

*С 1 по 3 октября в Высшей школе перевода прошла II-я Международная конференция «Наука о переводе сегодня», приуроченная к Международному дню переводчика. Конференция была посвящена важнейшей проблеме теории перевода и практической переводческой деятельности, а именно проблеме **смысла в переводе**.*

С древнейших времен перевод ориентирован на передачу системы смыслов исходного речевого произведения. Понимание того, что переводчики не перелагают слова исходного текста, а передают смысл исходного сообщения, отмечалось еще в античный период. О передаче смысла в переводе писали Цицерон, св. Иероним, мыслители Возрождения и многие другие, противопоставляя «разумный» перевод формальному.

Но представление о системе смыслов, заключённой в исходных сообщениях, о возможностях и границах воспроизведения этой системы в переводе постоянно развивается и уточняется вместе с развитием теории перевода и переводческой практики.

Конференцию открыл проректор Московского университета В.В. Белокуров, который обратился к участникам форума со словами приветствия, а также передал пожелания успехов от ректора Московского университета академика РАН В.А. Садовниченко.

В рамках предложенной темы «Перевод и смысл» обсуждался широкий спектр вопросов, касающихся философии, социологии и методологии перевода, лингвистических аспектов перевода, переводческого литературоведения, психологии переводческой деятельности, истории перевода и переводческих учений, переводческой практики и методики обучения различным видам переводческой деятельности.

Приветствуя участников форума, Президент Союза переводчиков России Л.О. Гуревич отметил, что данная конференция, проходящая в Московском университете и организованная Высшей школой перевода, свидетельствует о том, что в науке о переводе

сформировалось чрезвычайно важное направление, а именно, философия перевода.

Следует отметить, что тема «Перевод и смысл», безусловно имеющая философское звучание, была сформулирована в ходе первой международной конференции «Наука о переводе сегодня», проходившей в октябре 2007 г. Именно тогда участники конференции — преподаватели Высшей школы перевода и философского факультета Московского университета — предложили сосредоточиться на проблеме перевода и смысла с позиций самых разных научных дисциплин. Мы отчётливо осознавали всю значимость и всё многообразие вопросов, возникающих у множества переводчиков, философов, лингвистов, литераторов, когда они обращаются к этой теме. Вряд ли можно найти в современной науке хотя бы одну работу, посвящённую переводческой деятельности, в которой так или иначе не поднималась бы проблема смысла.

Сегодня перевод, переводческая деятельность оказались в центре внимания специалистов, исследующих область межъязыковой и международной коммуникации. Только в Москве, и только в последние дни прошло не менее четырёх научных и научно-практических конференций, посвящённых переводу; конференции организуют образовательные учреждения, переводческие компании, ассоциации и т.п. Неделю назад закончилась, международная научная конференция по проблемам перевода в Грацце, в Австрии, через несколько дней начнётся конференция в Токио, двумя неделями позже — в Стамбуле, а через месяц — в Париже, и это далеко не полный перечень научных мероприятий, посвящённых переводческой деятельности.

Выступающие отметили значимость данной тематики для науки о переводе, ведь смысловосприятие и смыслопорождение представляют собой вечные и всеобъемлющие вопросы перевода, как в плане практики, так и в плане теории. В докладах отмечалось, что «теория перевода, вобравшая в себя на этапе становления многие положения семасиологии, на сегодняшний день оказывается дисциплиной, способной развить и обогатить науку о значениях».

Отрадно сознавать, что, несмотря на множественность конференций, а также на экономический кризис, тяжелые финансовые условия, резкое сокращение грантов и иных инвестиций в науку, на наш призыв обменяться мнениями по этой проблеме в стенах Московского университета откликнулись философы, психологи, филологи, лингвисты из различных вузов многих городов России и

многих стран мира. Участвовать в конференции выразили готовность наши коллеги с других факультетов Московского университета, из других вузов Москвы, из многих городов России — Санкт-Петербурга, Новосибирска, Твери, Иркутска, Астрахани, Белгорода, Нижнего Новгорода, Казани, Перми, Ставрополя, Красноярска.

Международная география участников также весьма разнообразна. На конференцию приехали наши коллеги из ближнего и дальнего зарубежья, преподаватели, исследователи-переводоведы, преподаватели перевода, переводчики из Бельгии, Болгарии, Греции, Испании, Ирана, Ирландии, Италии, Казахстана, Китая, Литвы, Польши, Румынии, Сербии, США, Узбекистана, Украины, Финляндии, Франции.

Рабочими языками конференции были объявлены русский, английский, немецкий и французский, что предполагало обеспечение выступлений синхронным переводом. Синхронный перевод осуществлялся студентами пятого, выпускного курса Высшей школы перевода. Участники конференции отметили высокую квалификацию молодых переводчиков и их готовность к практической работе. В одном из заключительных выступлений отмечалось, что «данная конференция несомненно способствовала развитию многоязычия в мире, так как выступления, звучавшие на разных языках, сопровождались синхронным переводом. Это позволило устранить языковые барьеры между участниками».

Конференция завершилась проведением круглого стола, посвящённого «Международному году сближения культур» (2010), объявленному ЮНЕСКО, а также Мастерской художественного перевода, где секретами творческого мастерства поделился с участниками конференции переводчик художественной литературы, член Союза писателей России В.И. Баканов.

Организационный комитет конференции выражает надежду, что очередная встреча специалистов в области теории и практики перевода, преподавателей перевода позволила обсудить многие сложные вопросы теории перевода, обменяться опытом, наметить пути дальнейшего сотрудничества в области обучения переводу, а также расширить перспективы совместных исследований в области теории, истории и методологии перевода.

*К 150-летию со дня рождения А.П. Чехова*

**II Международная научно-практическая конференция  
«Русский язык и культура в зеркале перевода»**

**28.04.2010—02.05.2010**

Место проведения: г. Салоники (Греция)

Организатор — Высшая школа перевода (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

На конференции планируются выступления и дискуссии по следующим направлениям:

**1. Русская литература в переводах на языки мира**

- А.П.Чехов на языках мира.
- Чеховские герои как отражение национального менталитета русского народа.
- Образы России у А.П. Чехова и их интерпретация переводчиками.
- А.П. Чехов на сценах театров мира: межсемиотический перевод;
- А.П. Чехов в переводах: история и современность. Зачем нужны новые переводы?
- Интерпретация русских реалий в переводах произведений А.П. Чехова.

## **2. Теория, история и методология художественного перевода:**

- общая теория художественного перевода;
- история художественного перевода;
- методология художественного перевода;
- лингвостилистические аспекты художественного перевода;
- интерпретация художественного текста и перевод;
- эволюция русской языковой картины мира;
- вопросы взаимодействия культур в художественном переводе.

## **3. Русский язык в системе подготовки переводчиков:**

- современные концепции обучения русскому языку;
- опыт создания национально-ориентированных словарей, учебников и учебных пособий;
- речевая культура переводчика: соотношение системы, нормы и узуса;
- пути повышения мотивации изучения русского языка в современном мире;
- культурно-антропологический аспект обучения русскому языку переводчиков.

Рабочий язык конференции – русский.

E-mail: [info\\_rusperevod@mail.ru](mailto:info_rusperevod@mail.ru)

Сайт: [www.esti.msu.ru](http://www.esti.msu.ru)

## Информация для авторов журнала

Журнал “Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода” выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

### *Требования к формату текста статьи:*

- объем рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текстовый редактор.

### *Требования к форме предоставления статей:*

— текст представляется на трехдюймовой дискете, не содержащей компьютерных вирусов и механических дефектов, в формате RTF или на диске и в распечатанном на бумаге виде;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных листах;

— необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *примечания* в виде подстраничных сносок;

— *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [Ibid., p. 123] для иноязычных источников;

— данные *об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора.

### *Просьба к авторам — вернуть в тексты букву «ё».*

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу: 119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1 учебный корпус ГФ, факультет “Высшая школа перевода”, комн. 1150. Тел.: 8-495-939-33-48. Адрес электронной почты: vestnik22@mail.ru

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.



## **УЧРЕДИТЕЛЬ:**

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова**

## **РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:**

**ГАРБОВСКИЙ Н.К.**, главный редактор,  
**ДИАНОВА Г.А.**, зам. главного редактора,  
**КОСТИКОВА О.И.**, зам. главного редактора,  
**МОЗГОВАЯ Л.А.**, ответственный секретарь,  
**БЕЛЬСКИЙ Е.В.**, **ВИССОН ЛИНН (США)**, **ЕСАКОВА М.Н.**,  
**ЗАБРОВСКИЙ А.П.**, **КОЛЬЦОВА Ю.Н.**, **МАТАСОВ Р.А.**,  
**МИШКУРОВ Э.Н.**, **РЕЗНИЧЕНКО О.Л.**, **ТОРСУКОВ Е.Г.**,  
**ШАБАГА И.Ю.**

Редактор *М.Л. Балашова*

Технический редактор *Н.И. Матюшина*

Корректоры *А.Я. Марьясис*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.  
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

### **Адрес редакции:**

*125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.  
Тел. 697-31-28*

Подписано в печать 06.10.2009. Формат 60×90<sup>1/16</sup>. Бумага офс. № 1.  
Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 1,76.  
Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 220 экз. Заказ № . Изд. № 8821.

Ордена “Знак Почета” Издательство Московского университета.  
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.  
Типография ордена “Знак Почета” Издательства МГУ.  
119992, Москва, Ленинские горы.

**ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)**  
**ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО  
МОСКОВСКОГО  
УНИВЕРСИТЕТА**

ISSN 0201-7385. ISSN 2074-6636.

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2009. № 3. 1—128.

**ISSN 0201-7385**

**ISSN 2074-6636**